РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1990

ББК Ю3(2)5я7
Р-892

Рецензенты: кафедра истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета; кандидат философских наук, доцент *С. В. Аржанухин*

Редактор £ *Г. Понизовкина*

Р-892 Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия / Сост., библиогр. статьи и прим. Б. В. Емельянова. Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1990. 400 с.
ISBN 5—7525—0075—3

Книга соответствует программе курса истории философии для гуманитарных и философских факультетов высших учебных заведений, включает труды русских мыслителей второй половины XVIII в. В ней представлены произведения, характерные для творчества русских мыслителей различных философских течений — просветителей, вольфианцев, масонов, русских естествоиспытателей. Тексты сопровождаются примечаниями, справочно-библиографическим аппаратом. Часть произведений публикуется в советское время впервые.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям. Как сборник произведений русской философии второй половины XVIII в. книга будет интересна широкому кругу читателей.

0301030000-03
182(02)—90

ISBN 5—7525—0075—3 © Сост. Б. В. Емельянов, 1990

От составителя

Книга представляет собой первую учебную хрестоматию по истории русской философии второй половины XVIII в. Она включает тексты произведений русских мыслителей, соответствующие 6—7 темам действующей Программы курса истории философии народов СССР для философских факультетов (М., 1985) и ряда тем Программы курса истории философии для высших учебных заведений (М., 1984).

Философские тексты, относящиеся к этому периоду истории русской философии, были изданы лишь однажды, в двухтомном сборнике «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.» (1952). Эта публикация текстов русских просветителей второй половины XVIII в. была для своего времени значительным вкладом в изучение отечественной философии, поскольку большинство текстов русских мыслителей впервые увидело свет со дня своей первой публикации. Сейчас это издание почти недоступно для массового читателя. К тому же оно содержит лишь часть имен и текстов, включенных в программу.

Часть текстов русских мыслителей второй половины XVIII в. опубликована в последнее время в различного рода специальных хрестоматиях и антологиях, таких как «История эстетики в памятниках и документах», «Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина **XVIII** века» (М., 1959), «Антология педагогической мысли России **XVIII** в.» (М., 1985), «Русская журналистика XVIII—**XIX** веков. Тексты» (М., 1986), «Антология мировой философии», «Русская литература последней четверти **XVIII** века. Хрестоматия» (М., 1985) и других. Они носят специальный характер и как учебные пособия для изучения исто-

рии русской философии могут быть использованы лишь частично.

Наконец, произведения, принадлежащие выдающимся деятелям русской культуры второй половины XVIII в.— А. Н. Радищеву, Н. И. Новикову, Д. И. Фонвизину, Г. Р. Державину, в советское время неоднократно пере-; издавались в различных изданиях. Публиковались также произведения М. М. Щербатова, А. Болотова, К. Вольфа.

При составлении хрестоматии мы использовали подборку материалов и частично примечания к ним из вышедших ранее хрестоматий и отдельных публикаций. Материалы сгруппированы по философским школам, идеологическим течениям, персоналиям. Всего таких разделов шесть: просветители, вольфианцы, М. М. Щербатов, идеалисты-мистики, стихийные естественнонаучные материалисты, А. Н. Радищев. В них содержатся тексты, не выходящие за рамки 1750—1800-х гг., хотя некоторые произведения русских мыслителей этого периода были написаны и опубликованы за пределами хронологических рамок. Тексты произведений, помещенных в хрестоматии, печатаются в порядке их первых публикаций, или, если они не были опубликованы своевременно, по дате написания.

Большая часть текстов дана в сокращении или в отрывках, что позволило, во-первых, сконцентрировать материал, во-вторых, при малом объеме текста представить его по возможности широко и полно. Сокращения обозначаются отточиями в скобках. Абзацы сохраняются.

Публикации текстов русских мыслителей второй половины XVIII в. сопровождаются краткими биобиблиографическими справками и примечаниями. Тексты печатаются по последним научным изданиям, если таковые имеются. Авторские примечания даются в сносках, остальные необходимые для верного понимания текста пояснения, в том числе переводы встречающихся иностранных слов и выражений,— в примечаниях в конце текста. Различного рода вставки, расшифровки авторских сокращений, недостающих или пропущенных слов помещены в тексте в квадратных скобках.

Биографии И. В. Лопухина и И. Е. Шварца написаны С. В. Аржанухиным. Им же подобраны тексты философских лекций И. Е Шварца.

Раздел I

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПОПОВСКИЙ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ

О первых годах жизни Н. Н. Поповского мало известно. По некоторым данным он родился в 1730 г. (этой даты придерживается большинство исследователей), по другим — в 1726 г. в семье московского священника. Обучался Н. Н. Поповский в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1748 г. В. К. Тредиаковский среди других десяти учеников отобрал его для дальнейшего обучения в Петербургском Академическом университете. За время обучения в нем Н. Н. Поповский показал значительные успехи, изъявив желание «обучаться философии», в которой, согласно отчету специальной комиссии 1751 г., составленной из академиков, «такой опыт искусства оказал, что на все вопросы ответствовал» (Цит. по: Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 118). Он был любимым учеником М. В. Ломоносова, рекомендовавшим его по окончании Академического университета на должность ректора Академической гимназии. Вместо этого он был назначен в конце 1753 г. конректором этой гимназии. В том же году Н. Н. Поповский одним из первых в России получил звание магистра и после открытия в 1755 г. Московского университета был назначен ректором университетской гимназии.

26 апреля 1755 г. в день торжественного открытия Московского университета Н. Н. Поповский начал курс лекций речью на латин-

ском языке «О содержании, важности и круге философии». В августе того же года эта речь на русском языке под заглавием «Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским» была опубликована М. В. Ломоносовым в «Ежемесячных сочинениях».

Основной тезис лекции — «нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было бы невозможно» — был горячо принят слушателями и отстаивался Поповским до конца преподавательской деятельности.

Спустя год Н. Н. Поповский был избран профессором красноречия (элоквенции). В том же году им было написано замечательное дидактическое сочинение «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», обращенное к И. И. Шувалову.

Н. Н. Поповский известен также как переводчик с античных и европейских языков. Им, в частности, переведены и опубликованы «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам» (1753), «Мысли о воспитании» Д. Локка (вышли в двух частях в 1759—1760 гг. под названием «О воспитании детей») и «Опыт о человеке» А. Попа (1757). Последняя работа подверглась цензурным гонениям за пропаганду гелиоцентрических идей.

Несколько работ и речей Н. Н. Поповского не были опубликованы и не сохранились. Среди них: «Речь о несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших» (1753), «Речь о преизяществе красноречия» (1756), «Речь о преимуществе монархии пред аристократиею и демократиею» (1758).

Он был также основателем одной из двух издававшихся в России в XVIII в. газет — «Московских ведомостей», которая начала печататься в 1756 г. в типографии Московского университета.

Умер Н. Н. Поповский в Москве 13 февраля 1760 г.

СОЧИНЕНИЯ

1 *Поповский Н. Н.* Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским; Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества; К портрету М. В. Ломоносова // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. С. 87—102.

2. *Поповский Н. Н.* Из речи «О пользе наук и о воспитании во оных юношества»; О воспитании детей (предисловие к переводу книги Д. Локка)//Антология педагогической мысли России XVIII в., М.: Педагогика, 1985. С. 131 — 134.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шевырев С. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М.: Б. и., 1855. Ч. 2. С. 305—320.

2. *Белявский М. Т.* Николай Поповский // Вопр. философии. 1952. №2. С. 156—167.

3. *Белявский М. Т.* Николай Поповский — ученик и соратник Ломоносова // Учен. зап. МГУ. 1954. Вып. 167. С. 133—150.

4. *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности) // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. **111—169.**

5. *Щипаное И. Я.* Философия в Московском университете в досоветский период // История философской мысли в Московском университете. М.: Изд-во МГУ, 1982. С, 6—7.

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ В НАЧАТИИ ФИЛОСОФСКИХ ЛЕКЦИЙ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ГИМНАЗИИ РЕКТОРОМ НИКОЛАЕМ ПОПОВСКИМ [1].

Взирая на толикое ваше собрание, почтенные слушатели, на вашу благородную ревность о просвещении учением вашего разума, чувствую я в себе некоторую особливую радость и поощрение к охотнейшему понесению подъемлемого мною труда с несомненною надеждою о успехе. Надежду мою утверждает ваша с полезнейшим намерением о учреждении сего университета согласная охота, которая через благосклонное ваше присутствие довольно себя оказывает. Радость производит во мне имеющая из того произойти всея пространнейшия в свете Российской империи слава. Ваше обо мне мнение

и предуверенность о порядочном исправлении препорученной мне должности не только труд сей облегчает, но еще и к понесению тягостей больших с усерднейшим желанием возбуждает; и хотя я не могу нимало сомневаться, чтобы вы пользы важности и величества философии не представляли в мыслях своих так, как она и действительно в себе находится, однако и я для лучшего изъяснения и подтверждения ваших мнений как по моей должности, так и по обыкновению не премину упомянуть о том вкратце.

Представьте в мысленных ваших очах такой храм, в котором вмещена вся вселенная, где самые сокровеннейшие от простого понятия вещи в ясном виде показываются; где самые отдаленнейшие от очес наших действия натуры во всей своей подробности усматриваются; где все, что ни есть в земле, на земле и под землею, так, как будто на высоком театре, изображается; где солнце, луна, земля, звезды и планеты в самом точном порядке, каждая в своем круге, в своих друг от друга расстояниях, с своими определенными скоростями обращаются; где и самое непостижимое божество, будто сквозь тонкую завесу, хотя не с довольною ясностью всего непостижимого своего существа, однако некоторым возбуждающим к благоговению понятием себя нам открывает; где совершеннейшее наше благополучие, которого от начала света ищем, но сыскать не можем и по сие время, благополучие, всех наших действий внешних и внутренних единственная причина, в самом подлинном виде лице свое показывает. Одним словом, где все то, чего только жадность любопытного человеческого разума насыщаться желает, все то не только пред очи представляется, но почти в руки для нашей пользы и употребления предается. Сего толь чудного и толь великолепного храма, который я вам в неточном, но только в простом и грубом начертании описал, изображение самое точнейшее есть философия. Нет ничего в натуре толь великого и пространного, до чего бы она своими проницательными рассуждениями не касалась. Все, что ни есть под солнцем, ее суду и рассмотрению подвержено; все внешние и нижние, явные и сокровенные созданий роды лежат перед ее глазами. От нее зависят все познания; она мать всех наук и художеств. Кратко сказать, кто посредственное старание приложит к познанию философии, тот довольное понятие, по крайней мере довольную способность,

приобрящет и к прочим наукам и художествам. Хотя ~ она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание натуры, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее зависят. Подобно как архитектор, не вмешиваясь в подробное сложение каждой части здания, однако каждому художнику предписывает правила, порядок, меру, сходство частей и положение всего строения, так что без одного его самые искуснейшие художники успеть не могут. Множество и различие вещей, красота, великолепие, происхождение, продолжение и перемена естества ум и сердце человеческое в восторг и приятное удивление приводит. Но я оставлю все сии преимущества философии, которые, может быть, без дальних доказательств, примеров и изъяснений не всякому могут быть вразумительны: едину необходимую в философии представлю вам нужду и потребу. Некоторые погибшие люди, называемые афеисты, заразившись или упрямства, или неудобнопонятности душевредным ядом, бытие божие с невозвратным отрицанием отвергают и начало сего света или ему ж самому приписывают, или различным причинам; и таких людей мы, христиане, будучи просвещенны познанием веры, сожалея, если восхощем возвратить от заблуждения и погибели на путь истинный, коим-то образом учинить можем: откровенной богословии им и представлять нечего, ибо они как бога не признают, так и богословию и священное писание отвергают. Прочего не хочу упоминать, чтобы между всеми святостьми священнейшие имена, о которых и вспоминать должно с благоговейнейшим почтением, от замерзения их богодосадительных слов не претерпели какого прикосновения. Таких отчаянных людей кто иной может привесть в чувство? Одна только философия. Она в своей части, называемой естественная богословия, не ссылаясь на божественное писание и на свидетельства святых отцов, ложные безбожников возвращает мнения и доказательства опровергает и, рассматривая одну только натуру и рассуждения, что само через себя ничто не может быть, принуждает их к признанию, что есть некоторое существо, от которого вся тварь бытие и пребывание свое имеет. Но, вспоминая о пользе философии, едва не позабыл я предложить вам и о ее трудности. Сие имя трудность приписывают философии те, которые на

нее и издали взглянуть не смеют. Напротив того, пословица гласит, что неусыпный труд все побеждает. Но в чем состоит ее трудность? Мне кажется, в одном только долговременном путешествии, то есть, кто хочет научиться философии, тот должен искать старого Рима, или, яснее сказать, должен пять или больше лет употребить на изучение латинского языка. Какой тяжелый доступ! Но напрасно мы думаем, будто ей столь много латинский язык понравился. Я чаю, что ей умерших и в прах обратившихся уже римлян разговор довольно наскучил. Она весьма соболезнует, что при первом свидании никто полезнейшими ее советами наслаждаться не может. Дети ее — арифметика, геометрия, механика, астрономия и прочие — с народами разных языков разговаривают, а мать[2], странствовавши через толикое множество лет по толь многим странам, ни одного языка не научилась! Наука, которая рассуждает о всем, что ни есть в свете, может ли довольствоваться одним русским языком, который, может быть, и десятой части ее разумения не вмешает? Коль далеко простирается ее понятие, в коль многих странах обретаются те вещи, которые ее подвержены рассуждениям, толь многие языки ей приличны. В сем случае всего досаднее то, что прочим наукам, из которых иные и не всякому могут быть полезны, всякий человек на своем языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится по латине. Итак, какое философии бесчестие, а нам вред, что всея вселенныя учительница будучи, едва малой части обретающегося в свете народа может принесть пользу! Век философии не кончился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется; мы причиняем ей великий стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может. Прежде она говорила с греками, из Греции переманили ее римляне, она римский язык переняла весьма в короткое время, и несметною красотою рассуждала по-римски, как незадолго прежде по-гречески. Не можем ли и мы ожидать подобного успеха в философии, какой получили римляне? Почти равным образом попечение основателей сего университета, ваша, почтенные слушатели, ревность к учению и охота, присовокупив и наше, как природных россиян,

трудолюбие и доброжелательство о умножении пользы своего отечества, немалую подают к сему надежду. Сверх того и пространство земель, подверженных Российской империи, нас еще больше уверяет и утверждает в сей приятнейшей надежде, ибо римляне не реже от тех самых народов были побеждаемы, которых оружием приводили в свое послушание, и часто в покоренные собою земли ни одним глазом взглянуть не смели. Следовательно, хотя что и было в покоренных им народах достопамятного, однако для подозрительного послушания и неспокойства философии их усмотреть того было невозможно. Но мы, довольствуясь возлюбленным покоем и надежнейшей тишиною, объемля толь пространные различных народов области в непринужденном послушании, но в искреннем и дружелюбном вспомоществовании, не безопаснейшее ли подадим место философии, где по мере пространства земель многообразные натуры действия любопытству нашему откроются? Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвастаться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно. Что ж до особливых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сумневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, то просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. У логиков есть некоторые слова, которые ничего не значат, например: Barbara, Celarent, Darii[3]. Однако силу их всякий разумеет; таким же образом поступим и мы с греческими и латинскими словами, которые перевесть будет трудно; оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменование и силу, чем мы знания своего не утратим ни перед самыми первыми греческими философами; итак, с божиим споспешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться. Одни ли знающие по латине толь понятны и остроумны, что могут разуметь философию? Не безвинно ли претерпевают осуждение те, которые для незнания латинского языка почитаются за неспособных к слушанию философии? Не видим ли мы примеру в простых так называемых людях, которые, не слыхавши и об имени латинского языка, одним естественным разумом толь изрядно и благоразумно о вещах рас-

суждают, что сами латинщики с почтением им удивляются. Самые отроки могут через частое повторение привыкнуть и к глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были.

Того ради, слушатели, какое вы тщание оказываете теперь, при начале наступающего учения, такое ж и в следующем его течении продолжайте. Трудность в рассуждении благородного и рачительного воспитания есть не что иное, как только пустое имя. Если будет ваша охота и прилежание, то вы скоро можете показать, что и вам от природы даны умы такие ж, какие и тем, которыми целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела. Что касается до трудности сего учения, то я всю тяжесть на себя принимаю; ежели же снесть его беду я не в состоянии, то лучше желаю обессилен быть сею должностию, нежели оставить вас без удовольствия. Но ваше усердие и охота ваша, внешними знаками оказываемая острота обнадеживает меня, что я о тяжести предприемлемого мною дела никогда каяться не буду. Представьте себе, что на вас обратила очи свои Россия; от вас ожидает того плода, которого от сего университета надеется; вы те, которых успехи если будут соответствовать желанию российских добродетелей, то вся ваша надежда, которую вы воображаете в своих мыслях, уже наперед исполнена. Прилежное о вас старание господина куратора сего университета обнадеживает вас, что вы по окончании трудов и добрых успехов во учении будете своим состоянием весьма довольны. Итак, будучи поощрены и своею ко учению склонностию и сверх того одарены несомненным чаянием чести и награждения, покажите, что вы того достойны, чтобы через вас Россия прославления своего во всем свете надеялась.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые напечатано в августовском номере журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755. С. 167—176). Публикуется по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 87—92.

[2] Т. е. философия.

[3] Модусы фигур силлогизма в формальной логике.

КОЗЕЛЬСКИЙ ЯКОВ ПАВЛОВИЧ

Я. П. Козельский родился на Украине в местечке Колеберда в семье наказного сотника Полтавского полка в 1728 г. (по другим данным — в 1726 г.). Он был средним из трех братьев, каждый из которых носил имя Яков. Яков-младший позже был депутатом Комиссии для сочинения проекта нового Уложения.

С 1744 по 1750 г. Я. П. Козельский учился в Киевской духовной академии, однако ее не окончил и поступил в Петербургскую академическую гимназию. Через два года он был произведен в студенты академического университета и ему с 1753 г. было разрешено преподавать немецкий язык в гимназии. В университете Я- П. Козельский получил основательные знания по естественным наукам. Его учителями были М. В. Ломоносов и Г. В. Рихман.

Недостаточность в средствах вынудила Я. П. Козельского поступить в 1757 г. на военную службу и за несколько лет он дослужился до чина инженер-капитана. В начале 60-х годов он стал преподавателем Артиллерийского инженерного корпуса и выпустил в 1764 г. два учебника — «Арифметические предложения» и «Механические предложения», в которых выступил сторонником естественнонаучного материализма. В эти же годы он перевел с латинского, немецкого и французского несколько книг, в том числе в 1770 г. «Статьи о философии и частях ее из Французской энциклопедии».

В 1766 г. Я. П. Козельский оставил военную службу и поступил в Сенат на должность секретаря III департамента. Углубленные занятия философией позволили ему написать и издать в это время «Философические предложения» (1768) — одно из самых значительных памятников русской просветительской философии второй половины XVIII в.

Служба в Сенате была недолгой. В 1770—1780 гг. был членом Малороссийской колле-

гии в г. Глухове на Украине, что расценивается многими исследователями как почетная ссылка. В 1778 г. просветитель уходит в отставку и поселяется в пожалованном ему селе Крутой Берег. Здесь он пишет книгу «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (1788).

В 1788 г. Я. П. Козельский возвращается в Петербург, где принимает участие в составлении проекта нового Уложения, а в 1791 г. занимает должность инспектора в гимназии для чужестранных единоверцев. Написанные в те годы несколько глав «Экстракта по судной части» утеряны.

В 1793 г. по состоянию здоровья Я. П. Козельский оставляет службу и возвращается в свое имение, где и умирает не ранее 1795 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Козельский Я. П.* Философические предложения; Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании; Предисловие к переводу «Истории датской» Голберга; Из примечаний к переводу «Истории датской» Голберга; Предисловие к переводу книги Мозера «Государь и министр» // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 411—644.
2. *Козельский Я. П.* Предисловие к переводу книги Шоффиня «История славных государей и великих генералов...»; Предисловие и примечания к переводу «Истории датской» Голберга; Предисловие к переводу книги Мозера «Государь и министр»; Философические предложения // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: Вторая половина XVIII века. М.: Госюриздат, 1959. С. 307—430.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коган Ю. Л.* Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 118 с.
2. *Демичев В. А.* Я. П. Козельский о предмете философии и классификации наук // Вопр. философии. 1959. №8. С. 126—129.
3. *Липский Е. И., Парамонов Ю. И.* Социально-утопические взгляды русского просветителя XVIII века Я. П. Козельского // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Челябинск, 1969. Вып. 2. С. 138—148.
4. *Кулебяко Е. С.* Козельский Яков Павлович // Кулебяко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977. С. 89—95.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ[1]

Благосклонный читатель!

[...] Ежели рассудить о намерении, с которым мы обучаемся наукам, то философия между ими заслуживает особливое уважение, не столько для содержания в ней оснований ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия. [...]

Что принадлежит до содержания сей книги, то в ней преподаются правила философии, которую разделил я на теоретическую и практическую, или нравоучительную; теоретическую — на логику и метафизику, а нравоучительную — на юриспруденцию и политику, а нижние разделения увидит читатель при чтении самой материи.

Физики я не включил в философию потому, что она сама собою очень пространна, как то видеть можно из одной малой ее части, изданной мною в свет под именем «Механических предложений».

Как мы о соответствии между душою и телом основательного и неоспоримого познания ни из опытов, ни от умствования вывесть не можем, то для того я не вступаю в рассуждение о сем и дивлюсь тому, что другие авторы, и не разумея, писали о сей материи.

Философы рассуждают о свойствах и делах божиих, а мне думается, что это они предпринимают излишнее и не сходное с силами их разума дело. Священное писание проповедует нам в божестве непостижимую умом нашим премудрость, беспредельное всемогущество, вечность бытия, неприкосновенность, необъятность и правую волю, то есть склонность к благодеянию и правосудию и отвращение от всех неправостей, чего для нас и довольно, а более покушаться на непонятное умом нашим, кажется, некстати.

Практическую философию вместо разделения ее на человеческие дела, натуральный закон, натуральное право, этику и политику разделил я по благопристойности, как кажется мне, на юриспруденцию как содержащую в себе все права и праведные законы и дела и на политику. [...]

Когда я принялся за чтение философии, то увидел там во многих местах полезные для человека истины, огражденные почти непроходимыми лабиринтами мелочных и ненужных вещей, которые всяк сам собою разуметь мо-

жет, и для того я, выбрав из них полезные для умаления труда и скуки читателю, предлагаю вкратце.

Из всех философов нашел я только четырех человек, а именно: господ Руссо, Монтескиу, Гелвеция и некоторого анонима, коего книга под титулом (Philosophie morale reduite a ses principes), которые писали основательно о материях нравоучительной философии. Сии великие мужи первые вывели на приятное позорище всего света покрытую завесою темноты прекрасную и неоцененную истину и чрез то слабосилие мое к предприятию сего труда немало подкрепили, а особливо первый из них, бессмертия достойный муж, как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов; он взирает на весь свет прямо философским оком и проповедует ему правоту и истину с прямою философскою вольностию. А материю теоретической философии заимствовал я от господ Готшеда, Бавмейстера и других некоторых; кратко сказать, я рассуждения мои почерп отчасти из источников натуры, а отчасти у ее фаворитов, а у тех писателей, которые силятся вотще подвергнуть своим законам натуру, мало заимствовал. [...]

Многие философы непонятными материями, ненадобными разделениями и заботливыми мелочных вещей толкованиями представляют философию в виде парадных посольских речей, в которых, несмотря на их пространство, мало находится содержания.

Я оставил все те мелочные описания, которые служить могут только для забавы молодым людям и коими напрасно силились философы украсить философию: такие румяны и белила отнимают у нее природную ее красоту и великолепие. [...]

Я написал сие сочинение кратко для краткости остающегося мне на то времени, для недостатка в книгах и для других обстоятельств; но, может быть, читатель не меньше из него знать будет, как и из пространных сочинений.

Что касается до пользы философии, то она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели, на которую всемогущий творец призирает больше, нежели на все приношения и жертвы, наполненные часто многими неправдами; она направляет

в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, она утверждает мужество в постоянной добродетели, она утешает старость и заставляет ее смотреть на суету и преходимость вещей сего мира беспристрастными глазами, она в печальных приключениях неблагополучных людей утешает и подает отраду в надежде лучших времен, она благополучных людей научает пользоваться с разумом и умеренностию своим благоденствием; одним словом, она подает человеку всевозможные добрые средства к приобретению благополучия; но надлежит знать, что приобретение таких неоцененных преимуществ посредством философии зависит не от одного чтения философии, а от точного еще исполнения непорочных и святых ее правил. [...]

ФИЛОСОФИЯ

1. Философия есть наука испытания причин истинам.

2. Как философия испытывает причины не только вещей, но и дел, а слово истина означает как вещь, так и дело, и для того я во всех тех случаях, где вещь и дело разуметь должно, употребляю одно слово истины.

3. Наукою называется основательное познание какой истины, или наукой называется способность человеческого разума неоспоримо доказывать все то, что он утверждает или отрицает.

4. Человеческое испытание, или познание, истин есть троякое.

I. Когда мы познаем какую истину просто, то такое познание называется историческое.

II. Когда мы какой истины узнаем причины, то сие познание называется философическое.

III. Когда мы измериваем величину какой вещи или количество дела, то такое познание есть математическое; например, когда мы видим в каком народе мало добродетелей, то это будет познание историческое; когда мы усматриваем, что то происходит от излишнего своевольства одной части того народа и от великого притеснения другой, то это будет познание философическое; а когда мы заключаем, что чем больше будет в том народе с одной стороны самовольства, а с другой утеснения, то тем меньше будет в нем добродетелей, а тем больше пороков, то это будет познание математическое.

5. Из сего следует, что те люди философствуют, которые испытывают неизвестных истин причины, и что испытатели причин всех случающихся истин называются философы.

6. Посему тот, кто не многих истин знает причины, не может назваться философом; а надобно ему чрез долговременное упражнение приобресть искусство рассуждать о причинах истин, равномерно как и тот не может назваться знающим иностранный язык, который немного слов из него знает.

7. Когда философы испытывают истин причины, то следует им во всем том, что они ни утверждают или отрицают, объявить причины и все свои предложения выводить и доказывать из бессомненных и неоспоримых оснований; а такое расположение предложений на неоспоримых и бессомненных основаниях называется философический или математический порядок учения; а несомненные и неоспоримые основания называются верные опыты, определения и аксиомы, которые в следующем изъяснены будут.

8. Хотя философия (ежели сказать определительным образом) содержит в себе все науки, но, как многие из тех наук сами собою очень пространны и для того и преподаются особо и вне философии, для которой оставлены одни только генеральные познания о вещах и делах человеческих.

9. Такая философия разделяется вообще на две части, то есть на теоретическую и практическую.

10. Та часть философии, которая способствует исправлению нашего разума в познании истин, служащих к познанию добронравия, называется теоретическая, а та часть философии, в которой преподаются правила, по которым человек дела свои и поступки располагать должен, называется практическая, или нравоучительная.

11. Теоретическая философия разделяется опять на две науки, то есть на логику и метафизику.

ЛОГИКА

12. Логика есть наука ума и разделяется на две части; в первой предлагаются правила о трех силах человеческой души, а во второй показывается употребление тех сил к испытанию истины.

Глава первая

О ТРЕХ СИЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ, ТО ЕСТЬ О ЧУВСТВИИ, РАССУЖДЕНИИ И УМСТВОВАНИИ

Часть первая

О СИЛЕ ЧУВСТВИЯ

13. Чувствие, или понятие, какой вещи есть представление ее в мысли нашей; например, посредством видения отличаем мы камень от дерева, и такое отличение называется понятие.

14. Что мы чрез чувства понимаем вещи, то явствует из того, что, зажавши глаза, не видим, уши — не слышим и проч., а разве воображаем виденное, слышанное и прочая.

15. Чувств мы имеем пять: видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

16. Понятия суть разные как в рассуждении качества, или степени представления в мысли вещей, потому что одну вещь понять можно хорошо, а другую лучше, так и в рассуждении самих понимаемых вещей, для того что о вещах можно рассуждать и порознь о каждой и вдруг о многих.

17. В рассуждении степени представления в мысли вещей понятие бывает ясное, темное, явственное, неявственное, полное, неполное.

18. Понятие ясное (notio clara) есть то, когда мы представленную вещь от других отличить можем; например, когда мы белый цвет от черного отличаем.

19. Понятие темное (notio obscura) есть то, когда мы представленной вещи от других отличить не можем; например, когда мы увидим вдали какую движущуюся вещь и сомневаемся, животное ли то или другая какая вещь, то это будет понятие темное.

20. Безразумные животные отличают некоторые вещи одни от других, из чего видеть можно, что и они о некоторых вещах имеют понятие ясное.

21. Когда мы представленную вещь так познаем, что и приметы, по которым она от других отличается, представить себе и одну от другой отличить можем, то такое понятие называется явственное (notio distincta); например, явственное понятие имеем мы о надежде, когда пред-

ставляем ее в мысли удовольствием об ожидаемом благополучии. Приметы, по которым надежда отличается от других вещей, суть удовольствие и ожидаемое благополучие.

22. А ежели мы какую вещь хотя от других и отличаем, да примет, по которым отличается, в мыслях себе представить не можем, то такое понятие называется неявственное (notio confusa), например, хотя мы разные цветы один от другого отличить и можем, однако, почему отличаем, того сказать не можем.

23. К приобретению явственных понятий надобно употреблять прилежное внимание.

24. Когда мы какую вещь так понимаем, что примет тех, по которым она от других разнится, довольно будет к отличению ее везде и всегда от всех других вещей, то такое явственное понятие называется полное (notio completa); например, слова суть гласные знаки наших мыслей — понятие полное; а когда таких примет не довольно будет, то такое понятие будет неполное (notio incompleta); например, слова суть знаки наших мыслей, есть понятие неполное потому, что есть и другие знаки наших мыслей, кроме слов. [...]

31. Когда мы при сличении образов находим некоторые из них, подобные между собою, то такое подобие образов называется род (genus); например, человек, лев, волк, лошадь и другие образы, хотя и во многом разнятся между собою, но в том сходны, что живут и чувствуют, и сие подобие их выражается одним словом животного; итак, понятие животного составляет понятие рода. [...]

34. Чрез посредство сих предложений легко узнать можно, что мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах — чрез искусство отделения (artificio abstrahendi); например, понятие о человеке получаем мы чрез отделение всех других обстоятельств, кроме души разумной, и понятие о животном — чрез отделение всех других обстоятельств, кроме чувствия и жизни.

35. По истолковании разных понятий надобно напомянуть о правилах учения, которые учащимся людям наблюдать весьма полезно:

а) Надобно стараться о предлагаемых вещах иметь понятия явственные.

в) К приобретению явственного понятия должно употреблять сильное внимание.

c) Как человеческая сила ослабевает от подымания вдруг многих трудов, так равномерно и чувства его ослабевают от множества примечаемых вдруг истин; и для того надобно беречься, чтоб не отягощать своей мысли многими истинами в одно время, а стараться каждую из них примечать порознь и почаще, чтоб получить о ней лучшее понятие.

d) Из опытов известно, что когда мысль у человека обнята страстьми, то он в такое время не всегда может явственно понимать предлагаемые истины, и для того учащимся людям надобно стараться о спокойствии духа и убегать страстей, пьянства, любви и прочая.

e) Ученым быть иначе нельзя, как только когда кто о предлагаемых истинах может иметь понятия явственные, а понятие явственное об истинах имеет тот, кто может их рассказать или описать другому; итак, для получения явственных понятий весьма нужно, чтоб то, что ты слышал или видел, или читал, тотчас рассказать другому или написать, или пробовать самому себя, знаешь ли его. [...]

Часть вторая

О СИЛЕ РАССУЖДЕНИЯ

49. Ежели мы понятия о каких вещах так сносим между ими, что можем узнать, сходствуют ли они или не сходствуют между собою, то это мы рассуждаем, так что рассуждение (judicium) есть совокупление или разделение понятий; например, ежели мы понятие добродетели с понятием похвальный так снесем вместе, что узнаем, что добродетель есть похвальна, то это мы рассуждаем. Рассуждение, выраженное словами, называется предложением. Господин Гелвеций почитает рассуждения за те же понятия, но мне думается, что чрез отличение их от понятий лучше узнавать можно разные действия сил человеческой души. [...]

Часть третья

О СИЛЕ УМСТВОВАНИЯ

65. Третье души нашей действие есть вывод следствий, или умствование (ratiocinium), которое состоит в том, когда мы из двух предложений выводим третье; например, добродетель есть полезна человеку, а кротость есть добро-

детель; из сих двух предложений третье следует, что кротость полезна человеку. [...]

Глава вторая

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СИЛ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ
К ПОЗНАНИЮ ИСТИНЫ

72. Из случающихся нам на свете истин иные можем мы понимать легко, а другие многие, напротив того, понимать трудно, так что к выразумению их надобно употреблять особливый порядок и пристойные средства; и для того я разделю сию главу на две части и в первой предлагать стану об исследовании истины вообще и об отличении ее ото лжи, а в другой — о порядке и средствах, служащих к легчайшему выразумению разных истин и связи их между собою.

Часть *первая*

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СИЛ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ИСТИНЫ ВООБЩЕ

73. Истина есть троякая: естественная, или натуральная, нравоучительная и логическая.

74. Истина натуральная есть та, когда какая вещь имеет в себе все то, что к существу ее требуется. Например, ежели золото имеет в себе все то, что к существу его требуется, то оно называется истинное золото. Ежели мы говорим то, что думаем, то это будет нравоучительная истина, а когда мы какую вещь так себе в мыслях представляем, какова она есть в своей натуре, то это будет логическая истина. Во всех сих случаях противное истине есть ложь.

75. Истина логическая есть не что иное, как сходство мыслей наших с самою вещию. А ложь, напротив того, есть несходство мыслей наших с самою вещию.

76. Логическая истина или ложь может быть в понятии, рассуждении и умствовании.

77. Ежели мы почитаем истинное предложение за ложное, или ложное за истинное, то это называется ошиб-

ка, или погрешность; и такая погрешность, учиненная в рассуждении, называется предрассуждение.

78. Предрассуждения получают наименования, смотря по причинам, от которых они происходят; например, предрассуждения малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая, ежели они происходят от малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая. [...]

Часть вторая

О ПОРЯДКЕ И СРЕДСТВАХ, СЛУЖАЩИХ К ЛЕГЧАЙШЕМУ ВЫРАЗУМЕНИЮ РАЗНЫХ ИСТИН И СВЯЗИ ИХ МЕЖДУ СОБОЮ

85. Познание истины получаем мы двумя образами: или чрез опыт, или чрез умствование, или доказательство.

86. Опыт есть такое познание истины, которое получаем мы помощию наших чувств.

87. В рассуждении легкости в познании одной истины и трудности в познании другой опыт разделяется на простонародный и ученый; например, всяк опытом узнать может, что огонь греет, а то не всяк узнает, что воздух имеет тяжесть.

88. Чрез опыты узнаем мы только единственные вещи и предложения особенные.

89. Доказательство есть не что иное, как связь правильных умствований; или доказательство есть утверждение предложения на верных и бессумненных основаниях, как то: определениях, опытах, аксиомах и прочая.

90. В доказательствах надобно беречься, чтоб не учинить погрешности, называемой круг, которая состоит в том, когда из двух предложений каждое доказывается одно другим взаимообразно; например, ежели доказывать, что человек есть разумное животное тем, что он рассуждать может, и что он рассуждать может — тем, что он есть разумное животное, то это будет круг в доказательстве.

91. Одни истины познаем мы чувствами, другие — рассуждениями, а иные, как, например, математические,— многими умствованиями; и сии последние истины, как весьма трудные, требуют к познанию их особливого

порядка, который бы доводил человека к довольному их познанию по некоторым содержащимся в том порядке и служащим к сему намерению правилам, как по степеням. [...]

МЕТАФИЗИКА

114. Метафизика есть такая наука, в которой преподаются общие понятия.

115. Для лучшего выразумения сего определения надобно внять следующие рассуждения.

116. Все познание человеческое начинается от чувств, а чувствами понимаем мы только единственные вещи, которые имеют при себе многие обязательства и ограничения, как, например, по времени или по месту, по которым они разнятся между собою так, что никогда одна другой во всех тех обстоятельствах и ограничениях не могут быть подобны; однако, несмотря на то, бывают у них некоторые свойства и приметы, по которым они сходствуют между собою.

117. Когда мы во многих вещах находим некоторые свойства и приметы одинаковые, то понятие таких свойств и примет называется генеральное, то есть общее, или отделенное от понимаемых вещей.

118. Таким образом, наука, в которой преподаются такие общие понятия, называется метафизика.

119. Метафизика содержит в себе онтологию, то есть знание вещей вообще, и психологию, то есть науку о духе, или о душе.

Глава первая

ОБ ОНТОЛОГИИ

Онтология есть наука о вещи и ее принадлежностях.

Часть первая
О ВЕЩИ

120. Вещь называется то, что есть возможное; например, всякая тварь на свете называется вещь.

121. Возможное есть то, что не заключает в себе противоречия, а невозможное называется то, что заключает в себе противоречие: например, ученым быть есть возможное дело, потому что хотя есть и неученые люди, одна-

ко другие есть ученые, а чтоб круг был в одно время квадратом, то невозможно. [...]

123. Бытие (existentia) есть состояние способное к действию или страданию.

124. Посему выводить следствия от бытия к возможности и от невозможности к небытию можно, а от возможности к бытию и от небытия к невозможности — не можно.

125. Действие вещи есть перемена состояния ее, которой причина находится в самой переменной вещи; например, когда я пишу, то сие действие имеет в самом мне свою причину. [...]

Часть вторая

О ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХ ВЕЩИ

130. Все то, что приличествует вещи, называется ее принадлежность (affectio); например, теплота огня есть его принадлежность.

131. Принадлежности вещи или основание свое имеют в существе ее или находятся при ней, кроме ее существа, и потому они разделяются на свойства (atributa vel propria) и на случайности (accidentia).

132. Свойства вещи суть те, которых причина находится в самом существе вещи; например, свойство вольности, чтоб жить так, как хочется; а случайности вещи суть те, которые не зависят от ее существа; например, Сократ был человек ученый, то ученость Сократова есть случайность в рассуждении его человечества. [...]

138. Количество или величина есть все то, что увеличить или умалить можно. [...]

141. Нет на свете таких вещей, которые б были между собою во всем подобны; например, ежели положить какие вещи во всем подобные, то они разниться будут по крайней мере временем или местом.

142. Необходимое есть то, без чего быть не можно или что иначе быть не может. А случайное есть то, что иначе быть не может.

143. Вещество или состав, или материя (materia), называю я то, из чего состоит какая вещь; например, человеческое тело составляющие жилы, мясо и кости суть его вещество.

144. Господин Волтер описывает мнение господина Нейтона о материи, из коей свет создан, нижеследующее: элементы, или первые основания материи, суть из

материи; а сие мнение господин Волтер изъясняет так: материя есть вещь протянутая и непроницательная, коей внутреннюю натуру человеческий разум испытать не может. Мне как определение Нейтоново непонятно, так и толкование Волтерово темно; правда, что, может быть, сия темнота зависит от моего темного разума; что касается до последних слов толкования Волтерова, то я, разумея и почитая их за праведные, согласуюсь с ними и повторяю их, что человеческий разум внутренней натуры материи испытать не может. [...]

152. Пространство, рассуждаемое отделительно от тел, есть прямое ничто, а рассуждаемое в телах, есть протяжение.

153. Место какой вещи есть особливый способ сопребывания ее с другими.

154. Время называется продолжение в последовании одних вещей за другими. [...]

158. Причиною называется то основание, от которого зависит бытие другого; например, причина Гракховой смерти [2] была доброжелательство его республике римской; а то, что зависит от причины, называется происхождение или произвождение (effectus).

159. Философы разделяют причины на действительные и конечные, на свободные и необходимые, на натуральные и нравственные, на близкие и отдаленные; но это всякий разумный читатель сам собою знать может от качества из вышеписанных случаев. [...}

168. Из сего следует: 1. Что в натуре не делается ничего скачком, или без причины (философы разделяют еще и скачок на совершенный и зависящий. Этакая важность стоила внесения в философию!). 2. Что ежели мы полагаем на свете связь между делами и вещьми, то чрез сие уничтожается судьба, что и за справедливо почесть можно, потому что хотя мы иных нечаянных происхождений причин вдруг и не узнаем, однако строгим исследованием можно испытать те причины. [...]

171. О частицах, из которых состоят тела, по незнанию не писал я, а другие писатели хотя и пишут об них, однако не могут доказать, простые ли они или сложные вещи, а и умничать о сем вдаль, кажется, что нет дальней нужды. [...]

173. Та вещь, которая имеет в себе действующую силу, называется сама по себе состоящая вещь, или короче, субстанция (substantia). (...]

Глава вторая

О ПСИХОЛОГИИ

177. Психология есть наука о душе.

178. Дух, или душу, разумеем мы такое существо, которое одарено волею и разумом.

179. Дух разделяется на конечный и бесконечный. Конечный дух полагается человеческая душа, а бесконечный — бог.

180. Присутствие пределов называется конечность, а отсутствие их — бесконечность.

181. О бесконечности, равно как о пространстве и материи, от многих веков спорят между собою философы и подают о том разные мнения. Господин Гелвеций дал сим вещам вернее всех определения, которые написал я в сем сочинении.

Часть первая

О ВОЛЕ

182. Воля есть способность души нашей желать того, что она почитает за доброе, и отвращаться от того, что ей кажется худое. [...]

Часть вторая

О РАЗУМЕ

218. Разум есть способность человеческой души представлять себе явственно истины.

219. Действие то, когда душа представляет себе и понимает вещи, называется познание (cognitio).

220. Мы понимаем иные вещи темно, другие неявственно, а иные явственно; а познание вещи темное и неявственное общее есть человеку с другими животными, почему оно и называется нижнее познание; а познание вещи явственное, также рассуждение, заключение о ней и отделение понятий от предметов называется вышнее понятие, потому что оно примечено свойственным одному человеку.

221. Теперь я предлагать стану о нижнем познании, до коего принадлежат способности чувствования, воображения и памяти.

222. Мы можем присутствующие с нами вещи представлять себе, что называется чувствовать вещи; и сами

те понятия, или представления, вещей называются чувствования (sensationes); например, когда мы видим сад, наполненный разными деревами, тогда понимаем дерева присутствующие с нами, то есть чувствуем их.

223. Присутствующие нам вещи называются те, которые в чувственных наших орудиях производят перемену; а чувственные орудия, или просто чувства, суть видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

224. О чувствовании надобно примечать следующее:

a) Не одно тело, не одна душа чувствует, но иную должность имеет тело, а иную душа, и действуют как бы соединенными силами, то есть тело при чувствовании принимает перемены, произведенные в чувственных орудиях наружными вещьми; например, когда мы гром от выстрела пушки ушми понимаем, то это делается так, что колеблемый и дрожащий воздух стремится в уши и ударяет там орудие слуха (и сие касается до тела), а душа того ж времени представляет себе ту причиненную в ушах перемену. [...]

d) То не в нашей состоит воле, чтоб иметь то чувствование, которое хочется; например, во время зубного боля не можно иметь того чувствования, которое в здоровьи и веселье.

e) Таким образом, можно почитать чувства за окна и двери души, сквозь которые от наружных вещей вид входит в душу.

225. Мы можем не только те вещи, которые присутствуют при нас, понимать, но еще и отсутствующих вещей, которые мы прежде поняли, возобновлять понятие в нашей мысли и оживлять их вид в душе нашей; например, как Виргилий пишет о любви Дидоны к Энею [3], что она его отсутствующего от себя видит и слышит.

226. Способность души нашей, чтоб представлять себе отсутствующие вещи так, как присутствующие, называется воображение.

227. Надлежит примечать, что мы не можем того воображать себе, чего прежде не чувствовали, что воображение есть продолженное чувствование, что потому не состоит в нашей воле и что воображение сильнее бывает тогда, когда почти все чувства находятся в спокойстве, как то в темном, безмолвном и благорастворенным воздухом наполненном месте. [...]

235. Безразумные животные имеют чувства, мысли, воображение и память. Что чувства имеют, то всякому и

без изъяснения известно; например, когда хозяин кликнет собаку, то она бежит к нему, а когда ударит ее, то она кричит; что воображение и память имеют, то видно из того, что как только кошке показать плеть, то она тотчас бежит прочь, по воображению прежних побоев, и что собака ежели отлучена будет на несколько времени от своего хозяина, то, увидев его, опять ласкается к нему.

236. За сим следует предлагать о вышнем, или человеку принадлежащем, познании, то есть о внимании, разуме и уме.

237. Внимание (attentio) называется то, когда мы, примечая какую вещь, делаемся о ней сведомее, нежели о других, находящихся вместе с нею. [...]

239. Ежели мы рассматриваем внятно части какой истины, то такое внимание называется размышление (reflexio).

240. Разум есть (как и выше объявлено) способность души нашей, по которой мы можем представлять себе истины явственным образом. [...]

243. Действия разума суть явственное понятие, рассуждение и умствование.

244. Когда кто в какой вещи многие обстоятельства различать и в нескольких вещах подобия усматривать может, то такая способность человеческой души' называется ум.

245. Из сего видеть можно, что к произведению явственных и отделенных понятий надобно ума. [...]

ФИЛОСОФИЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

1. Философия нравоучительная есть наука искания благополучия.

2. Философию нравоучительную определяют некоторые писатели наукою благополучия; но сие определение кажется мне неверно для того, что иной философ со всею своею глубочайшею философиею и строгим наблюдением ее правил, наставляющих к добродетели, пребывает неблагополучен, как то из кончины первого нравоучителя Сократа видеть можно. Надобно знать, что благополучным быть не всегда зависит от добродетели; а разве кто стоическим манером вздумает и в крайнем своем неблагополучии воображать себе, что он благополучен, так это будет по прямому разуму грезить, а не философствовать,

потому что философы сами говорят, что благополучие есть постоянное веселие, а не воображение постоянного веселия; правда, что добродетель может всегда облегчать тяжесть неблагополучия, но не всегда отвращать его может, и посему кажется мне лучше определять философию наукою искания благополучия (хотя оно иногда и не сыскивается), а не наукою благополучия; и такое их определение тогда будет справедливо, когда по крайней мере две трети вселенныя будут добродетельны; но такое счастие, почти невозможное иметь когда-либо человеческому роду, весьма ненадежно, потому что весь свет согласно старается прежде и больше усилить себя в разуме, нежели в добродетели. [...]

5. Нравоучительную философию разделяю я на юриспруденцию и политику. •[...]

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

8. Юриспруденция есть знание всех возможных прав или правостей.

Глава первая

о ПРАВАХ

9. Основание всякого доброго или беспристрастного, то есть ни худого, ни доброго в рассуждении всех чувствующих тварей, дела называю я правом или правостию, или справедливостью; например, право есть человеку любить своего ближнего, для того чтоб быть и от него любиму, также право есть человеку питаться, потому что сие дело хотя не приносит ни пользы, ни вреда другим людям, однакож оно нужно для соблюдения жизни человеку.

10. Сие право называю я божественным, потому что оно произведено от самого бога, вечным — что с ним пребывает и пребывать должно, необходимым — что без него все чувствующие твари страдать должны, непременным — что не зависит от твари, а от творца.

11. В рассуждении зависимости или намерения право, или общее право, разделяется на многие особенные, как то: на право натуральное, право всемирное, или право народов, право гражданское и прочая. {...]

ПОЛИТИКА

243. Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо.

244. Иные почитают искусство хитро и обманчиво поступать с людьми политикою, но в том есть погрешность, как из самого слова политики узнать можно; политика по разуму слова значит полировальную или выглаживательную науку, но хитрая и обманчивая поступка по своей натуре шероховата, следовательно, и не выполирована.

245. Как юриспруденция учит наблюдать добродетель, так политика наставляет хранить добродетель и благопристойность; или юриспруденция учит быть добродетельным, а политика быть и казаться добродетельным.

246. Как намерение каждого человека особо и всех народов вообще состоит в том, чтоб стремиться к своему благополучию, а средства, служащие к достижению сего намерения, по всем опытам, суть прямая добродетель и прямой разум, и потому я в рассуждении благополучия особенного каждого человека и общего всех народов разделю общую политику на политику, касающуюся до каждого человека особо, и на политику, касающуюся до начальствующих особ; а как человек особенный с прямою добродетелью и прямым разумом редко попадает в несчастие, так думается мне, и целое общество с прямою добродетелью и прямым разумом не скоро поколеблется; и сии две крепкие подпоры могут его поддерживать против всех бурь и неправедных наглостей каких-либо властолюбивых соседей. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в Петербурге в 1768 г. Печатается с сокращениями по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 41.1.—551.

[2] Имеется в виду убийство республиканца Тиберия Гракха (II в. до н. э.), пытавшегося ограничить крупное землевладение.

[3] В поэме «Энеида».

ДЕСНИЦКИЙ СЕМЕН ЕФИМОВИЧ

О детских годах С. Е. Десницкого почти нет свидетельств. Известно, что он родился в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII в. на Украине, в семье мещанина. Обучался в семинарии Троицко-Сергиевской лавры, из которой его в 1759 г. направили для дальнейшего обучения в гимназию Московского университета. Через год он был зачислен в число студентов университета.

Студенческая жизнь С. Е. Десницкого была недолгой: в том же году он с несколькими другими студентами был вызван в Петербург для подготовки к поездке в один из заграничных университетов. Пройдя подготовку по философии, физике и красноречию (элоквенции) в Академическом университете, С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков были командированы в Глазговский университет для обучения греческому языку, натуральной и нравоучительной философии, метафизике и математике, а также юриспруденции. Наибольшее влияние на С. Е. Десницкого оказал Адам Смит, читавший курс нравственной философии. В 1765 г. Десницкий получил ученую степень магистра искусств, а спустя два года без защиты диссертации, хотя она и была представлена,— степень доктора права.

В 1767 г. по возвращении из Англии он сдал конференции Московского университета контрольный экзамен по юриспруденции, прочитал пробную лекцию, после чего ему было разрешено читать студентам лекции по римскому праву. После настойчивых просьб Десницкого ему и ряду других профессоров, среди которых был философ Аничков, разрешили читать лекции на русском языке. В 1768 г. ему было присвоено звание экстраординарного, а в 1773 г.— ординарного профессора и предоставлена кафедра российского законоведения.

В это время С. Е. Десницкий разработал проект политических преобразований в России — «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), который он представил в Комиссию для сочинения проекта нового Уложения. Однако реформаторские предложения С. Е. Десницкого Екатерина II во внимание не приняла.

Перу просветителя принадлежат оригинальные теоретические работы не только по юриспруденции, как, например, «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768), но и религиоведческие— «Рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются» (1772), социологические — «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества» (1775), «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства» (1781) и другие. Вопросы, обсуждаемые в этих работах, он пытается связать с политическими задачами, стоящими перед русским обществом.

Известен С. Е. Десницкий и как переводчик, опубликовавший на русском языке ряд книг английских юристов, которые он снабдил своими примечаниями.

С 1771 г. просветитель принимает активное участие в работе Вольного российского собрания. В 1783 г. его заслуги были отмечены избранием действительным членом только что созданной Российской Академии.

В 1787 г. Десницкий подал в отставку. Умер он в 1789 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Десницкий С. Е.* Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции; Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются; Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о

совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется, последовавшими народами просвещеннейшими, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства, Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов», Представление об учреждении законодательной, судителыюй и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века Т 1 С. 187—332.

2 *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, суднтельной и наказательной власти в Российской империи, Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие , Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов , Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокоправительствующих училищах, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения , Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов» // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей Вторая половина XVIII века С 99—264

ЛИТЕРАТУРА

1 *Бак И. С.* С Е Десницкий — выдающийся русский социолог // Вопр философии 1955 № 1 С 57—66

2 *Покровский С. А.* Политические и правовые взгляды С Е Десницкого М , Госюриздат, 1955 168 с

3 *Коган Ю.* Я С Е Десницкий // Коган Ю Я Очерки истории русской атеистической мысли М Изд-во АН СССР, 1962 С 232—245

4 *Грацианский П. С.* Десницкий М Юрид лит , 1978 112 с

СЛОВО О ПРЯМОМ И БЛИЖАЙШЕМ СПОСОБЕ К НАУЧЕНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ [1]

[...] Могуществом творца и множество миров из ничего в бытие произведено, и его словом уничтожено быть может; однако смертным представляется, что распространить государство до половины гемисферы [2] есть не одного народа, но целого рода человеческого дело. И если кто еще желает из прошедшего и настоящего узнать, каким путем и до коликого величества доходил и возвышается ныне росс, тот может из истории уверен

быть, что и он к достижению своего благополучия имел подобные греку и римлянину желания, которые дабы счастливо совершить, призывал бога и человеков на помощь. Божиим и человеческим пособием подкрепляемый и ревностию к своему отечеству воспаленный, он издревле мужественно ополчался против иноплеменных и совокупленными силами и оружием чрез множество веков защищался от неприятельских нападений. Во многих своих предприятиях росс имел непрепобедимые и внутрь и вне отечества препятствия, которые подвергали жизнь его и правление разным переменам и крайнему опасению. Частые перемены и великие затруднения уменьшали в нем одну только силу, а не разум, довольный к изысканию средств для отвращения общего злополучия. [...]

Причем:

1) Наша должность будет — изыскивать причины, которые побудили народ учиться законоискусству.
2) Показывать, какие части юриспруденции по времени и месту необходимо нужны для преподавания в училищах.
3) Изъяснить примерами те части юриспруденции, которые за ближайшие к делу усматриваются.

О НАТУРАЛЬНОМ ПРОИСШЕСТВИИ ЗАКОНОУЧЕНИЯ И О ПРИЧИНАХ, КОТОРЫЕ ПОБУДИЛИ ЛЮДЕЙ УЧИТЬСЯ ЗАКОНОИСКУССТВУ

В начале всякого общества, когда обыватели еще только начинают порядочно жить, законы в таком первоначальном гражданстве обыкновенно бывают над меру просты и немногие, и потому всем известны и вразумительны без учения. В таком состоянии общества не случается никаких важных прав, происходящих от различного состояния, какие у нас примечаются между государем и подданными, между судьею и судимым, между отцом и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между господином и рабом и проч. И если в таком натуральном состоянии народов были такие права, примечания достойные и происходящие от взаимных дел между обывателями, то оные, должно думать, были весьма маловажные и невеликую у них в движимых и недвижимых имениях производили чувст-

вительность, потому что такие права еще ниже своею долговременностью во владение имения, ниже своим затруднением в стяжании оного великой надежды к непрерывному и непрепятственному присвоению имения и довольной власти к употреблению оного в первоначальных владельцах не производили. В недвижимом имении, как то в земле и подобных ему вещах, всякое насильство и всякая наглость, если какая случалась, удобно обывателями претерпеваемы были, ибо такое имение у первоначальных народов, будучи в крайнем изобилии, несовершенстве и дешевизне, еще и долговременным употреблением утверждено не бывает. Движимое ж у таких народов имение толь маловажное понятие в рассуждении собственности производило, что оного права у них не больше чувствительно было, как только до тех пор, пока движимое имение в руках владетеля находилось; а как скоро из рук первого владетеля потерянием или другим каким случаем выходило, тотчас такое право и такое имение собственным невозвратно другого владетеля становилось, ибо человек с природы за то больше стоит и с тем удобно расстаться не желает, что он с большею трудностию снискивает. От трудности, которую он при стяжании ощущает, рождается в нем натурально некоторая неусыпная предосторожность, которая заставляет его всегда беспокоиться о своем имении, отчего такой, как обыкновенно говорится, дрожит над своим имением, опасаясь, дабы оное нерадение насильством или обманом похищено не было. Сие коротко можно доказать примером купцов и дворян. От купца щедроты не должно ожидать, когда он сам заботится и присматривает за всем, не имев приказчиков и сидельцев; напротив того, дворянин, которому все достается чужими руками и ни за что своего поту не проливает, тщеславится за предел в своей щедроте. Само чрез себя разумеется, что в натуральном состоянии люди не имеют почти никакого понятия о собственности и живут по большей части управляемы не законами, но застарелыми обычаями, каковыми управляемы были древние афиняне, лакедемоняне и нынешние камчадалы.

Но как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народом столько чувствительна, что многие чрез потеряние оных в разорение приходить казались, то отсюда начали в обществах происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых

законы сысканы, показующие, в чем святость прав и чем принадлежащая всякому собственность и наследие состоит. Кратко сказать, опытом дознания в возвышающемся состоянии человеческом надобность вещей и трудность в снискании оных купно с долговременным и непрерывным оных владением напоследок ограничили все то, что ныне у нас своим и чужим называется. Таким образом, постепенно возвышаясь, народы, в познании собственности и довольствуясь сначала немногими простыми и несовершенными законами, не требовали нарочитых людей для истолкования оных. Римляне, которые почти и всему свету законы предписывали, сначала столь немного законов и для себя имели, что оные и с прибавлением греческих в 12 таблицах поместиться могли. В сии времена и в таком состоянии у римлян законы были чрезвычайно просты и немногие. [...] Но исправляющий житие человеческое частный опыт и ревностное областей о народной пользе старание великое преображение в судах и в правлении производят, и мы видим, что те же римляне по долговременном благосостоянии своего отечества столь обширными в своих законах оказались, что оные, которые сначала в 12 досках все заключались, напоследок и в двутысячных книгах не вмещались. Потомки, не рассуждая, что такого множества законов требует натуральное возвышение народов в правлении, принимались сокращать римские законы, когда теперь во всех государствах противное на деле оказывается, и народы чем в большее совершенство приходят, тем больше законов в последующие времена требуют. Они нужны для точного и известного правоположения владельцев, граждан, обывателей и их имений; в противном случае наглость, посягательство, отягощение и утеснение везде попускается без наказания. Сверх сего разные дела в государствах с разными соседними державами равномерно, как и перемена в правлении для войны, мира и коммерции, разного установления и законоположения требуют, которыми не меньше судьи, как и позываемые на суд, обязаны быть должны. По сей причине в Британии и других европейских государствах сенат и парламенты с государями ежегодно вновь законы делают, старые дополняют, поправляют и уничтожают, так как надобность и обстоятельства требуют, от чего все в законах сделалось столько обширно и неудобно для общего всех знания, что ныне нарочитые искусные люди на то везде

в правлениях требуются, какие ныне в государствах воспитываются и в дела допускаются адвокаты и судьи. Теперь, узнав, какие причины побуждением были к законоучению, в следующем мы приступаем к рассуждению о надобных науках для учащихся юриспруденции.

О НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, О ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВООБЩЕ И О ТОМ, ЧТО СОДЕРЖИТСЯ В ОБЕИХ СИХ НАУКАХ

Наше знание, касающееся до правил истины, зависит:

1) От свойственности наших рассуждений о том, что праведным и неправедным, добрым и худым почитается у разных народов.

2) Такое наше знание премного зависит от изучения разных решений судебных, случающихся в разных правлениях. Первое руководство, показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия и натуральная юриспруденция.

Второе средство для снабдения нашего разума разными примерами решений судебных есть учение такой системы законов, в которой бы можно ясно приметить начало, возвышение и совершенство правления. А поелику в свете кроме системы римских законов другой столь подробной и полной еще нигде не обретается, по сей причине римские права после натуральной юриспруденции должно показывать, хотя оных учение в иных государствах совсем для других причин введено.

После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав обыкновенно в университетах преподается отечественных законов юриспруденция, что все учащиеся, окончив и будучи исследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются адвокатами в дела тяжебные и криминальные для оказания своего искусства на деле и напоследок бывают судьями. Каким образом нравоучительная философия, натуральная, римская и российская юриспруденция преподаваемы должны быть, сие показуется в следующем:

О НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Из всех писателей, которых я имел случай читать, усматривается, что ныне везде почти нравоучительная философия не совсем к делу ведет. Юриспруденция же натуральная преподается или совсем старинная, обыкновенно ныне называемая *казуистическою,* или другая, не лучше прежней, сочиненная вновь и вся почти выбранная из римских прав. Старинная нравоучительная философия основана есть на сих четырех добродетелях, justitia, prudentia, fortitudo, temperantia (истина, премудрость, великодушие и воздержание), которые в сей науке доказываются главным (virtutes cardinales) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (derivatives virtutes), поднимая споры неугомонные о том, что справедливое может ли быть всегда полезным и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно. Такие вопросы и такие добродетели изъясняются в старинной нравоучительной философии, и в подобной ей натуральной юриспруденции оные приводятся для подтверждения прав персональных и вещественных, с некоторым в сей последней метафизическим словопрением о суде внутреннем и внешнем (de foro interno et externo), в котором нынешние схоластики силиваются доказывать, что в человеке сходствует с совершенством его внутренним и внешним и что согласно в нем с волею божиею и что не согласно, разделяя притом человеческую совесть по-логически, на *предыдущую* и *последующую,* на *известную* и *вероятную,* на *сомнительную* и *недоумевающую* (in antecedentem et subsequentem, certam et probabilem, dubiam et scrupulosam, seu urn aliis absurdius est, cautereatam). [Ручаюсь, что все это абсурд]. В таком лабиринте они ищут общего всем натуральным правам начала. {...]

О НАТУРАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Содержание юриспруденции натуральной заключается в четырех частях, из которых:

1) О происшествии правлений в разные века и у разных народов;

2) О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей;

3) О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями;

4) О полиции, или благоустроении гражданском.

В первой части о происшествии правления можно делать некоторые наблюдения о причинах и натуральном происшествии власти и старшинства у народов, изъясняя оные историческим написанием, взятым от первоначальных народов, о которых мы ясное понятие имеем; после сего показывать должно здесь правления натуральные, какие случаются у народов, живущих сперва одною ловлею зверей, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством; что учинив, показывать должно правления европейских держав, описывая оных начало феодальное, и их перемену из сего в аристократическое или монаршеское или в какое оные приобретались напоследок правление, доказав сперва, что и самое правление феодальное или иное было, как аристократическое, состоящее из вельмож, имеющих над собою государя неполномощного; в заключение сей первой части должно показывать начало, возвышение и совершенство своего отечественного правления.

Во второй части показывать должно права натуральные, какие имеет человек к защищению своего тела, имени и пр. После сих изъяснять права приобретенные, какие случаются между государем и подданными, между судьею и судимым, между рабом и господином, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, причем должно показывать начало, возвышение и совершенство примечаемой во всех правлениях власти законодательной, судительной и наказательной с показанием, каким персонам каждая из сих властей бывает поручена сначала и какие люди отправляют сии должности напоследок в правлении. Сверх всего здесь должно показывать историческим, метафизическим и политическим порядком введение в государствах порабощения и закрепления народов, какое бывает порабощения действие в рассуждении целого отечества, каким образом и для каких причин в иных государствах оное уничтожено, а в других закоснело; при сем можно показывать начало и возвышение дворян по линии природной, военной и штатской, и кроме сего в сей части должно показывать причины родительской власти над детьми, причины многоженства, или полигамии, введение бракосочетания и причины запрещения оного в известном поколении сродства.

В третьей части должно показывать свойство прав, происходящих от различных между обывателями дел, каковые суть вещественные: собственность, право дозволенное, наследство, заклад и обособливые привилегии и другие персональные; контракт и подобное контракту право; преступление и подобное право в преступлении. г] Сии все права сколько недостаточны бывают V непросвещенных народов и сколько оные ограничены и в совершенство приведены у нынешних, сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания, на которых они утверждаются, особливо здесь рассуждать должно, каких следствий произведением бывают в обществе дозволяемые между привилегиями откупы; и напоследок здесь же должно показывать, какие суть наилучшие и действительнейшие средства к восстановлению и подтверждению сих прав, когда они каким случаем нарушены бывают; и потому здесь должно принимать в рассуждение различные жалобы и прошения.

В четвертой и последней части натуральной юриспруденции, называемой полиции, должно показывать все то, что принадлежит до благоустроения и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних треволнений и к защищению от неприятельских нападений. Почему здесь первый рассуждения предмет занимает учреждение посланников своих и иностранных с принадлежащими им правами. Потом должно рассуждать, какие наилучшие суть средства к учреждению и содержанию армии по времени и месту и сколь опасных следствий произведением бывает находящееся завсегда внутрь государства великое войско. При сем введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества и несомнительной доверенности во всем в рассуждение здесь принимать необходимо должно. А понеже земля, как недвижимое имение, почитается всегда во всех государствах за надежнейшее сокровище, по сей причине должно рассуждать, какие здесь наилучшие средства суть к приведению хлебопашества в совершенство. И поелику для учреждения достоинства, власти, славы и величества империи, равномерно как для заведения и содержания наук, художеств и войска требуются великие государственные иждивения, затем должно здесь

паче всего стараться изыскивать способы для собирания на то казны государевой и для рачительного оной соблюдения, причем должно показывать какие точно вещи и какие люди надежны и способны для сборов и пошлин государевых. [...]

РАССУЖДЕНИЕ О ПРОИСШЕСТВИИ ПРЕИМУЩЕСТВА, ВЛАСТИ И СТАРШИНСТВА В НАРОДАХ, ОТ КОТОРЫХ ПРОИСХОДИТ И ИХ ПРАВЛЕНИЕ

Когда мы посмотрим на правление какого-нибудь просвещенного и вычищенного народа и когда рассудим со вниманием столь огромную и многосложную оного машину, столь искусно приноровленную к наилучшему и важнейшему намерению и совершению дел, истинно сего в свете не находим удивительнее и непонятнее. Откуда то произошло, что толикое число уединенных и рассыпанных по степям людей, наконец, в сообщество сошлось и согласилось жить совокупно? Каким образом немногие числом персоны превысили прочих всех и приняли преимущество и власть над многими? Каким образом другие премногие склонились уступить свою природную вольность и поддаться власти и повелению немногих? И, наконец, каким ухищрением тьмы народов удержаны в покорении, против собственной воли и собственного интереса избрали последовать таким мерам, какие только заблагорассуждалось правительствующим для их поведения предписать.

Чтоб уразуметь происшествие правления, мы должны, во-первых, рассудить, какие случаются обстоятельства в обществе, которые советуют одному поддаваться власти и повелению другого.

Такие обстоятельства, которые натурально снискивают одному преимущество над многими и повиновение от всех, могут случиться в обществе трояким и отменным образом. *Первое* из таких обстоятельств случается в обществе одного человека превосходство в качествах телесных, как то: его дебелость и крепость тела необыкновенная; *второе* обстоятельство такое случается в обществе одного

века превосходство в качествах душевных, как то: его хитрость, проворство, предвидение, прозорливость и оч . $_{m}p_{етие}$ из таких обстоятельств в обществе одного человека превосходство в богатстве и изобилии всего.

1) Что и одно превосходство в телесных качествах состоянии снискать довольное человеку преимущество и уважение, то случается у таких народов, которых состояние советует уважать и почитать такие качества, ибо в непросвещенном веке, когда еще науки и художества мало известны, дебелость и крепкое телосложение весьма надобно роду человеческому. Сие качество телесное премного им служит на войне, на уловление животных и в снискании нужного пропитания. Следовательно, такие только качества необходимо нужны для непросвещенных и варварских народов; сими они возносятся и сих они с ревностью стараются превзойти один другого. Тот, кто несравненно превосходит всех своих сверстников в крепости и поворотливости своего сложения, чрез такое качество происходит в великую честь и достоинство. Такие качества в человеке, особливо когда случаются при каком жестоком телодвижении, например: на войне, на уловлении и убиении зверей, заслуживают ему великую честь и славу у всех даже до раболепства. Его знатные и геройские дела прославляются везде, один он их надежда и слава в отечестве, в котором он живет, он их Голиаф[3] и защитник во всех их ссорах и несогласиях с соседними народами; во всяком случае он восприемлется от всех с отменным вниманием и уважением; при всех их увеселениях и забавах и во всех их предприятиях его мнение и слово за божественное почитается, так что, наконец, он бывает во всем не инак, как вождь и первоначальник, у всех своих сверстников и знакомцев единственно по причине ослепленного удивления, которое непросвещенные оказывают таким превосходным его телесным качествам.

Сверх сего, непросвещенные народы отдаются под власть человеку превосходных качеств телесных не только с ослепленного своего удивления таковым его качествам, но також и с намерения для того, чтоб в таком своем подданстве сыскать себе выгоду и покровительство в житии. Ибо у народов, которые за неимением ружейных изобретений не знают, как уравнить гиганта с пигмеем, превосходная крепость и сила телесная, без сомнения, должна оказаться с явным выигрышем в бою и в сражении. Следовательно, у таких народов немощный

по принуждению поддается сильному и покоряется, опасаясь в противном случае худых следствий, которых он, будучи довольно уверен, с своим сопротивлением иначе всячески миновать не может. Почему у таких народов, особливо при важных предприятиях против общего неприятеля, малосильные обыватели поддаются и охотно сильному, уповая, что под такого предводительством и управлением в походе все их намерения счастливо совершатся. Таким образом и в таких обстоятельствах превосходство в крепости и действовании телесном может человеку снискать довольное преимущество и уважение пред прочими. Так, например, и в школах между юношеством мы видим, что если случится один, который бывает несравненно проворнее и сильнее всех своих соучеников, такого все за богатыря и предводителя во всех своих играх и забавах признают, так точно ж делается и у непросвещенных народов: главный у них, или атаман, обыкновенно в своей шайке уважается с великой отменностью перед прочими единственно для чрезвычайной дебелости и крепости телесной. В таких непросвещенных странах, где такие атаманы всенародно выбираются, они часто производят их в великое старшинство и достоинство так, что и самое царское имя часто придают им с одного своего, пристрастного удивления к их превосходным качествам телесным. Когда иудейские колена, из различных обывателей состоящие, вознамерились соединиться и жить под державой одного, на время выбранного государя, их избрание одного главного обывателя в государи явнодоказуется, что происходило единственно по причине его; дебелости и крепости тела, которые качества сверх еще соединены были с осанистым взором. [...]

2) Превосходные качества суть и другие, которые еще большее уважение и преимущество человеку перед прочими снискивают, нежели те, что в теле примечаются; когда народы начинают хотя мало возвышаться в познании вещей, они вскоре опытом уверены бывают, что качества душевные несравненно превосходят телесные и что премудрость, хитрость и прозорливость сравниться нej могут с одной скотской дебелостью и крепостью тела. В полководстве на войне или в посольстве к неприятелям неподражаемое искусство Нестора и неудобопонятная; хитрость Улисса [4] скоро ими усматриваются, что такие качества произведением бывают больших следствий,; нежель телесная крепость Аякса [5], и потому сии дарова-

ния больше исходатайствуют человеку преимущества, нежели первые. При сем надобно знать, что люди в разуме остроте и замыслах обыкновенно больше превосходными других кажутся, нежели каковы они в самом деле суть. Ибо мы, не имея средства никакого, по которому бы могли измерить такие дарования и поставить им точный предел, ослепленные и пристрастные, часто отдаем почитание таким в человеке дарованиям, которых сами не понимаем, и увеличиваем оные больше, нежели оные в самом деле суть. Сие точно так случается и ныне везде в собраниях, где, если кто сыщется превосходнее прочих в изрядных разговорах, в приятных и замысловатых шутках, на того всех и глаза обращены, к того разговорам всех и уши наставлены, словом, того все больше уважают, нежель он достоин, и такой нечувствительно столько предуспевает над всей компаниею, что ему только одному внутренно от всех позволяется подавать вид, какой хочет, всем и склонять всех в какое угодно самому мнение. Одного его разговоры и шутки со вниманием от всех восприемлются, когда других все, что ни говорят, с презрением часто мимо ушей у всех пропущается. Подобным образом философ, генерал, придворный или какой-нибудь другой человек, какой только случается, или гораздо выше прочих всех в компании по своему рангу, или который по отменному своему дарованию в обществе редким слывет и не имеет себе в компании подобного,— таковым людям всегда счастливо удается уловлять сердца слушателей и делать из них премножество раболепных себе потатчиков и подражателей во всем. Сим случаем, то есть пристрастным удивлением одних к превосходным в человеке примечаемым дарованиям душевным и несправедливостью рассуждений других о таких качествах, один, пользуясь, снискивает и преимущество над всеми; притом и польза, которой ожидают люди от человека превосходных дарований душевных, есть сама чрез себя явна и известна. В походе и на войне люди имеют великую причину премного надеяться на себя, когда они состоят под предводительством полководца с великим званием и упражнением в воинском искусстве, и потому великих и важных предприятиях самый разум им советует отдавать себя защищению и управлению такого человека, который неоспоримо доказанные такие на то дарования в себе превосходные имеет. При делах государственных, как то при заключении трактатов и других подобных

сим, люди великою надеждою себя ласкают в ожидании общего благополучия, когда такие их дела поручены бывают министру премудрому, искусному и прозорливому, и потому в сомнительных обстоятельствах и трудных делах правление поручается такому, который довольные уже в таком звании свои оказал дарования. Сходно с сим заключением и утверждением мы видим, что у всех народов невежественных и просвещенных превосходные качества душевные возводят человека на высокую ступень достоинств и власти. Доказывать сие еще большее у нынешних вычищенных народов излишним покажется. Уважение и покорность, которую отдают великой премудрости, есть началом и источником той тиранской власти, которая у непросвещенных и варварских народов старым над своими детьми попутается. Но сие пространнее изъяснено будет, когда я буду говорить о родительской власти, ибо у непросвещенных народов за неимением рукописания и печати и за неимением никакого другого удобного средства к замечанию достопамятных дел собственная всякого человека долговременная жизнь и довольная в свете упражнением есть только источник всей премудрости и всего знания, и те только у таких народов превосходными в знании слывут, которые пожили довольное время в свете. Отсюда також и то происходит, что у непросвещенных народов выбираемые на старшинство, как то в первоначальники или атаманы, обыкновенно бывают посредственных лет люди, которые при таких летах, не потеряв крепости телесной, снискали уже довольное уважение в свете и в искусстве военном. Сие самое хоть по случаю, однако кстати здесь может истолковать невероятную долготу царствования некоторых государей, упоминаемых в истории варварских веков. По общему и единомысленному всех историков счислению примечено, что царствованиям некоторых государей, о которых мы только ясные предания имеем, и по самой ближайшей догадке не выходит больше как двадцать два года, считая по стольку на каждого царствования. А в римской истории объявляется, что и семь государей царствовали двести сорок лет, так что если нам разделить сих государей долготу царствования равномерно, по тридцати по четыре года почти достанется на каждого царствования. Такая необыкновенная долгота царствования не будет казаться удивительной, если только примется в рассуждение то, что тогда государи выбирались крепкого,

ильного и дебелого сложения, а они не всходили на престол по наследству, и такие государи у них обыкновенно бывали средних лет и возраста до всхода на престол. Следовательно, тем чаще им удавалось долговременнее царствовать, нежели нынешним государям наследственной короны, которые в нынешние просвещенные и роскошные веки имеют право всходить на престол один после другого без всякого разбора в летах и телесной крепости.

3) Но что больше еще из сих обстоятельств придает человеку чести, достоинства и преимущества, то есть превосходное человека богатство и изобилие во всем человеку достаточному и изобильному. По причине его безмерного богатства все пути отворены к достоинству и чинам; в таком состоянии он, будучи надмеру знаменит, привлекает взор на себя всех других нижнего состояния и меньшего достатка. Прочие все взирают с удивлением на его великолепие, украшение, раскоши и различные прихоти и увеселения, посреде которых он со всей своей свитой блещет и сверкает всем в глаза. Предстоящие зрители, свидетели и проповедники его величества, славы и великолепия, с природы склонны увеличивать все его такие выгоды и происхождения, усугубляют своим проповедением еще больше его превосходство над всеми. Одного его слухом земля наполняется. Окрестные народы отвсюду стекаются к нему на поклон, и когда предстоят его лицезрению, всякий из них, будучи исполнен ужаса и удивления, благоговейно всякую честь отдают ему. Сие столь изрядно изъяснено благоразумным сочинителем новой нравоучительной философии господином Смитом [6], что описания больше не требует. К такому человеку люди в подданство идут не только с удивления на его великолепия, но больше еще для пользы и покровительства. Ибо человек такого величественного состояния, дабы показаться везде сходственно с его рангом и достоинством, принужден покупать премного вещей для великолепия своего и славы, и потому многие снискивают у его себе хлеб и пропитание, снабдевая его такими надобностями или отправляя ему те услуги, которые к такому его величественному состоянию надобны; а поелику он всегда требует премножество людей в службу для своего спокойствия, роскоши, прохлады и тщеславия, того ради премножество бедных идут к нему в службу и тем снискивают у него себе пропитание. Если он пожелает сделаться еще больше знаменитым и власте-

лином над всеми сообывателями и согражданами, для такого намерения он не щадит своего богатства. Чрез щедрое свое гостеприимство и задобрение, чрез хитрое подаяние своей милости и чрез многие свои ко всем одолжения и обещания он старается снискать и подкупить к себе премножество отступников и последователей. Таким образом, человеку, несравненному всем в богатстве, премножество бывает обязанных людей, которые принуждены отдавать ему честь и уважение. Некоторые раболепствуют ему от тщеславия, желая отличными сделаться его к себе милостью. Некоторые от благодарности то делают ему за полученные от него одолжения, когда другие служат и угождают ему, имея в намерении свой верный прибыток и ожидая представительством его снискать себе будущее благополучие. Итак, превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимущества над другими. Превосходное також богатство действительное есть начало и освоение всех чиноположении и оного разделения властей, которые столько ныне взошли в употребление во всех государствах. Каждый человек доказывает свой ранг и родословную в своем отечестве и как такой везде принимается с известным уважением и отличностью, которые ему отдаются по мере его богатства и достатка. У варварских народов единственно посредством богатства превосходного начальники или атаманы делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми. Ибо такие, имея великий достаток в земле, скоте и в пище, довольно в состоянии кормить премножество бедных и недостаточных людей, которых пропитание совсем зависит от них. Единственным також посредством превосходного богатства и в нынешних народных правлениях правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть, соединенные с уважением и с всеподданнейшим повиновением. Их безмерные сокровища и великолепности, зависящие от них единственно все места, чести, достоинства, определяемые ими жалованья и прочие сим подобные правительствующих прерогативы, по которым они довольно в состоянии премногих жаловать, многих к месту доставить, а неисчисленным почти и самое нужное пропитание подать,— сии все суть такие обстоятельства, в которых великие особы могут тьмы народов единственно от себя зависящими сделать. При сем примечать должно, что хотя богатство и достаток всегда бы-

вают источником достоинств и чинов, однако они не с равномерным успехом действуют во всех науках и у всех народов, поелику не всякое богатство не всяких людей уловляет сердца. То, например, богатство, которое богатый расточает на покупку всего того, что касается до его роскошей и прохладного жития, не делает ему столько преимущества над теми, от которых он покупает, сколько над другими, которые, съедая покупаемые им роскоши, участники и служители бывают его благополучия. Купец и фабрикант, которые доставляют ему все потребности на его великолепие, весьма мало надеются на его милость и доброе сердце, поелику их прибыль и интерес несравненно больше зависит от множества покупателей, нежели от единого только, а потерянием одного покупателя они не много раскаиваются; но люди, которые умножают его честь, власть и преимущество больше всех, суть его питомцы, его надворные, на его земле живущие, которые от его единственно зависят и которых он в состоянии несчастливыми и благополучными сделать. Какие точно народы и в каких обстоятельствах, завися от богатых, умножают их достоинство, честь и преимущество над многими, сие подробно показывается в принадлежащих к сей части юриспруденции рассуждениях, в которых изъясняются три народного правления перемены и состояния, какие случаются у обывателей, когда они живут сперва одною ловлею животных, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О НАЧАЛЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СУПРУЖЕСТВА У ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ НАРОДОВ И О СОВЕРШЕНСТВЕ, И КАКОМУ ОНОЕ **ПРИВЕДЕННЫМ БЫТЬ КАЖЕТСЯ ПОСЛЕДОВАВШИМИ НАРОДАМИ ПРОСВЕЩЕННЕЙШИМИ**

[...] В предпринятом мною, слушатели, о супружестве рассуждении можно, во-первых, то заподлинно утверждать, что сие мужа и жены общежитие, неустроенное прежде и основанное ныне на правах, сде-

лавшись от всемирного своего употребления обыкновенным, напоследок и в ученом свете не стало быть столько примечаемым, сколько бы оному надлежало быть примечаему как такому смертных союзному началу, от коего происходит всех нас рождение и оное общежительное рода человеческого размножение, от которого напоследок родились многолюднейшие грады, возросли обширнейшие государства и необъемлемые империи. Что от повсеместного и единообразного употребления делается нам вещь обыкновенною и непримечаемою, тому свидетель есть оный светильник светов — солнце, которое, поколику всегда нам в обыкновенное время и в одинаковом виде восходящим и заходящим представляется, того ради непримечающим и не кажется инако, как простым кружком; а каким образом от края небесе исход его и сретение его до края небесе делается и каковым способом день дни отрыгает глагол и нощь нощи возвещает разум, о сем примечании делать для обыкновенности никому почти и на память не приходит; и потому один еще только Невтон великий на земле ближайшее к небу о том наблюдение сделал. Равным образом и другие премногие, ближе нашим чувствам подверженные, растущие на земли и от солнца цветущие вещи подобного для обыкновенности своей лишаются примечания смертных. Но в юридических наблюдениях и, кроме сей обыкновенности, для которой примечания не делаются, было препятствием немалым несовершенное древних законоучение, неравно оных тщание, безмерное и беспорядочное множество законоучительных примечаний, которых прочтение отнимало у всех почти размышление, утомляло рачительную память и в изнеможение приводило всю остроту разума и рассуждения. По сим причинам, когда ни натуральный порядок в изложении и истолковании прав народных, ни подробное сношение обыкновений и законоположений нынешних с первоначальными наблюдаемы не были, то и неудивительно, что прежних веков законоучители и письмоводители не столько для изъяснения вещей, к их упражнению принадлежащих, сколько для показания своей должности писали. В таком преподавании бременном и непорядочном юриспруденции, наука, впрочем, наиблагороднейшая и полезнейшая, от множества пространных писателей учинилась бременною и учащихся умы обременяла и отягощала. Но труд человеческий и ра-

зум чего на свете не превозмогают! С возрастающими оными громадами написанных древних книг юридических возрастало у новых писателей не меньшее и рачение ко приведению оных в порядочнейшую и полезнейшую систему, и к счастию наших времен, мужественными и великодушными учеными возвращен и нашей науке надлежащий способ исторический, метафизический и политический, которого употреблением всяк удобно может проникать в самые отдаленнейшие, в самые странные обыкновения и установления народные и может оные со сношением с своими исследовать по различному народов состоянию и по природе всего рода человеческого, коего знания нет ничего на свете смертным полезнее и приятнее. Таким способом, каковы я в слове своем примечания учинил, о том, елико времени и вашей терпеливости достанет, кратко предложить намерен.

По нынешнему просвещеннейших народов совершеннейшему понятию, супружество признается за согласие, благословенное богом, предуправляемое законом и восприемлемое добровольно между мужем и женою в таком намерении, чтоб жить сочетающимися во всю жизнь совокупно и единосупружественно, хранить непорочность и верность жития супружеского, родить детей и подавать оным общее вспоможение в воспитании и защищении как общему своему порождению, а притом не оставлять друг друга не токмо во время деторождения, но равномерно и после вскормления, воспитания и распределения детей на собственных каждому основаниях жизни.

Описанное здесь понятие супружества утверждается на предписанном всякому слову законе, и поколику до оного народы не инако, как множеством веков доходят, того ради здесь надлежит с присовокуплением показывать оное троякое состояние народов, по которому они восходят от малых начал до возвышающегося купно с ними и их понятия о вещах.

Первая степень смертных заключается в тесных натуры пределах, и первоначальное народов гражданство есть пустыня общая со зверьми; сих ловитвою и былием саморождаемым питается дикий пустынножительный гражданин, вертеп его дом, и одеяние нешвенное из кожи зверския; наг он из утробы матерния исходит плотию, и при первом появлении во свет он не меньше прочих животных и разумом обнажен. Ему тогда ни

грады, ни селения, ни союзы и ниже самые под пятою его лежащие земли собственность неизвестны. В таких обстоятельствах, где глад и хлад или и един токмо палящий зной составляет все человека наследие, какое может быть понятие супружества, когда оного и на деле иметь возможность не дозволяет? Самая любовь, хотя бы и наисильнейшая из всех была страсть, без пищи и пития, как говорится в пословице латинской, гладнеет. В сем состоянии, когда все нужное ко продолжению жизни снискивается крепостию, трудом и не меньше как исторжением насильственным у природы, жена по слабости своего сложения мужу не токмо не может быть помощницею, но паче обременением, а рожденные дети еше большим ему бывают отягчением; и если жена для слабости своея не может быть тогда полезною мужу в понесении тяжести житейския, то она и того меньше может прельщать его неимением дарований внутренних и прелестей наружных. Ибо какой красоте можно быть на лице того человека, который в средине льдов и в снегах северных живет погребен, или который в знойных пределах открытый под солнцем и иссохший скитается по степям. Сверх сих неудобств и самое обращение обоего пола у таких народов, незапрешенное и незазорное со всяким, натурально рождает холодность и отвращение от такого неразлучного общежития. Сходственно с сими примечаниями, мы не находим в сем первоначальном состоянии народов никакого порядочного супружества и ниже имени оного. Смешение у них обоего пола невозбранное есть вместо супружества, и жены у таких мужей суть вместо рабынь, над коими они живота и смерти власть имеют.

Итак, когда в первом народов состоянии несродно быть кажется супружеству для худых, то следует оному свое начало иметь во втором для лучших обстоятельств; и потому вторая возвышающегося состояния человеческого степень приобретается заведением в собственности животных, или, иначе сказать, скотоводством и небольшим хозяйством. Сим средством человек достигает к выгоднейшему и прохладнейшему житию, от которого делается он, во-первых, общежительнеишим и, исшед из пустыни, наслаждается благорастворенным воздухом в степях, хотя и без утвержденного жилища; однако против прежнего довольно облегчен и облечен живет семейством в пастушьем состоянии, в каковом Юлий

Цесарь, славный древних народов победитель и описатель, застал первоначальных британцев, галлов и старинных германцев и в каковом находятся и у нас скитающиеся юртами и ордами татаре, калмыки и подобные сим бесчисленные народы под державою Российскою и в соседстве. В сем состоянии, сколько нам известно по описаниям таких народов, супружество по большей части состояло во многоженстве и нетерпимом в христианстве смешении. «По десяти и по двенадцати мужей,— говорит Цесарь о британцах,— живучи вмести и, по большей части братья с братьями и отцы с детьми, имеют жен у себя общих. Но рожденные от них дети именуются тех детьми, которым матери их в детстве сперва достались»[8]. Равным образом и Тацит, неменьший Цесаря в описании первоначальных народов, утверждает, «что из таких народов одни токмо германцы одними женами в супружестве довольствовались»[9]. Из сих писателей доводов, кажется, довольно явствует, что во втором состоянии народов супружество какое бы то ни было, многоженственное ли оно или и несходное с христианскими обычаями, однако начинает быть известным и обыкновенным. Жены в таком первоначальном супружестве хотя и ни в какой нежности не содержатся и нимало не разнствуют от рабынь, над которыми, как тот же Цесарь утверждает, мужья имели варварскую живота и смерти власть, но со всем таким варварством жены и при сем начале для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества.

Несовершенное и в сем, как то и само собой доказывается, было супружество состояний: того ради, усмотрев его начало, посмотрим и на совершение его в следующем народов возвышении. Попечительна о блаженстве смертных природа верховное счастие человека, повидимому, утвердила на всегдашнем его устремлении к высшему состоянию. Одни желания рождают в нем другие; а как первые, так и последние всегда влекут его и возносят к возвышению; того ради низвержение в низшее состояние, равномерно как и закоснение во едином, всеми чувствуется наиужаснейшим злополучием, какому только род человеческий подвержен быть может. Чувствование сего злоключения делает человека предосторожным и, восхищая его от упадения, споспешником ему и стражем есть во всех желаниях, ведущих его

жизнь на верх благополучия. Таким страстоприимством от природы устремляемый и предохраняемый, человек, одни исполнив желания, предается другим и избирает вдаль себе лучший способ жития: утверждается на едином жилище, очищает селения, прилежит к земледелию, насаждает вертограды, устрояет домоводство и навыкает сельскому житию. Великая здесь человеку открывается перемена и довольная за труды приносится награда: остепенившись на едином месте, при достатке и спокойствии он имеет больше времени и способов ко приведению своего жилища в порядок. С умножением его дому умножаются его и дела в домоводстве, за которыми поколику сам уже он присмотреть не в состоянии, того ради натурально представляется ему надобность в избрании такого помощника, на которого бы он мог надеяться и который бы ему был верен, тщателен и усерден, как он сам себе. Снисканный им таким образом толикий помощник в жизни другой не может быть никто лучшим, как жена его. Соединяющая в такой союз природа супругов сама предписывает собственные каждому должности и открывает им происходящую от наблюдения оных пользу, приятность и услаждение. На такой конец, когда она мужа сотворила приобретателем и искателем вне дому благ, жену хранительницею оных сделала внутреннею дома. Прекрасное описание супружеския должности в домоводстве, приложенное здесь Цицероново, довольно доказывает, что в таком сельском состоянии не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза была причиною первоначального порядочного супружества. Глубокая древность уверяет нас, что Цекропс [10], пришедший из Египта в Аттику народов предводитель, был первым учредителем супружества и оное единоженственным утвердил. Но сей народа предводитель и законоположник супружества никогда бы оного в обыкновение единоженственным ввести не мог, как то и не ввел совершенно, если бы народ его не был довольно созрелый в сельском житии еще и до прехождении своего из Египта, и мы видим из истории, что сей народ в Аттике при первом поселении начал жить и жил действительно не токмо в семействе, но и в обществе сопряжен, в котором состоянии польза супружества первоначальным народам открывается не токмо в домоводстве, но и в продаже детей. Сию происходящую от

корыстолюбия и варварства пользу имели все первоначальные народы в обыкновении, и не только греки, персы, римляне, но даже и нынешние обитающие в Африке и Америке народы, от которых последних покупаемые всею Европою арапы суть довольным доказательством сея истины. В Африке во всех приморских варварских берегах родители всегда имеют наполненные анбары детей, узами связанных, из коих продажи делают барыш и прибыль, как у нас из вещей неодушевленных и несмысленных животных. Сие корыстолюбивое продавание детей было побуждением немалым ко введению супружества и причиною полигамии, извержения младенцев и оныя варварския власти, каковая по старинным законам дозволялась родителям в животе, смерти и продаже детей. Но каково бы ни было супружество в сем состоянии, однако происходящая по оному от жены и детей польза в сельском житии велика, и плоды в оном человеку приносятся весьма обильные, из которых он иные на блаженство и услаждение свое, иные в замену на потребности и в продажу на сокровища обращает, отчего напоследок открывается смертным и самое величайшее состояние — *коммерческое.*

В сем состоянии великое рода человеческого делается преображение в житии, нравах и правительствах. Здесь оные первоначальные уничиженные жительства забвению предаются, оставляются бедным сельская жизнь, богатым зиждутся грады, возносятся мраморные палаты, и человек, наследив сие новое и великолепное жительство, среди богатств, красот и убранства раболепно почитаемый, делается всемирным союзником и властелином над множеством прибегающих к нему и ищущих у него милости и пропитания. В таких благоприятных обстоятельствах совсем противными прежним напитан бывает он страстьми и новыми бесчисленными снабден средствами к исполнению своих желаний. Смиренномудрие, скромность и повиновение удаляются от сердца богача, и на место сих вселяется в душу его высокомерие, гордость и неуступчивость. Достаток, богатство и изобилие во всем суть средства, которыми сокровиществующий миллионщик пленить может в послушание себе целый свет. В таком преображении народов самое правительство нередко приходит в замешательство и, сделавшись в коммерческом состоянии колеблющимся, переменяется иногда в народное, аристо-

кратическое или и в смешанное изо всех, какое ни есть третие; и в сем состоянии по причине достатка, изобилия и роскоши великое рождается совершенство и развращение народов, почему и супружество при таком случае с совершенством своим нередко иногда и на развратное мужа и жены житие похожим примечается. Для сих обстоятельств понятие о совершенном супружестве надлежит нам выводить не от поведений супругов, но от предписанных супружеству законов и от средств, каковыми оное приобретаемо, сохраняемо и совершаемо было.

Что касается до средств, то из оных первым в приобретении жены было мужа долговременное сожитие с нею, и сим средством римляне, как то из законов их явствует, сначала приобретали жен. А поколику сей способ есть весьма простой и натуральный, то хотя и не прямо, однако праводоподобно можно утверждать, что долговременным сожитием мужа и жены совокупным сначала и у всех народов супружество приобретаемо было.

Второй способ в приобретении жен состоит в покупании оных, называемом в римском законе coemptio ". Сим средством також многие народы покупали жен, и в России у казанских татар оное покупание и ныне еще в обыкновении, и деньги, платимые тестю за выдаваемую дочь в замужество, называются по-татарски *калым*. Но как в таком состоянии мужья имели варварскую оною живота и смерти над женами власть и жены за ними не инако, как рабыни, жили, того ради выдающих в такое порабощение дочь родителей и сродников жалость часто заставляла делать жениху подарки, дабы он благосклонно с дочерью в замужестве поступал. От сих подарков родилось приданное, которое напоследок взошло в такое обыкновение, в каковом оное ныне видим и у всех народов. Последний способ в приобретении жен состоял в заключении приличных к тому договоров и в призывании торжественном на утверждение супружества свойственныя всякому народу веры. У римлян-язычников сей последний обряд назывался confarreatio [2], то есть жертвоприношение, состоящее в посвящении идолам домашним некоего хлеба, который почти во всем походил на употребляемый в старину при свадьбах в России и наблюдаемый у простолюдиных малороссиян и поныне *коровай,* у которых также

и deductio domutn sponsae [торжественный обряд обручения] по примеру римлян наблюдается и поднесь. Сей обряд свадьбы совершаем был наиторжественнейшим образом самими идолослужителями первоначальными, без которых преходящая из родительского в мужнин дом невеста не могла быть препорученною покровительству тех идолов, коих за хранителей своих почитал ее муж. А поколику сие супружество употребляемо было в возвышенном состоянии и между первейшими и знатнейшими фамилиями того ради торжественному оному бракосочетанию всегда предшествовал брачный договор (contractus sponsalitius et sponsalia), обряд во всем похожий на примечаемый у нас жениха и невесты сговор, который у римлян и за год до свадьбы торжествовать было можно, и в оном при свидетелях заключаемо было со стороны невесты приданое, а со стороны жениха — вено[13] (dos et donatio propter nuptias).

Сими последними способами супружество у народов даже и языческих к совершенству приведено и законом начало быть управляемо; но в просвещеннейшие веки христианские супружество несравненно большую получило себе твердость и совершение, когда оное сам истинный бог всесильным словом неразлучным утвердил, церковь приняла во хранение и правительство, оградив оное законами, предписало:

1. Быть супружеству по согласию непринужденному сочетающихся и по согласию родителей.

2. Наблюдать при вступлении в оное обоему полу предписанный законом возраст.

3. Хранить с обеих сторон верность и непорочность супружеского жития и не осквернять оного ни многоженством, ни многомужием.

4. Не совершать оного в возбраненном степени родства, и дозволяемого не делать тайно и вне церкви своея.

На сии предписанные правила всеобщие есть толь великое множество законов, что от вмещения и объяснения оных здесь предпринятое мною слово могло бы возрасти и в целую книгу, почему, оставляя сношение прав и показание оным точных причин особливому дополнению, в заключение кратко покажу, по каким обстоятельствам при возвышающемся народов состоянии женский пол не токмо уравнен мужескому, но в некоторых случаях и предпочтен оному.

Из вышедоказанного мы видели, что у разных народов, а наипаче у римлян первоначальных, жены у мужей наподобие рабынь содержались и приобретаемы были, подобно как вещи, куплею и одним сожитием. Из сего порабощения и зависимости они вышли не оным образом, как своими дарованиями и приданными великими. Происшедшее от оных малых подарков, даваемых жениху от родителей и родственников выходящей замуж невесты, приданое возросло напоследок в столь великое и лестное имение, что по оному и одному жена в понесение бремени супружества не токмо равною сделалась мужу, но иногда и превосходящею достатком своим. Такое их имение сделало жену независимою от мужа, и в возвышенном состоянии возвеличенный ею род, и знатный союз родни не допустит ее у мужа ни до малейшего надругательства и своим заступлением защитит и воехитит ее даже и от угрожаемых обид. Сие обстоятельство и одно в состоянии сделать жену довольно уважаемою перед мужем.

Сверх сего, просвещение нравов народных и последовавшее отсюда большее чувствование людскости и человечества, которое у нас смягчает сердца и воспящает нам быть жестокосердыми, были причинами немалыми в отменении оного древних бесчеловечного обхождения с женами и в уничтожении варварския оныя мужния власти живота и смерти над женами. В непросвещенные и варварские времена сильный всегда немощного утеснял, и каждый склонен был к употреблению и малейшия власти даже до отнятия жизни у не могущего сопротивляться оной. Но в просвещеннейшие века вместо сих страстей восходит на сердце человеку сожаление и снисхождение к слабостям немощного, и храбрость, большею почитаемая в великодушии, приписывается тому, кто при всей своей власти и силе больше к милости, снисхождению и пощажению в душе расположения имеет. От такового расположения души расположение подобное клонится и в правительстве к защищению обижаемого и к сокрушению обиждающего;» и потому при избавлении женского пола от тол и кого ? варварства не меньше просвещение нравов, как и совер- •(шенство правлений, действовало. Премудрый законов положник и просветитель России Великий Петр между прочим премудрыми своими законоположениями и оное не меньше достойным примечания в своем изложений

Табели о рангах сделал узаконение, по которому женский пол и преимущественно девиц не токмо уважил, несравненно еще и предпочтенным отличал перед мужским. Сверх Петровых законоположений суть и другие премногие, по которым женский пол в просвещеннейшие времена и у римлян преимущественным сделан на суде истязания перед мужским. Толико в просвещении нравов народных споспешествовало правительство к уравнению и превознесению сего низверженного в древности пола!

Но душевные женского пола дарования и качества внешние несравненно больше напоследок пленили мужской пол в любовь и почтение к себе; сие драгоценное сокровище, которое ныне толиком служит украшением женам, то есть воспитание их и дарование, подобно как металл в земле, погребено было у первоначальных народов в нищете и непомышлении. Когда, напротив того, в наши времена первое о воспитании их всеми прилагается старание и с толиком успехом, что многие, к бессмертной славе своего пола, нимало мужскому не уступающими в науках доказали себя пред всем ученым светом...

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РАЗНЫХ ПОНЯТИЯХ, КАКИЕ ИМЕЮТ НАРОДЫ О СОБСТВЕННОСТИ ИМЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА [м]

Когда мы рассуждаем исторически и философски о различных преуспеваниях рода человеческого в различных знаниях и понятиях вещей и когда мы, снисходя с превознесенного нашего состояния, проникаем в самые отдаленнейшие от нас и кажущиеся пред нами низверженными и не восстающими народы, то не находим, слушатели, сего умозрительного народов созерцания для нас удивительнее, приятнее и полезнее. Ибо если мысленно себе представим испещряющегося искусством галла, сокровиществующего богатством батава [15] и пролетающего небеса, моря и земли в своих Невтонах и Ансонах [16] британца; и если сравним сих, возносящихся толь несравненным своим состоянием народов с камча-

далами, готтентотами и обитающими в северных и южных пределах народами, которым в наследии глад и хлад или один токмо палящий зной природа оставила и на которых еще ни благодати божией, ни учения человеческого свет не воссиял, то сколь чудным, сколь удивительным и сколь приятным и научительным нашему взору представляется такое исследование рода человеческого, а особливо если к оному присовокупим еще и оное прежде бывших преславнейших народов воспоминание, в котором римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев, и грека, некогда покорявшего все страны Асийские, ныне лишь только одно имя у нас отзывается [17].

Сии толь чувствительные, прискорбные и чудные перемены рода человеческого многих уже великодушных и мужественных испытателей природы заставляли думать, что нет в наших ни рассуждениях, ни в испытаниях доказательных оснований, по которым бы можно сию вселенную утверждать вечною, не пременяемою или вреду какому не подверженною. Непрестанное, говорят они, и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной материи, стремительные земли обращения, которыми все части колеблются, примечаемые на небе перемены, простые к тому ж знаки не меньше, как и самые исторические предания всемирного потопа или повсеместного стихий восколебания,— все сии приключения свету доказывают смертность мира сего и его видимое с одного состояния в другое прехождение. Из таких наблюдений великими испытателями природы заключения нередко выводимы были уже и такие, что свет сей должен иметь свое отрочество, юность, мужество и престарелость так, как и свои, из которых состоит, не секомые и далее не разделяемые части. И весьма уповательно, что человек, равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть может. В цветущем мира состоянии, может быть, род человеческий имел большую крепость в душе и теле, вожделеннеишее здравие долговременнейшую жизнь и большую склонность и силу к порождению; однако если повсеместный порядок вещей и обществ человеческих течение имеют такие степенно восходящие и нисходящие обращения, то их весьма нескоро можно приметить и отличить в столь кратком веке, каков в летописях и преданиях означается;

жизни человеческой. Возраст и крепость тела, долгота жизни, острота и пространство разума доказываются нам и во всех почти веках бывшими природными роду человеческому. И в таком нашем мнении о сем уверяют нас те самые искусства и науки, кои заподлинно процветали в одни веки и в другие упадали; и хотя они при таких своих переменах и повсеместно исчезали в одном народе, однако в последовавших за оным других народах паки возникли и размножились по всему почти свету. Итак, сколько нам известно и сколь далеко чинимые нами о сем наблюдения могут простираться, то мы не можем еще приметить никакого ущербу в естестве человеческом, и потому не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписываемым свету отрочествам, юностям, мужествам и престарелостям, по которым, как утверждает великий философ и историк аглинский [18], вотще принимался исследовать многолюдство древних и малолюдство нынешних народов излишествующих в своих о сем писаниях Воссий [19].

Но, к счастию наших времен, новейшими и рачительнейшими испытателями природы человеческия открыты нам несравненно ближайшие средства к исследованию народов в различных преуспеваниях по таким обстоятельствам и состояниям, по которым они, начинаясь от первобытного своего общежительства со зверьми, восходили до высочайшей степени величества и просвещения. Таковых состояний роду человеческому полагали и древние писатели четыре, из которых первобытным почитается *состояние* народов, живущих *ловлею* зверей и питающихся *плодами саморождающимися* на земле; вторым — *состояние* народов, живущих скотоводством, или *пастушеское;* третьим — *хлебопашественное;* четвертым и последним — *коммерческое.* [...]

Такое происхождение и возвышение обществ человеческих есть сродно всем первоначальным народам, и по оным четвероякым народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы й обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и художествах. Сими восхождениями достигал римлянин до необъемлемыя империи, и подобными сим достижениями превзошли римлян нынешние европейские народы и на Развалинах их империи, как уверяет г. Робертсон [20]. утвердили свои несравненно просвещеннейшие науками и обогащенные художествами державы.

При сем воспоминании и сравнении народов воззрите, превознесенные под благословенною державою Екатерины российские потомки, на своих отдаленнейших предков и при всерадостнейшем торжестве рождемныя ныне на просвещение и преуспевание толиких народов монархии вспомните, от каких малых начатков происходили российские первобытные народы aborigines и до коликого ныне они достигли величества, славы и могущества!

Итак, сообразуясь высочайшим намерениям великой предводительницы просвещения и преуспевания народного, елико времени и вашей благосклонной, п [очтеннейшие] с [лушатели], терпеливости достанет, краткое предложить намерен *рассуждение о разных понятиях» какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства.*

Собственность по самому высочайшему понятию нынешних просвещеннейших народов заключает в себе:

1. Право употреблять свою вещь по произволению.
2. Право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною неправедно.
3. Право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, прн жизни и по смерти.

Каким образом разные народы и в различных состояниях натурально и постепенно достигают до понятия сего права собственности, о том теперь следует рассуждение.

I. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ЛОВЛЕЮ ЖИВОТНЫХ И ПИТАЮЩИХСЯ ПЛОДАМИ, САМОРОЖДАЮЩИМИСЯ НА ЗЕМЛЕ

1. Когда человек честным образом овладеет какою вещию, то чрез такое овладение он делается к ней паче прочих пристрастнейшим и приобретает чрез то ощутительное ожидание к беспрепятственному употреблению завладенной им вещи. Вследствие такого пристрастил и натурального ожидания, рождающего в человеке к овладению вещи *, и мы, посторонние зрители, почитаем

* *Г. Блакстон*[2], коего сочинения ныне и на российский **язык** переводятся, утверждает из священного писания, что по оному слову божию: «растится, множится и наполняйте землю, и обладайте ею» *(Бытие,* кн. I, гл. 1, с. 28), живуший на свете сем человек только

ишение таковой вещи несносным для человека, а особливо когда он лишается ее насилием и обманом другого человека, ибо мы взираем на всякое такого роду покушение и посягательство не инако, как на самое величайшее бесчеловечие и внутренно чувствуем себя расположенными к наказанию такого злодея и к прекращению таких пороков в обществе. При таком неправедном похищении вещи, приобретенной честным образом, нам представляются обстоятельства похитителя и владетеля совсем несходственными, в которых владеющий вещию кажется нам имеющим несравненно большую связь с оною, нежели другой, похищающий ее; и владетель нам представляется больше претерпевающим от лишения своей вещи, нежели похититель, когда он правосудием принуждается быть без нее.

От сего пристрастия и ожидания, какое мы получаем при завладении вещи, рождается у нас самопростейшее и первое понятие о собственности, и в силу оного мы почитаем, что лишать человека владения или препятствовать ему в употреблении своей вещи есть явное беззаконие и что владеющий оною имеет право употреблять ее по своему произволению и исключать прочих всех от владения и употребления своей вещи.

Но в первобытные времена и в первоначальном естественном состоянии, когда народы получают главнейшее пропитание ловлею диких зверей и собираемых плодов, саморождаемых на земле, мы не видим такого ясного понятия о собственности, какое ныне примечается установленным между народами просвещеннейшими. Ибо когда люди живут в сем первоначальном состоянии и получают все свое прокормление от ловли зверей в воде и на земле, тогда они не имеют довольного случая к приобретению великого понятия о собственности, потому что, будучи незнающими, каким образом сохранять пищу от нетления, они никогда и не помышляют о скоплении оныя в великом количестве на будущее время. В таком состоянии и обрабатывание земли бывает мало им известно и внимательно; но как скоро народы узнают питательнейшую пищу, приуготовляемую

[70] может и собственности иметь над нынешними вещьми. Но как о сем [и] ль важном предмете имеются у разных аглинских, равномерно как У других европейских писателей, новейшие рассуждения, того ради таковых мнения и я вознамерился здесь подробнее исследовать.

из животных, то они и предпочитают оную пище, при! уготовляемой из растений, поколику первая вкуснейшей представляется диким народам, нежели последняя. П^ сей причине редко случается у таких народов, чтоб он прилагали старание к великому и собиранию плоде земных на пищу. Сверх сего, и самое одеяние у дикиз< народов бывает весьма простое и немногое и состоящее по их климату из кож животных и рубищ самопростей| ших. Здания же, в коих дикие народы укрываются зноя и от стужи, состоят в самопростейших хижинах! пещерах и вертепах, сделанных природою или и немне гим искусством и трудом человеческим. Ниже прите такие у них жилища снабдены великим множество! сосудов, орудий и приборов домашних по той причин* что у них никакого к тому изобретения и искусства имеется, и орудия их самонужнейшими почитаемые сут| те, которые необходимо нужны на уловление и приугоя товление зверей в пищу.

Сии сами собою простые и немногие вещи состав| ляют всю собственность имения у народов, живущи ловлею зверей и питающихся плодами, саморождаемым* на земле. А поколику они имеют весьма немногие недрагоценные у себя во владении вещи, того ради *ЦШ* собственность сих редко у них бывает подвержена **татьбе'Ц** и похищению. Ниже при том и находящиеся у них вещ* пребывают в долговременном их владении, ибо когда *жи-Щ* вущий в таком состоянии человек убьет или поймаете какого дикого зверя, то он тотчас его съедает или **при-"** носит в дом на скорейшее съедение своим домашним. Следовательно, в толь краткое время владения он не имеет случая пристраститься к такой вещи больше дру- гих людей и, употребив немного труда при завладении^ вещи, он мало чувствует и несправедливости в похи'! щении оныя другими людьми у него.

Сверх сего, и то надобно примечать, что у народов живущих ловлею зверей, и самое употребление вещ бывает по большей части нераздельное и общее вс~ Ибо как они живут все в одной хижине или пеще; то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное вл дение и употребление; и как они едят все вместе, то и съестные припасы бывают всем общи, а по недостат" даже и самые одеяния у них, точно как и у наш крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие нераздельные.

Итак, когда у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле, не имеется в вещах раздельного владения) то им и различие того, что *твое* и *мое,* весьма мало вразумительно. Сходственно с сим заключением, когда Колумб впервые прибыл к американцам, то они испанцам невозбранно дозволяли брать и употреблять у себя все, что ни было у них; но когда американцы равным образом стали брать у испанцев, что им нравилось, и встречены были с явным отказом им во всем, то они такому испанскому с ними поступку не могли довольно надивиться и почли такое обхождение крайне странным и неслыханным прежде в их отечестве *(смотри Путешествие Колумба, гл. 2, стр. 44, на аглинском).*

2. А поколику народы, живущие ловлей зверей, не имеют довольно ясного понятия о праве собственности к употреблению вещи раздельному „ особенному каждого человека, то они еще и меньше имеют понятия о праве взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною по потерянии и похищении, ибо сия вторая часть права собственности им еще и паче невразумительною бывает потому, что оное ожидание к беспрепятственному употреблению владеемыя вещи у таких народов весьма умаляется и почти исчезает, как скоро вещь и соединенное с нею владение теряется. Сие примечание весьма прилагательным мо>кет быть у таких народов во всех их движимых вещах, из каковых у них и все почти имение состоит. Ибо когда у питающегося ловлею животных человека пойманный зверь уйдет, то надежда у него к сысканию ушедшего зверя натурально прекращается, как скоро из рук его животное вырвется. Равным образом, когда такой человек потеряет владение и движимой какой вещи, то его надежда к отысканию и употреблению оныя скоро умаляется; и нашедшие оную его товарищи нимало не сочтут за обиду потерявшему прибрать такую вещь себе и употребить в свою пользу, потому что у таких народов владения не утверждены и не защищаемы бывают ни правительством, ни законами. Итак, у всех первоначальных народов,' имеющих во владении одни только движимые вещи, *право собственности* примечается совсем нераздельное с владением, то есть продолжающееся только, пока вещь во владении имеется. [...]

Такого неразрывного права собственности со владе-

нием и теряемого с потерянней владеемой вещи много примечается происходящего от сих обстоятельств и продолжавшегося и в законоположениях таких народов, кои уже и просвещенными почитались, а именно: по старинным законам римским, когда человек закладывал свою вещь за долг, то собственность закладываемой вещи всегда предполагаема была в законе приносимою заимодавцу, который оную собственность возвращать по уплате долгу закладчиком обязывался и контрактом.

[•••]

3. В заглавии сего рассуждения у нас было сказано, что по самому высочайшему народов понятию о собственности, владеющий вещию человек имеет право и отчуждать оною всяческим образом при жизни и по смерти. Сие право собственности рождается в человеке от прежде описанного права, по которому он имеет власть и к употреблению владеемой вещи по своему произволению. Ибо если в воле хозяина состоит истреблять свою вещь употреблением, то он может и бросить и поступиться оною кому хочет; оставленною и отказанного таким образом от него вещию может другой овладеть точно так, как бы оная и никогда первому не принадлежала. Из сего натуральное следует заключение, что овладевший вещию по отчуждению хозяин имеет такое же право употреблять оную по произволению, какое имел и отчуждивший ее хозяин. Ибо возымевши над отчужденною вещию равномерную власть, он может равномерно ее и употреблять по произволению и, получив ее честным образом и по добровольной уступке, он не имеет и причины сомневаться, чтобы такое завладение вещи могло причинять прежнему хозяину оной или другому кому-нибудь какое-либо беспокойство и досаду. Сим уравнительным одного права с другим мы снискиваем понятие и о последнем, третьем, праве, *по* которому владеющий вещью уполномочивается отчуждать оную добровольно при жизни и по смерти.

Но сколь бы сего права происхождение ни было ясно и вразумительно для нас, однако оному ни малейшего уважения не делается у непросвещенных, а особливо у живущих ловлею зверей народов, по той причине, что у них мало бывает и случая к отчуждению вещей в таком бедственном и недостаточном состоянии, в котором они, не имея никаких художеств, не имеют для продажи и обмена никаких и вещей. У таких народов

оделия бывают весьма простые и немногие, и потому семи частными семействами везде и производятся не в излишеством, но сколько надобно для себя самих. Почему у таких народов коммерции или мены вещей никакой почти не примечается; и для того живущие в сем состоянии народы не могут иметь понятия о таком праве, для употребления которого они и случая почти не имеют. Да хотя бы в таком состоянии кто и отважился отчуждать или променивать свою вещь, но одним словесным своим произволением он того сделать не может по той причине, что в таком состоянии народы бывают весьма вероломны и не соблюдающие своих обязательств и договоров. [...]

Сия самая трудность, происходящая от недостатку понятия о праве и отчуждении собственности, была причиною введения толиких форм и обрядов, кои у народов непросвещенных обыкновенно наблюдаются при всяком заключаемом обязательстве.

II. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ СКОТОВОДСТВОМ, ИЛИ ПАСТУШЕСКОЕ

Когда народы поправят свое состояние приучением и разведением у себя диких зверей домашними, то они натурально возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности. В сем состоянии они владеют имениями несравненно в большем и многообразнейшем количестве, нежели народы, живущие ловлей диких зверей. Ибо, изобилуя стадами различных животных, они имеют великое приумножение имений и, будучи оными в недостатках своих удовольствованы, имеют спокойнейшую и прохладнейшую жизнь, отчего и сами они делаются расположенными больше к людскости, человечеству и к наблюдению правоты в обществе. Словом, в сем состоянии пастушеском и скотоводственном народы примечаются имеющими больше понятия о собственности потому, что в оном начинают владеть большим множеством вещей прочнейших и долговременнейших, нежели в первом состоянии; и, живучи в пастушеском состоянии прохладнее, выгоднее и в большем обществе, они бывают благосклоннейшими и обходительнейшими. Сверх сего, и самая польза, происходящая от утверждения всякому частному человеку соб-

ственности, начинает быть в сем состоянии гораздо больше известною. Ибо в сих обстоятельствах каждый начинает довольно чувствовать, что и он равным образом будет обижен, если обидимого не будет защищать.

1. Но, невзирая на все вышесказанное и благоприятствующие к утверждению собственности выгоды, есть и в сем состоянии препятствия, не дозволяющие и живущим народам скотоводством доходить до совершеннейшего понятия о праве собственности к употреблению вещей по произволению; и в достижении до такого понятия о сем праве они воспящаемые бывают по причине их совокупного и нераздельного имения, каковое у них примечается общественным в семействах и в соседствах.

Разные семейства в юртах и ордах кочующих и живущих скотоводством народов хотя и многолюднейшие бывают, однако имеют владения у себя общие и наблюдают тесное между собой общежительство. Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе; их стада пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств людьми. [...]

2. Живущие скотоводством народы еще и менее имеют понятие о праве собственности, принадлежащем к отыскиванию вещи от всякого завладевшего оною, потому что они не имеют собственности в земле и, пресмыкаясь с места на место, не могут пристраститься довольно к одному утвержденному жилищу, а поколику они еще не имеют собственности ни в чем другом, кроме как токмо в одних движимых вещах, того ради и непонятным для них представляется то, чтоб их собственность оставалась ненарушимою, когда владение движимых вещей потеряется. Для сих причин скитающихся и живущих в пастушеском состоянии народов не примечается не токмо никакой собственности в земле, но ниже и разделение оной никакого не бывает. [...]

3. Но если живущие в пастушеском состоянии народы не имеют довольного понятия о праве отыскивания своей собственности, то они и несравненно меньше иметь должны понятия о праве отчуждения своей собственности по причине их совокупного и общественного владения, которое, как и выше сказано, единожды затвержденное у всех, не дозволяет частному человеку отчуждать своего имения ни при жизни, ни по смерти.

Когда народы преуспеют столько в хлебопашестве, что могут от оного получать главнейшее свое пропитание, тогда они выгоднее для себя находят поселиться на избранной ими одной земле для неприменяемого жилища. От долговременного их на одном месте пребывания самая их земля делается больше удобренною; и народы, живущие на одном неприменяемом жилище, больше могут запастись плодами земными и надобными орудиями для удобрения земли и снятия плодов с оныя. Сверх сего, от долговременного пребывания на одном месте и обрабатывания оного народам также открывается и та польза, что их земля способнейшею делается и для паствы скотов. В таком хлебопашественном состоянии каждый человек обрабатывает землю, прикосновенную своему жилищу, и натурально желает получить на владения оныя исключительное и всегдашнее право собственности. А поколику и всякий обыватель имеет к тому одинакое желание и как в таком состоянии земли довольно имеется для всех, того ради в таком приобретении не может быть и препятствия никому и немного может быть и споров в разделении земель. Следовательно, в первоначальном хлебопашественном состоянии всякий обыватель занимает для себя столько земли, сколько ему надобно и сколько он в состоянии обработать оныя; отчего у таких народов и самое количество земли примечается почти равномерным у каждого хозяина.

Итак, когда человек приложит довольно трудов к обрабатыванию особливой части земли, тогда лишить его оныя покажется всякому делом бесчеловечным и несносным; вследствие чего он будет всякому представляться имеющим большее, нежели другой кто, право ко снятию и употреблению плодов, которые он посеял на ней. По окончании жатвы у первоначальных хлебопашцев и вся привязанность их к земле разрушалась; но когда посевы хлеба наступали, тогда паки каждый обыватель, обрабатывая свою прежнюю землю, чувствовал к ней новую привязанность на будущий год, и чем долее то обрабатывал одну и ту ж самую часть земли, тем большее отчасу к ней чувствовал пристрастие и ожидание в беспрепятственном оныя владении и употреб-

лении впредь. В продолжение такого прилагаемого каждыми обывателями к своей земле обрабатывания, напоследок всякий хозяин получает и всегдашнее право к употреблению занятыя им сначала земли. Таким образом, когда народы довольно успеют в хлебопашестве, тогда они и землю начинают употреблять к различным надобностям и получают совершенное и исключительное на владение оныя право, вследствие которого и самые земли их начинают быть разделяемыми сперва между обывателями, а потом и между семействами и соседами.

При сем надобно примечать, что иногда понятие собственности, состоящей в земле, некоторым образом умножается чрез понятие собственности в движимых вещах; и хотя сие последнее понятие собственности бывает и всегда предыдущим первому, однако понятие собственности в движимых вещах не меньше иногда умножается и чрез понятие собственности, заключающейся в земле, а особливо когда такая собственность обыкновением введена бывает в употребление. Ибо если понятие права к употреблению вещи по произволению, вопервых, движимыя рождается оттого, что движимая вещь по существу своему удобнее снискивается людьми, и в которых всякий в состоянии движимую вещь захватить руками и удержать оную собственную силами во владение, то от сего в человеке рождается больше пристрастия и ожидания к овладению и употреблению движимыя вещи, когда вопреки земля хотя по существу своему неудобная и необъемлемая силами человеческими во владении, однако по взятому понятию от движимых вещей понятие собственности человек не меньшее приобретает и в недвижимой земле. В другом случае земля обыкновенно представляется вещию долговечнейшею и драгоценнейшею и производит в человеке большее пристрастие и ожидание ко владению и употреблению; почему человек, лишенный такой вещи неправедно, больше представляется всем претерпевающим и обиженным. От сих обстоятельств право употреблять свою вещь по произволению, взятое от движимых вещей, сделалось напоследок понятнее и в недвижимых.

Право отчуждать свою вещь при жизни и по смерти кому угодно в хлебопашественном состоянии не примечается совершенным. Ибо как земля по своему существу не может быть переносима с места на место, то

может и подать первоначальным хлебопашцам понять к отчуждению ее; однако и сие понятие, как ее отчуждать другим, натурально рождается у людей от предыдущего понятия собственности в движимых вещах, которые по своему существу ранее начинают быть отчуждаемы и переносимы другим во владение. Такое совершенство права собственности происходит от введения хлебопашества, и в сем состоянии собственность понимается совсем отделенною и отвлеченною от владения.

IV. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ КОММЕРЧЕСКОЕ

Напоследок, когда хлебопашество получило довольное приращение и приведено было в некоторое совершенство, тогда художества и рукоделия начали постепенно умножаться и в совершенство приходить. При таком первоначальном появлении художеств всякий человек занимался всеми почти художествами, какие напоследок начали производиться особливыми и нарочитыми мастерами. От сего обстоятельства получили народы несравненно совершеннейшее:

1. Понятие о праве собственности, по которому дозволяется человеку употреблять свою вещь по произволению. Сие право получает несравненно большую силу (а) от введения многих новых собственностей в разных вещах, (Ь) оное увеличивается от преумножения в народах просвещения нравов, (с) напоследок получает оное свою большую силу от большего понятия общеполезности, происходящей от утверждения собственности. Сия последняя причина, то есть общеполезность утвержденной собственности, имеет свой успех и во всех выше показанных состояниях, однако больше действует в коммерческом состоянии народов.

2. Право отыскивать собственную вещь от всякого завладевшего оною неправедно человека в большее также совершенство приходит в коммерческом состоянии для вышесказанных же причин.

3. Право отчуждать свою собственность другим, по которому коммерческое состояние больше, нежели какое Другое отличается, получая свое совершенство от того, что многие народы в сем состоянии имеют больше слу-

чаев менять и продавать свои вещи. Право отчуждать свои вещи уповательно скорее в употребление принято в тех вещах, которые человек собственным трудом сам приобретал, нежели в маетностях, принадлежащих семейству или фамилии; отчуждение же семейственных маетностей при жизни постепенно ввело право отчуждать оные и по смерти в завещаниях *.

Сие посильное и прекращенное для необременения вашей, почтеннейшие слушатели, благосклонной терпеливости рассуждения я предоставляю пространнейшему исследованию собственности во всеобщей системе юриспруденции. Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных, и от введения собственности в земле родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиноначальства, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоучрежденные и процветающие державы европейские. Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах феодальное правление, о мудрости которого хотя и многие многообразно мудрствуют, однако оное в самой вещи было не иное что, как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя неполномощного. Сие феодальное и происходящее от различного введения собственности в землях правление, хотя и всем первоначинающимся государствам сродно, но как оное по причинам своих неустройств бывает подвержено великим и натуральным переменам, того ради показания точных всему причин требует пространнейшего исследования юридического и исторического, к совершению которого откроет нам со временем и глубокая древность обстоятельнейшее сведение обо всех оных древних собственности землевладениях российских, коих число по разным послужным,

* При описании состояния народов *пастушеского, хлебопашественного и коммерческого* краткость речи не позволяет столь подробно исследовать, сколько и первоначальное народов состояние. В противном случае сие рассуждение могло бы сделаться безмерно обширным, а особливо если бы к оному присовокуплено было исследование собственности феодальной европейской с уравнением притом и собственности землевладельческой российской, каковая у нас в древние времена была.

местническим и окладным спискам простиралось в России с лишком до пятидесяти родов. Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оныя немало, которыя общеполезность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской...

ПРИМЕЧАНИЯ

«Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» публикуется с сокращениями по кн Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века Т 1 С 187—256

Полушарие

Голиаф — в библейской мифологии великан-филистимлянин, убитый в единоборстве пастухом Давидом, ставшим впоследствии царем

Нестор — в греческой мифологии царь, отличающийся храбростью, неутомимостью и рассудительностью

Улисс — римское название Одиссея

Ахилл — герой «Илиады» Гомера

Смит А. (1723—1790) —английский политэконом и философ

Впервые напечатано в Москве в 1775 г Публикуется по кн Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века Т I С 257—267 (там опущены вступление, заключение и некоторые подстрочные примечания)

Цитата из книги Ю Цезаря «Записки о Галльской войне»

Ссылка на книгу Тацита о древних германцах

[0] *Цекропс* — египтянин, основавший аттическую цивилизацию и Афины

[1] Форма брака через покупку жены

[2] Жертвоприношение хлеба при бракосочетании

[3] *Вено* — выкуп женихом невесты

[4] Впервые напечатано в Москве в 1781 г Публикуется с сокращениями по кн Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века Т 1 С 266—286

Батавы — древние племена, жившие на территории Нидерландов

[1] *Линеон Д.* (1697—1762) —английский мореплаватель

Имеется в виду римлянин Цезарь и грек Македонский, завоевавший многочисленные народы Европы и Азии

Имеется в виду Д Юм

России (Фоссиус) *Г. И.* (1577—1649) —голландский филолог

Робертсон В. (1721 —1793) —английский историк

В.УЛКСТОН (Блэкстон) В (1723—1783) —английский правовед

Земельные угодья, жалованные за должность или службу

ТРЕТЬЯКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

И. А. Третьяков родился в Твери в семье офи цера. Год рождения неизвестен. Исходя и. косвенных данных, принято считать, что о' родился после 1735 г. Обучался в Тверско духовной семинарии, после окончания кот рой в 1761 г. был принят в Московски университет. Отсюда его вместе с С. Е. Дес ницким перевели в Петербург для подготовк к поездке за границу. В Академическом ущ: верситете отъезжающие студенты изучал" философию, физику и красноречие (элоквен цию).

В августе 1761 г. И. А. Третьяков и С. Десницкий выехали в Англию в Глазговск университет. Здесь они изучали главным обр зом философию и юриспруденцию; прослу шали также курсы химии, математики, а известного философа и экономиста А. Смита курс «нравственной философии». В изучени названных предметов Третьяков добился зна чительных успехов, за что в 1764 г. он полу; чил ученую степень магистра искусств. Поел успешной сдачи квалификационных экзамене И. А. Третьякову и С. Е. Десницкому был разрешено представить диссертации для полу: чения ученой степени доктора прав. В феврал.' 1766 г. Третьяков представил такую диссе тацию на тему «О вызове в суд». Однак публично защитить ее не удалось. Поскольк' канцелярия Московского университета потре. бовала срочного возвращения студентов, он обратились в Совет Глазговского универси., тета с просьбой ускорить защиту. Совет по:' становил «обойтись без публичной защиг; ими диссертаций» и присудить степень док; тора прав.

Вернувшись в июне 1767 г. на родин"' И. А. Третьяков был вынужден сдать пров рочный экзамен по юриспруденции и матема тике и прочесть пробную лекцию, после чег

ему было разрешено читать студентам курс римского права. Вместе с профессорами Московского университета С. Е. Десницким, С. Г. Забелиным, Д. С. Аничковым он добился разрешения читать лекции на русском языке.

К теоретическим работам, написанным И. А. Третьяковым, относятся «Слово о римском правлении и о разных оного переменах...» (1769) и «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения как у древних, так и у нынешних народов» (1772). Долгое время считалось, что первой его работой, опубликованной в Москве, было «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768). Однако теперь доказано, что написана она С. Е. Десницким. На экземпляре библиотеки Глазговского университета рукой Десницкого написано: «Это всего лишь говоренное Дж. Т. [т. е. Джоном (Иваном) Третьяковым] Составлено же Вашим нижайшим слугой» (Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете // Вести. МГУ. Сер. История. 1969. №4. С. 84). В своих произведениях И. А. Третьяков как просветитель с позиций теории общественного договора критикует крепостное право, близок к трудовой теории стоимости.

В 1767 г. И. А. Третьяков предложил Совету Московского университета подготовить для выступления сочинение «Удивление, невежество и страх — вот причины всякого суеверия». Но предложение это было отклонено. Есть свидетельства, что он помогал Д. С. Аничкову, написавшему на эту тему диссертацию.

Преследования, которым подвергался профессор в университете, вынудили его в 1773 г. подать прошение в Сенат «об награждении его чином и определением его в статскую службу». Как ответил на это прошение Сенат, неизвестно.

Умер И. А. Третьяков в Москве в 1776 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Третьяков И. А.* Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 353—360.
2. *Третьяков И. А.* Слово о римском правлении и о равных оного переменах; Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII века. С. 278—304.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бак И. С.* Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова // Вопр. истории. 1954. №9. С. 104—113.
2. *Коган Ю. Я.* И. А. Третьяков // Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII века. С. 227—231.

РАССУЖДЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ИЗОБИЛИЯ И МЕДЛИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ КАК У ДРЕВНИХ ТАК И У НЫНЕШНИХ НАРОДОВ [1]

К изобилию и обогащению государств, с [лушатели], принадлежат *дешевизна и довольство,* кои между собою друг от друга ничем не разнствуют. Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах ее дорого покупают; драгоценные камни для того дороги, что их немного. Для показания самого ближайшего пути к достижению сих выгод требуется сперва знать, в чем состоит довольство. При вступлении к сему я должен показать естественные нужды рода человеческого, которые требуют исправления [2] и в чем; общее мнение различествует; а по крайней мере моего; мнения изъясняю причины.

Натура производит для всякого животного все потребное и довольное к пропитанию, без прибежища искусству, которое произведение первородное делает лучшим. Каждого животного, какое бы оно ни было, главнейшие потребности суть: пища, одежда и жилище. Большая часть из тварей животных снабдена всем потребным. Нежность примечаем в одном только человеке: не

предмета, который бы произведен был по его нраву; он находит, что всякая вещь, какая бы она ни была, требует еще доброты превосходнейшей. Хотя привычка диких народов и показывает, что человеческая пища приуготовления не требует, однако человек, познав силу огня, нашел, что оную можно сделать приятнейшую и к варению в желудке способнейшею. Но не только его пища требует прибавления к доброте: сложение его также повреждается от воздуха неблагораствореннаго, которым он беспрестанно питается и который ему по причине времен различных иногда бывает скучен и досаден. Тело человеческое по немощи своей не может сносить свирепости погоды. И в тех самых странах, где климат природной теплоты человеческого сложения горячее, женщины намазываются, дабы тем удобнее могли сносить жаров солнечных зной и мокроту дождевую. Вообще заключить: человеческие нужды не столь обширны, чтобы трудом человеческим удовлетворить им не было возможно. Каждый человек вышеобъявленные потребности сам собою достать может.

Л поелику нежность человеческого тела требует гораздо больших иждивений, нежели какое другое животное, та же самая, или лучше сказать, гораздо превосходнейшая нежность души, взыскивает еще вящих снабдений.

II потому-то все науки и художества ее собственный предмет составляют.

Здесь, с[лушатели], открывается пространнейшее и едва пределами объемлемое поле разных изобретений, произведенных сильным могуществом души человеческой. Ее качествами произведен ученый свет и все то, что ныне под именем слывет наук и художеств.

Спи плоды и произведения души человеческой, умножаясь постепенно, возросли до толикого величества, что наконец единому оных и разумом объять возможности не было. От сего последовало оное многочисленное разделение, какое примечаем в науках ныне и художествах. Польза сего разделения сколько важна для обогащения государств, о том и сомневаться не должно. Ибо по толикому разделению наук и художеств делается разделение и самих трудов человеческих; а разделением сих последних, как всякому небезызвестно, всякая вещь приводится в совершенство и с большою удобностпю. В противном случае, если б такого разделения

не было в трудах человеческих, никакой бы рукомесленник своим трудом не токмо не разбогател, но ниже бы и довольное пропитание себе мог снискать. Так, например, если бы часовой мастер или фабрикант последнейшей вещи, иглы, один собою все принадлежащее до совершенства таких и подобных сему вещей сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сделать в год одни часы, а в день одну иглу, когда, в противном случае, через разделение трудов на разные руки премножество таких вещей в один день совершается и достается дешевле обществу.

Таким образом, показав сии две настоящие государственного обогащения причины, то есть разделение трудов и изобретение художеств, к другим приступаю.

Сколь выгодно, с [лушатели], учреждение банков для коммерции, которая также обогащает всякое государство несказанно и сколь счастливое за собою ведет следствие, цветущее состояние Англии, Голландии и других премногих областей доказывает очевидно.

Многие писатели политические вооружились опровергать сие преполезное учреждение, поставляя, что *подрыв банков вреден и что государственное сокровище состоит во множестве сребра и злата;* однако Англия находит, что их подрыв не столь вреден, как обыкновенно воображали некоторые. Убыток, правда, понести могут, но немногие, ибо количество ходячей монеты в пропорции всего стяжания и богатства, кои народ в домах содержит, весьма маловажно, да и богатству целого государства от того важного ущерба не причиняется, потому что и самая часть сокровища государственного не состоит в злате и сребре; деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют. Итак, ущерб того не столько страшен, как обыкновенно представляют писатели. Есть средство, и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оное состоит в том, чтобы не дозволять пользоваться банками^ одному, но ободрять умножение оных сколько возможно.. Где банков много, там взаимная вселяется ревность,? которая беспрестанно нечаемо и неожидаемо переносит;; аглинские ассигнации и в тот банк и другой, почему; банкосодержатели остерегаются и принуждены предусматривать, как бы по принесении ассигнаций немея-, ленно и безотговорно наличною монетою в том соот-з ветствовать.

Что до другого возражения принадлежит, то есть что *государственное богатство заключается во множестве злата и сребра,* заблуждение оное примечанием можно изъяснить следующим.

Человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет, хотя не всегда в одинаковой пропорции. Старание человеческое всегда и неусыпно стремится и готово свой труд приложить к тому, что есть предметом желаний и прихотей человеческих; и дела столько умножены могут быть, сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда. Хлеба и подобных сему припасов всегда в большем изобилии иметь можно, нежели достать злата, сребра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое. Почти всякую часть земной поверхности можно привесть к тому, чтоб производила хлеб, лен и проч., но злато лежит сокровенно в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и иждивений.

Для сих причин монета никогда не доходит до такого количества, до каких умножаются другие вещи. И, следовательно, деньги становятся дороже или дешевле по рассмотрению, сколько какое государство трудолюбивее.

У народов невежественных деньги ужасно цену имеют высоку. Причиною тому есть то, что у них денег других не находится, кроме тех, кои могут достать грабежом; ибо знания нужного, как их ввесть в свое отечество, они не имеют. От сего-то и происходит, что у них столь и цена высока. Но когда какая земля приходит до некоторой степени знания в науках, цена монеты ниспадает. Тогда-то уже люди начинают проницать в земные иедры, доставать руды и преображать из них некоторые в монету.

Со времен падения Римской империи до обретения Западной Индии [3] монеты цена чрезмерно была высока и беспрестанно возвышалась, потом чувствительно ниспадала.

Мнение о богатстве и государственном изобилии, состоящем в одних деньгах, поелику неосновательное, подало причину в некоторых государствах, а особливо в Англии, ко многим о том прениям. Из многих о некоторых здесь предложу.

Не что другое, как предрассуждение сему причиною,

что вывоз монеты вне государства там запрещен. Такое запрещение чрезмерно вредно той земле, ибо, в каком бы государстве ни находилась какая часть денег сверх обращения, почитать ту должно точно за мертвое сокровище, в земле сокровенное.

Сие-то запрещение главнейшею причиною убожества было в Испании. Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество злата и сребра у них чрезмерно умножилось, ибо сии драгоценные металлы оставались у них без всякого употребления. Между тем иностранные цену своих товаров возвысили и тем самым испанцев принудили покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок.

Бедность страны никогда не произойдет от торгов; с иностранными, только б оные управляемы были с осторожностью и благоразумием. Причины суть тому другие и те же самые, которые всякого приводят в убожество.. Человек, ежели издерживает больше, нежели снискивает: трудом, должен обнищать; равным образом и стране,; когда она больше издерживает, нежели производит трудами внутри, а купечеством извне, нищета следует неизбежно.

Причины, кои препятствовали обществам достигнуть до такого цветущего состояния, в каком находятся нынешние государства, были или натуральные препятствия,; или различные обстоятельства политические.

В первоначальном гражданстве разделение трудов" не могло быть известным. Чрез долгое время люди, упражняясь в работе разных дел, едва могли доставит себе пропитание. Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей. Недостаточный рукомесленник без сего средства не может и приступить к заведению фабрик и мануфактур, ибо прежде, нежели человек сделается земледельцем, необходимость требует запастись ему по крайней мере на го." съестными припасами, потому что он не прежде пожинает плоды своего труда, как по окончании лета. Вследствие сего во всяком непросвещенном обществе не может никто оставить обыкновенного ремесла, которым занят и которое подает ежедневное пропитание, доколе он не снабдит себя потребностьми так, чтобы оставалось впредь на содержание себя и для начатия нового р

месла. Притом всякому небезызвестно, сколь трудно и в совершеннейшем состоянии народов снискать себе умеренный достаток. И ежели сие с толиким затруднением соединено в возвышенном состоянии рода человеческого, то несравненно с большим трудом и самая дневная пища снискиваема была при начинающемся обществе народов, которые, не имея заготовленного впредь, едва только в состоянии были плодами своих трудов из году в год пропитание иметь.

По сей причине и неудивительно, что такие народы везде долго закосневали в скудном состоянии. В нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно большими пользуется выгодами, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабден и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и с большею удобностию отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек.

Другая тому поставляемая причина зависела от обстоятельств гражданских. Во всяком первоначальном гражданстве правительство примечается весьма слабым и не имеющим довольной власти к восстановлению благоучреждений в обществе, и потому оно не могло покровительствовать, ниже ободрять, а менее еще защищать оное от наглости и похищений соседних народов, ибо такие благоучреждения в правительстве производятся сильным могуществом и множеством веков совершаются.

В таких обстоятельствах между прочими многоразличными художниками и земледельцы, не имея от правительства надлежащего защищения и ободрения, делаются нерадивыми и неспособными к произведению обильных плодов своими трудами. От сего також обстоятельства часто рождается повсеместная в народе унылость духа и великое отвращение от трудолюбия: праздность на место ревностных подвигов больше в народе вселяется, от которой рождается большее число тунеядцев, толь вредных обществу и не токмо не служащих подпорою государства, но более еще отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящихся немногих.

Но когда правительство и возымело довольную власть и силу к утверждению своего величества и к восстановлению благоучреждений внутренних, однако еще не в состоянии было защитить свои пределы от внешних

нападений окрестных народов, которые в варварские веки своим завоеванием ужасные везде причиняли разорения. Нынешнее в европейских державах наблюдаемое равновесие, balance de pouvoir, тогдашним народам совсем не было известно; и потому победители, восстав наподобие ветренной бури и овладев побежденными, земли их опустошали и самих их вконец разоряли. Доказательством сего суть арапы и другие премногие варварские народы, которые многочисленными ордами, не будучи другими державами от толикой наглости и свирепства воспящаемы [4], другие земли вконец истребили. Кратко сказать: в тогдашние времена и при таких правления обстоятельствах едина война не меньше зла причиняла, как и оные два главные наказания божие, то есть глад и мор.

Нередко також бывает препятственным обогащению государств и народный вкус, происходящий от особливых обстоятельств. Как, например, у римлян художества и другие упражнения, необходимо нужные к благоденствию отечества, оставлены были единственно для того, чтоб их стремление было больше к военному упражнению. Ибо в таких обстоятельствах, что большая часть народа за лестное и величественное признает, к тому и все свои желания обращают, оставя другие премногие, не меньше ж полезные для отечества упражнения, яко подлые и их внимания недостойные.

По сей причине у римского народа земледелие оставлено было в великом небрежении. Клавдий и Калигула воинам своим отдавали земли за ничто, на тот конец, чтобы те оные обрабатывали. А как солдат, по своему воспитанию, к такому делу совсем не сроден, того ради чувствительных успехов в его земледелии не оказалось.

Сии суть причины, препятствующие скорому обогащению государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] После произнесения напечатано в том же 1772 г. отдельным изданием. Печатается с некоторыми сокращениями по кн.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII века. С. 298—304.

[2] В данном случае удовлетворения.

[3] До открытия Америки.

[4] *Воспящать* — препятствовать.

БАРСОВ
АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ

А. А. Барсов родился в 1730 г. в Москве в семье управляющего Московской синодальной типографией. Обучался в Славяно-греколатинской академии, откуда был переведен в 1748 г. для дальнейшего обучения в Петербургский академический университет. В университете А. А. Барсов показал отличные успехи в математике, философии, посещал «стихотворческие лекции» М. В. Ломоносова.

В 1753 г. Барсов получил ученое звание магистра философии и свободных наук, а в 1755 г. в числе трех лучших учеников М. В. Ломоносова был направлен в Московский университет. В первые годы он преподавал в нем математику, а с 1761 г. был определен ординарным профессором на кафедру красноречия.

Свои взгляды ученого-просветителя А. А. Барсов изложил в «Речи о пользе учреждения Московского университета, при открытии оного в 1755 г.». Всю свою жизнь он посвятил Московскому университету: был смотрителем обеих его гимназий, цензором издававшихся в университете книг, первым редактором «Московских новостей», бессменным секретарем созданного в 177! г. при Московском университете Вольного российского собрания, а с 1774 по 1783 г. — редактором его трудов. В 1783 г. А. А. Барсов был избран членом Российской Академии.

Главный труд ученого — «Обстоятельная российская грамматика» — не был напечатан. Он является автором «Кратких правил российской грамматики», выдержавшей десять изданий в XVIII в., «Азбуки церковной и гражданской с краткими примечаниями о правописании» (1768), отличавшейся рядом смелых нововведений. Его перу принадлежит «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1770), а также ряд торжественных речей, девять из

которых он издал в 1788 г. Наиболее интересной является просветительская речь «О цели учения» (1760), не вошедшая в сборник.

А. А. Барсов является также известным переводчиком. Десять раз издавалась переведенная им латинская грамматика Целлария для гимназий. Перевел он также раздел о метафизике из «Энциклопедии» Дидро для русского ее издания (1770). В бумагах ученого после его смерти были обнаружены не дошедшие до нас «Записки».

Скончался А. А. Барсов в 1791 г. в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Барсов А. А.* Собрание речей, говоренных в имп. Московском университете при разных торжественных случаях красноречия публичным и ординарным профессором и проч. Антоном Барсовым. М.: Б. и., 1788. [14], 193 с.
2. *Барсов А. А.* Речь магистра Антона Барсова, говоренная при Московском университете сентября 6 дня 1760 г. // Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб.: Б. и., 1878. Вып. 4. С. 497—509.
3. *Барсов А. А.* Речь о пользе учреждения императорского Московского университета при открытии оного 1755 года апреля- 26 дня // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 105—107.
4. *Барсов А. А.* Из речи «О пользе учреждения ... Московского университета»; «Из российской грамматики» // Антология педагогической мысли России XVI11 в. С. 114—117.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулябко Е. С.* Барсов Антон Алексеевич // Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977. С. 40—47.

РЕЧЬ О ПОЛЬЗЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ОТКРЫТИИ ОНОГО *1755 года* апреля *26 дня* '

Учение — все, говорю я, потому что самое слово университет, то точно как вещию в себе заключает, так и именем. Ибо оный не иное что есть, как место, опреде-

ленное и посвященное наукам и учению; так что назвавши университет его именем, в мысли и понятии представлять должно все собрание потребных в жизни человеческой наук, весь круг просвещающего разум учения. Не довольно ль краткого сего изъяснения к уверению всякого о пользе учреждения сего университета, ежели бы только мог кто о том сомневаться? Ибо не видно ль, что оная столько ж далеко простирается, сколько польза самых наук и самого учения? Разве кто и о сем сомневаться мог бы? Но я толь преобидного роду человеческому и самому человечеству рассуждения ни в ком найти не уповаю; наипаче удостоверен, что всякий имеет естеством всеянное и вложенное доброе мнение о науках и почтение к учению и что всякий приносимую оным всему человеческому обществу пользу, без сомнения, признавает; что видеть можно и в тех, кои, не имея сами в науках участия, в других превозносят оные похвалами и удивлением своим показывают, коль они блаженными почитают тех, коих разум освещен учением.

Но вопрошается: какая бы точно была толь знатная и великая польза, изливаемая на нас от наук, для которой любовь и почтение к учению как бы рождены с нами и возращены быть кажутся? Чтоб сей вопрос пристойным удовольствовать ответствием, то надлежит рассмотреть, на какой мы конец всемогущим и всеблагим творцем нашим созданы и в свет сей произведены; о чем столько мы и естеством научены и особливо неложным божиим словом удостоверены, что едва кто найдется, кто б не исповедал, что мы, с одной стороны, по всемощной власти творца нашего созданы так, как и весь сей свет и все прочие твари, к славе и прославлению его самого; а с другой, по неизреченной оного ж создателя благости, к собственному нашему благополучию, для которого мы из разумной и благую волю имеющей души и хитросложенного тела составлены и для которого нам толь многие даны и сообщены душевные и телесные силы и дарования, свойства и склонности. И сия то есть причина оного безмерного и бессмертного нашего желания и старания о благополучии, которым все наши мысли объяты и все действия заняты, которого мы непрестанно ищем, но редко оное находим: так что родившись к крайнему благополучию, нередко почитаем себя осужденными ко всегдашнему злополучию. Что ж так? и для чего? Не ты ли говорил, что естество наше от бесконечной

всевышнего благости одарено душою разумною и имеющею волю к добру преклонную? Но было, было в то время, что разум наш доволен был к совершенному познанию нашего благополучия и воля послушна была без упорства разуму и самое благополучие в руках наших находилось! Ныне же, оным преступлением праотца нашего, оным оскорблением божиего благоутробия, оным громким падением высоты естества нашего лишены мы толиких преимуществ и едва не обнажены конечно. Ибо разумная души нашея сила коль ныне немощна и воля коль развращена, кто не чувствует? Уже мы не знаем ни самого благополучия нашего, в чем оное состоит, ни пути, который к оному нас довести может, ни средств, чрез которые оное достигается: обманываемся в представлении истинного добра, обманываемся в избрании принадлежащих к получению оного способов и во всем к оному шествии своем заблуждаем и запинаемся. Коль неописанная бедность сия наша, кто не ощущает с жалостию? и кто не признает, не говорю уже полезною, но нужною, необходимою и спасительною той вещи, которая бы в состоянии была, если несовершенно, что в сей жизни невозможно, то хотя отчасти, наградить сей урон и возвратить нам естество наше, возвратить нас естеству нашему? А сие неоцененное сокровище где можем мы инде обрести, как токмо в науках, которые к тому единственно все склоняются, чтоб, сколько при сей слабости и растлении естества нашего возможно, учинить нас совершенными и благополучными?

Но как учение столько многочастно и науки столько многоразличны, сколько естество вещей, им подлежащих, многообразно: то видите, высокопочтеннейшие слушатели, коль продолжительная и с краткостию времени несходна, и терпеливости вашей утрудительна речь моя учинилась бы, ежели бы я предпринял каждой науке порознь исчитать пользы. Чего ради позволено мне будет об одной только философии, и то в краткости, упомянуть: тем наипаче, что то ж разуметься может и о прочих науках, которые все к философии некоторым образом принадлежать могут, поелику она имеет власть рассуждать о всех без изъятия вещах по их причинам, то есть поелику она рассматривает союз и соединение причин с действиями. И, во-первых, на какой она конец и в сем самом трудится? Без сомнения, для того, чтоб узнать, что может причиною быть нашего благополучия

,i отчего оное как действие последовать может? Притом философия приобучает разум к твердому познанию истины, чтоб оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается; испытует неиспытанное естество божие, рассматривает силы и свойства наших душ и из того определяет наши должности в рассуждении творца нашего, в рассуждении населяющих с нами землю человеков, в рассуждении высших, низших, равных, своих, чужих, кровных, знаемых, приятелей и неприятелей. Сие же для того, что исполнение оных должностей приносит нам благополучие: так как исследованием телесных свойств равномерно способствует она к нашему благополучию. Ибо и самые окружающие нас тела и силы их служат нашему телу как к сохранению здравия в целости и к возвращению оного в целость, так и к другим потребам и удовольствиям...

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Впервые напечатано в сборнике «Опыт трудов вольного российского собрания при императорском Московском университете» (Ч. 1. М.: Б. и., 1774). Публикуется с сокращениями по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 105—107.

АНИЧКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился Дмитрий Сергеевич Аничков в 1733 г. в семье монастырского подъячего. По окончании Троицко-Сергиевской семинарии он в 1755 г. среди шести лучших учеников был послан для дальнейшего обучения в Московский университет, где был учеником, а позже соратником первых профессоров философии Н. Н. Поповского и А. А. Барсова.

Блестящие успехи Д. С. Аничкова в учебе, особенно в области математики и философии ежегодно поощрялись золотыми медалями. Еще студентом он опубликовал в университетском журнале «Полезное увеселение» философскую работу «О бессмертии души» и сатиру «Сон».

После окончания университета в 1761 г. он был оставлен преподавателем математики в университетской гимназии. Интерес представляет уже его первая публичная речь «О мудром изречении греческого философа: рассматривай всякое дело с рассуждением» (1762), которую Д. С. Аничков произнес при получении звания магистра.

С 1765 г. он преподавал философию (логику и метафизику). В 1769 г. Д. С. Аничков представил к защите диссертацию на звание профессора — «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания». В ней он ставит вопрос о генезисе религии; причинами ее происхождения он считает страх перед силами природы, игру воображения и обман людей жрецами. Группа реакционных профессоров выступила на конференции Московского университета с осуждением материалистических положений диссертации Д. С. Аничкова. Диссертант был вынужден удалить из нее «положения, выведенные из всего при сем предложенного рассуждения», подводящие итог исследования. Под новым названием диссертация была опубликована в том же году. Но и в исправленном виде она подверглась гонениям со стороны церкви. Синод по доносу архиепископа Амвросия начал дело по обвинению Д. С. Аничкова в атеизме. Оно тянулось вплоть до 1787 г. По свидетельству профессора Московского университета И.М. Снегирева, диссертация была публично сожжена на Лобном месте в Москве. Эти данные, правда, архивными документами не подтверждаются.

Звание «публичного логики, метафизики и чистой математики» экстраординарного профессора Д. С. Аничков получил в 1771 г., ординарного — в 1777 г. Литературное наследство просветителя составляют учебники по математике и философии (имеются в виду не переведенные с латинского «Комментарии к логике, метафизике и космологии», изданные Н. И. Новиковым в. 1782 г.), а также различ-

ные «Слова» и «Рассуждения» на философские темы, произнесенные на торжественных актах Московского университета. В них с позиций материалистического сенсуализма рассматривались вопросы гносеологии, хотя в целом Аничков и оставался на деистических позициях.

В последнее десятилетие он написал несколько рассуждений в ортодоксально-религиозном духе, в том числе «О невещественности души человеческой и из оного происходящего ее бессмертия» (1777), «О разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783) и другие.

Умер Д. С. Аничков 1 мая 1788 г. в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Аничков Д. С.* Слово... о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости божией, и что в нем ничего не бывает по случаю. М.: Б. и., 1767. 18 с.
2. *Аничков Д. С.* Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии. М.: Б. п., 1777. 32 с.
3. *Аничков Д. С.* Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства. М.: Б. и., 1779. 17 с.
4. *Аничков Д. С.* Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания; Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений; Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющее в продолжении познания человеческого; Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 111 — 184.
5. *Аничков Д. С.* Из речи «Слово о понятиях человеческих»; Из теоретической и практической арифметики; Начальные основания алгебры (главы из книги) // Антология педагогической мысли России XVIII века. С. 117—130.

ЛИТЕРАТУРА

Шахнович М. И. Д. С. Аничков — первый русский историк религии // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук. 1948. Вып. 2. № 109. С. 163-176.

Гагарин В. П. Первая философская диссертация, защищавшаяся в Московском университете (Д. С. Аничков — последователь Ломоносова) // Вести. МГУ. Сер. обществ. наук. 1952. Вып. 3. С. 151—163. На с. 154—173 опубликована диссертация Д. С. Аничкова

«Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания».
3. *Попова И.* Я. Забытый труд Д. С. Аничкова по философии и логике («Заметки на логику и метафизику») // Вестн. МГУ. Сер. экономики, философии и права. 1957. №4. С. 99—110.
4. *Коган Ю. Я.* Д. С. Аничков и его атеистическая диссертация // Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVI11 в. С. 246—289.
5. *Пенчко Н.* Первый в России научный труд по истории религии и его загадочная судьба // Паука и жизнь. 1964. №11. С. 89—94.

РАССУЖДЕНИЕ ИЗ НАТУРАЛЬНОЙ БОГОСЛОВИИ О НАЧАЛЕ И ПРОИСШЕСТВИИ НАТУРАЛЬНОГО БОГОПОЧИТАНИЯ '

[...] Моя должность состоит в том, чтобы показать причины, какие были побуждением у народов к богопочитанию и боготворению, с некоторым примечанием о многобожии и о разном преуспевании народов в разном исповедании веры.

Итак, во-первых, надлежит нам утвердить свои мыс-j ли в том, что нет почти ни одного из знатных действий-человеческих такого, которое бы не имело своей побуди-, тельной причины, и нет притом ни одного средства, **по** которому бы можно было отличать единственные дей-. ствий человеческих причины от содействующих сово-; купно с единственными. В физических и неодушевлен-) ных телах причины скорее познаются и удобнее различаются одни от других; напротив того, причины душев-f ных действий иногда случаются столько содействую-.:' щими в одной, что ни под каким видом не можно бывав' узнать, которой из них должно приписывать больше дей4 ствия; а иные из сих нередко бывают и такого непости жимого свойства, что в тот же час, как начинаем **при'** мечать оные, перестаем и чувствовать действие их. В **до** казательство сего возьми всяк, например, человека вое' паленного гневом, который, сколько бы ни старался за подлинно узнать, от чего точно в нем дух приходит такое треволнение, когда во гневе не может ни **видет** самого себя, ни чувствовать разгневанным, но **токм** испытующим гнев, потому что в нем и дух, как **скор** прекратится гнев, совсем другим чувством объят быва-

и намереваемый им опыт, наконец, бесплодным остается. С другой стороны, если возьмем в рассуждение любовь и пристрастие как содействующие причины в одном человеке, то и в таком случае не можем мы сказать, которая из сих больше навождает человека, и утверждать, что один человек любит другого потому, что он пристрастен к нему, будет точно обоюдное об нем утверждение. Равным образом, если возьмем пример из политических причин, то и в таком случае не можем точно определить, от роскоши ли больше, или от безмерной обширности во владении римляне пришли в упадок, ибо как та, так и другая из сих причин действовали совокупно, когда правление римское преклонялось к падению и разорению. Почему и я заблаговременно должен уведомить, что и натурального богопочитания причины, какие намерен я здесь показать, суть такого же свойства, то есть содействующие, а не единственные, и главнейшими из оных могут почтены быть *страх, привидение и удивление.*

i

СТРАХ

Чтоб доказать происшествие богопочитания и боготворения от страха, привидения и удивления, то надобно, во-первых, знать, каким образом натурально человек доходит до понятия о высшем существе? И для такого намерения следует принять в рассуждение оные первоначальных и варварских народов состояния, в которых непросвещенным людям чиноположения почти не известны были, а как скоро являться начали, то больше примечаемы и увеличиваемы быть стали простым народом. Опыт, притом и долговременная жизнь в такие времена и у таких народов обыкновенно бывают одними источниками всякого знания и премудрости: того ради положим, например, что в одном из таких первоначальных семействе, или обществе, окажется сперва человек приметным и отменным в знании по причине долговременного его жития и обращения в свете, то такого человека знание молодым и необращавшимся в свете натурально покажется ужасным и необыкновенным, так что они от такого новоявленного в человеке превосходного знания будут приходить в изумление и недоумение и по той причине будут отдавать одному такому человеку всякую честь и

поклонение со всяким раболепством и трепетом. Но положим, например, что вскоре за таким мудрецом в семействе, или обществе, появится еще какой герой и что сей последний в состоянии поднять камень, которого трое или четверо и с места тронуть не могут, и что он один победил неприятеля, которому многие противостоять не могли. Сии два прежде невиданные примеры всеконечно подадут невежественным народам ужасное понятие о силе и премудрости, несравняемой с смертных силами и премудростию. После сих двух, то есть силы и премудрости, примеров, ежели и еще покажется непросвещенным какое третие действие, которое ниже силою, ниже премудростию, но некоторым неизвестным им манием соделано, то они, имея уже понятие о сильном и премудром существе, без сомнения, могут заключить, что еще есть и третие, превосходнейшее, нежели два первые, существо. Таким образом, показав степенно восходящее первоначальных народов понятие о высшем существе, нам не трудно будет доказать, сколь натурально невежественные народы от страха, привидения и от удивления делают себе премножество разных богов из всякого непостижимого явления, сбывающегося в натуре. Ибо известно уже из истории варварских народов и доволь-ными примерами засвидетельствовано, что дикие народы в знании вещей почти немногим превосходят животных, от которых они, живучи в натуральном состоянии, исами еще научаются многому. Известно ж притом и сие, сколько в превыспренных и преисподних натуры преде-лах случается чудовищ, страшилищ и смертноносных явлений, каких и ныне простой народ, не понимая, как от неприязненных, крестообразно защищается: следовательно, человек, которого натура от рождения несмысленным и страдательным в такие бедственные ввергает обстоятельства, не может не подверженным быть вели-кому заблуждению и не может на ужасное, необыкновенное и непостижимое, в натуре собывающееся, инак взирать, как только со трепетом и восхищением всег дашним. Порывчивое в нем воображение, как необуз данный конь, стремится с преткновением на все и влечет без разума повсюду рассыпанные его мысли в чернуИ тень страшных дум: спаситель—разум сих — не може успевать за оными, но оставляет все мыслей смертног строение на зыблющемся непрестанно основании, почему оставленное без такого надзирателя и восхищенное страт

хом воображение предоставляет непросвещенному и слабому человеку всякую вещь в страшном виде, отчего он наподобие зверя дичится, ужасается и трепещет и думает, что во всяком встречающемся с его чувствами предмете присутствует некоторое невидимое существо, вооружающее всю тварь и всякую вещь против него. Шумящий от ветра в ночи куст и трясущееся листвием дерево представляется ему некоторым неприязненным духом; сверкнувшая и упадшая с высоты на землю молния кажется ему оным небесным путем, по которому некоторый всесильный Юпитер с своим ужасным воинством скорее мыслей человеческих летает; отзывающийся в недрах земных треск и исходящий из тучных гор пламень приводят ему на мысль негодование преисподних богов; восходящие из глубины морской с сверкающими чешуями чудовища наводят на него новый ужас и в изумлении представляются ему новым и в бездне обитающим божеством. Кратко сказать: от страха у непросвещенных народов произошли богами Юпитер, Сатурн, Марс, Нептун, сатиры и премножество других небесных и преисподних богов. И что подлинно страх и воображение были первые источники толикого многобожия, тому неоспоримым доказательством суть оставшиеся и доныне находящиеся языческих богов изваяния и изображения, из которых многие точно начертаемы и вырезываемы были предзнаменовательно изображающимися действия, к единственному их благоволению принадлежащие, какими и ныне пишутся Церес, Диана, Минерва, Венера, Купидон, Бахус и подобные сим. Однако почему у них сатиры, то есть лешие, изображались в половину человеком и в половину скотом, и кто подал понятие смертному о черном демоне в такой ужасной и скаредной ипостаси с багровым носом, с рогами и с хвостом? Сии и подобные сим мнимые существа суть дело воображения, произведенного внезапным и великим страхом, который во многих, а особливо в слабых, примечается столь сильно действующим и насилующим самую природу, что иногда действительно переменяет и самое зрение натуральное в человеке. Внезапно воскипевшее от страха в артериях кровообращение и сильное притом случившееся биение сердца, соединенное с ужасным трепетанием всего тела, довольно в состоянии воспричинствовать в оптических нервах такую перемену, от которой и глаза человеческие не могут представлять являе-

мых во время страха вещей, в собственном и натуральном их виде. Разум в таком случае уступает сам воображению и, будучи сим преодолен, признает за существо, какого, кроме как токмо в мыслях человеческих, нигде в натуре не обретается. В таких обстоятельствах находясь, человек, то есть будучи обладаемый во время страха воображением, и окружаемый отсюда различными явлениями, удобно может наконец уверен быть, что и на всяком месте, где только такие странные натуры действия случаются, присутствует некоторое невидимое и вышнее существо, которого силою вся совершаются и которому он как высшему смертных принужден молиться и почитать оное боголепно, дабы в противном случае оное ему не вредило и, призываемое в молитве, благодетельствовало. Итак, от страха, во-первых, произошло многобожие, и страх первых в свете *; произвел богов.

II

ПРИВИДЕНИЕ

Но только ли что страхом и одним воображением многобожие языческое совершается? Никак. Ибо за одним качеством души следует другое, и воображение, однажды вперив в голову особливо что-либо странное и необыкновенное, навсегда предает оное памяти, которая при встречающихся подобных прежде бывшим случаях и местах возобновляет все то, что тревожило человека прежде за несколько лет. Отчего и страх, однажды вперенный в ум, напоследок бывает налогом природе человеческой. Истинно удивления достойно, что те самые качества, которыми смертный превышает прочих животных и уподобляется вышнему, служат иногда столько же к пагубе, сколько и к совершенству человеческого существа. Одни мысли рождают в нас другие, а как первые, так и последние, питая наши души, прекращают у нас жизнь. Герой-ских мыслей сила, стоик отваживался в глубокой древности доказать себя непоколебимым против всех неприязненных нашему существу помышлений; однако всуе все такое было его сопротивление против природы, и может статься, что до такого величества души никто еще смертных не достиг и не достигнет никогда. Мы чувствуем ежечасно, сколь трудно нам бороться со страстьми сколь неудобно сопротивляться порывчивому вообра-

жению и сколь не в силах мы выгнать из памяти, что иногда и по пустому воображению в нее вселяется. И, напротив того, у нас есть больше охоты и склонности к воспоминанию того, что больше нам странным и неприязненным однажды показалось. Когда ж сие действительно и ежечасно с нами случается, а притом и в такие веки, в которые столько уже средств против худых воображений и против несправедливых рассуждений изыскано, то какому неспокоиству души и какому заблуждению в мыслях должны подвержены быть народы, которые для своей скудости ума едва ли еще в состоянии и два отличить от трех. В таком недостатке разума человек действительно принимает за истинное существо, что только есть мечта и одно привидение. И сие приняв, во-первых, в мысли своей за истинное, после старается хотя простыми, но токмо усердными изобразить начертаниями и предать оные потомкам от рода в род, и на множество веков так, что напоследок ни строгость философии, ни твердость разума, и ниже самое премудрое правление сего богонеистовства прекратить не может. Ибо невежды и непросвещенные действительно услаждаются такими заблуждениями и, придумывая привидения на привидение, умножают и увеличивают многобожие и свое богонеистовство. Ныне всяк довольно уверен, что Юпитера и подобных сему никто руками в самом деле никогда не осязал; однако та же мечта и привидение, которые вскоре, по представлении его в мыслях, и невидимым человеку делают, побудили смертного употребить руки и разум к изваянию и начертанию оного с находящимся в руке его множеством молний и с другими ему приписанными принадлежностьми. В православном исповедании нигде не сказано, какой точно и где находится для праведных рай, а для грешных ад; о первом и сам апостол утверждает, что оный есть такое жилище, какого еще око смертных не видало, ухо не слыхало и которое на сердце человеку еще никогда не всходило. О втором же Златоуст, когда его спрашивали, говорил, что и ведать не нужно, где и каков есть точно ад, а советовал только всячески стараться, чтоб не попасться никому в оный. Однако многие суть [и] в христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они, особливо в недугах, Действительно видели рай и ад и что первый представлялся им прекраснейшим садом, преисполненным веселия, [а] другой преужасным котлом, клокочущим несгораемою

некоею жирною матернею, и что они при всем таком'; привидении, будучи с душою и телом на сем жилище, видели бога, которого они и в гадании не познают, лицем к лицу, и дьяволов также. Равным образом и из древних никто действительно, разве только одними мыслями, не снисходил в преисподние тартара жилища и не бывал на Елисейских полях, однако предания сих учат, что и в их; тартаре есть печаль и теснота, а в раю веселые и пространные уготованы места. И хотя многие мифологи толкуют! все языческое многобожие другим образом, однако с боль-1 шею вероятностию можно утверждать, что оное все про-* исходило просто от мечты, привидения и от великого суе-j верных углубления и закоснения в таких мыслях. Из сего всякому нетрудно догадаться, коликому бы неблаго-* получию род человеческий подвержен был, ежели бы, по прошествии болезни, вскоре забвению предаваемы не были оные невещественные и ужасные привидения, оі которых одержимые сильными горячками столько мучатся. Отсюда также можно видеть, сколь нечеловечески поступают те, которые малолетним отрокам дозволяют читать и сами рассказывают о демонах, о леших и о про< чих страшилищах. Ибо от таких нечувствительно вкра; дывающихся в младенческие мысли идей нежное отроч© ство страждет безмерно. От сих також старые напрасш мучатся и, одержимые болезнью, сугубо претерпеваю'* Словом: от невещественных привидений больше суеверия многобожия и зла рождается в свете, нежели от какиз других причин. і

III !

УДИВЛЕНИЕ

Что варварские и непросвещенные народы иногда и *Q* удивления к необыкновенным качествам человечески боготворят подобных себе смертных, о том почти и сомн< ваться не можно. И сие самое хотя я уже несколько и из! яснил двумя примерами премудрого и сильного существ) однако надобно еще пространнее доказать, в каких оі стоятельствах и в рассуждении каких наипаче качес1 человеческих и вещей непросвещенные восхищают* удивлением и по причине оного богонеистовствуют. ОН стоятельства народные кроме других примет могут бы1 нам известными наипаче по натуральному и приобретем ному состоянию. Ибо в натуральном состоянии, то ес|

когда народы скитаются в лесах, степях и по горам рассыпанные без утвержденного жилища, во-первых, телесные качества, примеченные в человеке, боголепно почитаются превосходными, потому что у таких народов силою и огромным тела движением все почти совершается, а не остротою разума и прозорливостию, и такие качества служат им премного при всяких встречающихся случаях, как, например, на войне, на ловле и во всяких важных предприятиях. Следовательно тот, который превосходил всех сверстников в силах и оными совершал великие чудодействия, натурально привлекал на себя взор всех зрителей. Непросвещенные зрители в таких обстоятельствах, то есть от безмерного толикому героя могуществу и силе удивления в изумление приходят и его одного поставляют выше жребия смертных, будучи в таком мнении, что он не собою, но некоторым невидимо присутствующим в нем существом такие необыкновенные и невозможные дела совершает. Так, например, положим, что одному из варваров удалось свирепого тигра и неприступного льва страшные челюсти растерзать, или одною рукою поколебать какое огромное здание со множеством находящегося в нем народа, то сии его дела будут доказывать, что он Геркулес, Самсон и Атлас. Или положим еще, что и другому удалось одним ударом низвергнуть и обезглавить ужасно вооруженного какого-либо Исполина и Голиафа, то пред таким вскоре и самые колена Израилевы все затрепещут и ему одному в гимнах жертву воссылать станут. И так от удивления произошло новое земнородное божество, которому глубокая древность воздвигла алтари и храмы, и сих, гремящих по вселенной славою, смертных сынов имена в неприступном сиянии написаны были на блестящих златых скрыжалях, им же и изваяния соделаны из неветшаемого металла и твердого мрамора. Потомки, с восхищением взирая на такое рукотворенное существо, напоследок причли их в лик небесных и веки оных назвали геройскими.

Но как искусство по природе есть второй источник совершенств человеческих и натуральное притом состояние народов по своему течению переменяется в лучшее и возвышается в совершеннейшее, того ради и качества человеческие, оказываемые в возвышающемся смертных состоянии, натурально кажутся еще удивительнейшими несравненно первых. Ибо как скоро народы начинают приходить в познание вещей и самих себя, то они опытом

же узнают и то, что хитростию, проворством и подобными сим душевными качествами несравненно счастливее и большие совершаются дела, нежели одним гигантским сложением тела, почему премудрый законодатель и утвердитель общества в возвышающемся состоянии натурально удивительнейшим кажется, нежели Геркулес и подобные тому богатыри. Ибо в сем случае несравненно большие дела и с большею удобностию производятся. Следовательно, если кто, происшедши от неизвестной породы, сделается напоследок вождем народным и повлечет за собою тьмы разных народов, разного состояния и разных нравов, такое удачливое дарование души не только самовидца, но и слышащего натурально приводит в изумление и заставляет думать, что такой человек имеет или непосредственное сообщение с некоторым невидимым существом, или в его ипостаси сам всесильный бог толикие и такие совершает дела. А что такие предприимчивые люди могли случаться особливо в первенствующие веки, о том и сомневаться не должно. Ибо нельзя статься, чтобы все смертные и в какие-нибудь времена были одинакого сложения, одинакого дарования или проворства и хитрости: сверх сего, и то надобно знать, что такому произведению великих и представляющихся богу подобными людей не меньше в тогдашние времена споспешествовала оная непросвещенных народов легковерность, по причине которой они аки бы с природы весьма склонны приписывать человеку, превосшедшему в одном, и все качества, какие одному токно богу приличествуют. В таких обстоятельствах жрецы, которые, кроме как только чтоб предстоять алтарю, ни к чему больше не способны, в необыкновенной испещренные одежде невеждам казались имеющими непосредственное сообщение с оным существом, к которому и весь прибегает народ. И сей, по несправедливости своих рассуждений, одним аналогическим образом и то еще заключает часто, что жрецам, как ближайшим всегда к богу предстателям, натурально следует поручить и все правление. Сходно с таким заключением мы видим из истории варварских веков, что такие жрецы были купно и правителями целого народа, какими примечаются у древних британцев друиды, а у турок Магомет, который и один есть довольным доказательством сея истины. От сего також ослепленного удивления народного, не упоминая других причин политических, и папа римский сделался наместником божиим

и по подобному о себе простого народа разумению принял меч духовный и гражданский.

Впрочем, свободно можно утверждать, что невежественные народы не токмо подобных себе смертных, но равномерно и самые неодушевленные вещи по причине необыкновенных их действий боголепно почитали. И таких вещей, о которых и ныне невежды от удивления богонеистовствуют, находится в натуре неисчерпаемое море, почему, оставляя многих исчесление и описание, можно только то вообще здесь доказывать, что непросвещенные удивляются вещам и оные от удивления боготворят единственно по незнанию точных причин, производящих странные в вещах действия. Ибо у простолюдинов и ныне самое высочайшее о непонятных им вещах винословие не далее простирается, как токмо до того, что *бог ведает* о том, чего они не понимают. Здесь все их пространство рассуждений кончится, и за сей предел более они винословствовать не могут. И ежели кто поумнее станет доказывать простому человеку, каким образом точно происходит что в натуре, на такого знатока он еще и вознегодует и будет желать, чтобы тот, кто инако толкует ему что-либо непонятное и необыкновенное, внезапно наказан был тем же самым действием вещи, которое он от удивления и от ослепления за божественное почитает. Следовательно, если для обмана простых людей и для скверной прибыли выдумлет жрец какое-либо изваяние или образ, плачущий водою сквозь потаенные скважины, или оракул, глаголющий необыкновенным механическим голосом, то к такому месту тотчас толпами пойдут идолопоклонники молиться и удивляться как новоявленным чудесам. Равным образом если электрическая сила, стремясь из земли в выспрь, выходить станет и, одерживаемая металлом на гранадерской голове, осветит шишак оного, то римский солдат, увидев сие, без сомнения, заключит, что ему явился Кастор либо Поллюкс. И ежели еще та же электрическая сила, выходя из земли чрез куст и озаряя оный, не повредит, то и в таком случае подле стоящий простодушный пастушок, конечно, подумает, что ему явился бог в неприступном сиянии, причем ежели скотина его покажется здоровою и веселящеюся, то он не преминет и сие приписать оному ж явлению, равномерно как и солдат свою победу — мнимому Кастору или Поллюксу[2]. Премного о таких и подобных сим явлениях баснословит римский историк Ливии. Подобное ж примечается

богонеистовство, происходящее от удивления и у нынешних невежественных варваров, как то из Ансонова путешествия[3] известно, что когда его военный корабль приплыл к народам, никогда не видавшим такой величины судна, то зрители, приметя оное, движимое некоторою невидимою силою, по выстрелу из одной пушки все пали на колена и оному поклонились. Подобным образом и камчадалы думали, что русские солдаты были сыны Громовы и никаким их оружием непрепобеждаемые, когда в первый раз увидели от них залп и беглый огонь из ружейного выстрела. Кратко сказать, для невежд всякая необыкновенная вещь кажется божественною. Из всего, что я ни говорил здесь, кажется, довольно явствует, что причинами суеверия, многобожия и богонеистовства были главными страх, привидение и удивление. А как сии причины действовали и имели свой успех, то есть совокупно ли все или порознь каждая, того я доказывать на себя не принимаю, довольно с моего знания прибавить к сим еще одну, как содействующую причину, какою я поставляю оную природную особливо простым народам склонность ко лжи, по которой они столь ревностно всегда увеличивать готовы всякую вещь и всякое явление, какие только им странными и непонятными кажутся. Ибо во всяком человеке, не выключая и просвещенного действительно примечается столько склонности к тщеславию, самовластию и к самолюбию, сколько и ко лжи, почему ходящая толпами на поклонение к идолам языческая чернь и оттуда обратно возвращающаяся несравненно усугубляет и увеличивает виденное там больше, нежели как оно в самом деле было. Слышащая от нее другая чернь охотно принимает то и, рассказы на рассказы прибавляя, весь наполняет свет многобожием, суеверием и и лжею. От чего напоследок языческая вера во всем бывает не иное что, как введенное преданием обыкновение и долговременным наблюдением утвержденное богонеистовство, которого без опасных следствий не токмо переменить, но ниже поправить не можно. Ибо все то, что множеством народа принято и повсеместно наблюдается чрез множество веков, весьма трудно отменить. Народ за то обыкновенно везде негодует на правление и, в противном случае возъярясь и взбесясь, до крайностей великих доходит и стоит за свои заблуждения, не щадя ни души, ни тела. Доказывать сие примерами излишним покажется.

Теперь, узнав, от каких причин и коликому заблуждению в вере подверженным бывает смертный, в следующем внемли всяк православному исповеданию, которое учит почитать истинного бога в любви и простоте сердца; прямому божеству жертва и кадило мерзостны, но жертва, оному благоприятна,— *сердце чисто и дух сокрушен.* Глубока древность от заблуждения и от несправедливости рассуждений понимала бога одним страшилищем и призывала его с высоты в смертоносном блеске и из бездны в'пламени огненном. Одно христианство признает его источником всякия благости и щедрот и, обуреваемое в напастях, к нему вопиет: Авва отче! и, прибегая к нему на всякий час, представляет его родителем, веселящимся о всех смертных, аки о своих чадах. Христианство учит *любить бога всею душою и всем помышлением и ближнего своего, аки самого себя.* О! когда бы сие одно составляло в самом деле все православие и сие одно только вперяли бы в ум смертным истинные величества божия проповедники! На сих, уверяет спаситель сам, основан весь закон христианский, и сие сходно с натуральным рассуждением и с самою строгостию философии; и ежели бы сие ж самое и в действие всемирно произведено было, никогда бы не было в христианстве несогласий, ни расколов; жили бы все без бранного навета, и всякому бы свое как должное отдавалось. Но в том великое смертных неблагополучие, что и самое христианство столько уже превратилось от своей первоначальной сущности и расторгнулось на толикие раздоры, что в оных согласить смертных и множества веков не довольно. Иезуиты, самые пастыри христова стада, которых по достоинству столько ненавидит весь мир, приватный из благочестия делают интерес, простирая алчные руки к ненасытному сребролюбию и под именем спасения разоряют порученное себе от бога и вверенное от монархов стадо, сделав самую веру завесою мнений своих ложных. Боже! удали от российския церкви такое злоупотребление, излей от духа благодати твоего на заблуждающих в бринских лесах [4] и на непросвещенных в Севере [5]. Соедини всех нас в единомыслие о тебе и утверди по вселенной истинную и одну веру.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ ВСЕГО ПРИ СЕМ ПРЕДЛОЖЕННОГО РАССУЖДЕНИЯ [6]

I

Бога в троице без откровения натурально понимать не можно.

II

Противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно.

III

Все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей, и потому оные не сообразны его существу и не могут быть доказательными его совершенств.

IV

Простой и непросвещенный народ склонен к многобожию и закосневает в оном.

V

Все веры, выключая откровенную, суть одни токмо обыкновения народные.

VI

Не должно чрез усилие никакой переменять веры, когда применение оной соединяется с большим возмущением, нежели спокойством народным.

VII

При возвышающемся познании человеческом о вещах возвышается купно и человеческое понятие о боге.

VIII

В самом высочайшем и просвещеннейшем состоянии народы не понимают бога инако, как токмо всемогущим и премудрым

IX

Всякий раскол в вере рождается от неосновательных, а особливо предупрежденных мыслей.

X

Древность преданий много споспешествует к закоснению народов в суеверии.

XI

Невежественные токмо народы понимают бога страшным и неприступным в своих мыслях.

СЛОВО О РАЗНЫХ ПРИЧИНАХ, НЕМАЛОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ПРИЧИНЯЮЩИХ В ПРОДОЛЖЕНИИ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО...[7]

...Многие люди имеют такое обыкновение, что они о вещах, чувствах их подверженных, рассуждают не инако, как оные им представляются; хотя в самой вещи такое представление их с настоящими свойствами тех вещей совсем не согласует. Так, например, видимые тела, по причине отдаленности представляющиеся чувствам их небольшими, за такие и почитают, хотя оные, напротив того, по настоящему своему составлению преужаснои суть величины. Равномерно и о других многих предметах, различные и удивительные в себе заключающих качества, производят такое понятие, что оные ни по чему не следуют подвержены быть рассуждению их, поколику чувства ничего к сведению принадлежащего в оных не обретают. О правильном также и порядочном движении, свойственном телам небесным, имеют такое понятие, что якобы оные такого движения не имеют; причину ж сего ежели изыскивать будут, то найдут, что они зрением своим того постигнуть не могли. И о разных переменах собственного своего ума во многих случаях равномерно рассуждают, то есть часто приписывают сие и другое действие уму своему, но оно, напротив того, нимало не сходствует с его настоящими свойствами, отчего и происходят нередко многие развратные пристрастия и телом обладающие различные непорядочные действия. Известно, наконец, также и то, что о нравственных действиях другого не всегда по внутренней их доброте, но по внешней, чувствам их в противном виде представляющихся, рассуждают обыкновенно. Из чего, как бы некоторого источ-

пика, всякие заблуждения и. ложные рассуждения, проистекши и разлившись по всему роду жизни и учения, в превеликие приводят их обманы. Да и не удивительно: ибо как первоначальные наши понятия о вещах темные суть и сбивчивые, а не подробные и не отвлеченные надлежащим образом от самых вещей, то и заблуждения, от таких понятий произросшие, вкоренившись в мыслях наших, как бы некоторую им причиняют преграду в поступлении к дальнейшему познанию, так что, наконец, ни одно действие ума нашего не исправляет должности своей порядочно, будучи при самом начале приведено в такое порабощение. И сие особливо зависит от того, что мы не с должным вниманием рассуждаем о вещах, хотя бы то или от небрежения, или худой привычки происходило, или причиною того было сие, что душа наша, всегда имея склонность далее поступать и как бы перескакивать с одного места на другое, недолго углубляется в рассматривании самых вещей и различении оных между-собою.

Но как всякой истины первым началом почитается *знание самого себя,* то мы легко можем свободиться помянутых болезней душевных, когда, прежде всего испытав свои силы, будем рассматривать, сколь далеко могут оные простираться, чтоб нам, начавшим высокое здание истины и премудрости, в самом продолжении не лишиться нужных и потребных для такого здания иждивений и чрез то не остаться в посмеянии; а особливо ежели надлежащим образом рассмотрим разные причины, доводящие ум наш, теснейшими пределами ограниченный, до разных заблуждений.

Нет нужды пространно доказывать здесь, что род человеческий многим и тяжчайшим подвергается и может подвержен быть заблуждениям, когда толикое множество несогласующих между собою народов нравами, обыкновениями и другими обрядами находится в обширном сем свете. Но одно сие полезно знать, что заблуждения великим суть препятствием внутреннему и внешнему нашему благополучию, так что многие из оных лишают нас чести и всего имения, до великого доводят нас стыда и посмеяния, когда открыты бывают, и нередко самую жизнь нашу в крайнюю ввергают опасность. Из чего явствует, что о искоренении оных всевозможное должны мы прилагать старание. Однакож, как и Буддей утверждает, прежде всего потребно знать причины оных, давно уже многими

разумнейшими исследованные философами, и разделение оных по крайней мере всеобщее.

Заблуждения или первообразные суть, от которых другие происходят, или производные, то есть происходящие от других. В числе первообразных заблуждений считаются предрассуждения, как бы рассуждения, еще несозрелые и предваряющие здравый разум. Иные с Цицероном называют оные такими мнениями, когда мы без всякого рассуждения и дальнейшего размышления ложную или не довольно спознанную вещь признаем за истинную. Бакон же Веруламий весьма разумно уподобляет предрассуждения истуканам, ибо как язычник, не знающий правил истинного богопочитания, воздает честь божескую таким неодушевленным изваяниям, так равномерно многие из смертных, не последуя здравому рассуждению, наблюдают и как бы обожают различные предрассуждения, так что едва ли и свобождаются от оных.

Итак, чувства, во-первых, пленив разум наш в послушание, с самого нашего младенчества великое причиняют нам помешательство в точном познании вещей. И, конечно, так: ибо чувства первее начинают обладать нами, и мы скорее и охотнее повинуемся оным, нежели сему. Ибо мы, положившись на оные, часто не приноравливаем представлений своих к самым вещам, что бы и надлежало делать, но обратным образом обыкновенно в таком случае поступаем, то есть самые вещи сравниваем с своими представлениями. Так, например, солнце, в превеликом от нас отдалении находящееся, представляем себе некоторым кругом огненным, не постигая зрением своим другой его стороны и не понимая того, что оно есть тело шаровидное. Так, равным образом думаем, что тела небесные имеют круговое и все равное обращение; искуснейшие ж, напротив того, астрономы разное разным небесным телам приписывают движение, изведав то чрез надежнейшие и достовернейшие опыты. А чтоб такие положения наши сходствовали с самыми небесными явлениями, то мы на сей конец премногие другие часто вымышляем, и такие, которые не столько из рассматривания самых тел, сколько из излишнего и несправедливого представления мыслей наших проистекают.

И поистине, ничто так большего вреда не причиняет познанию человеческому, как такая неограниченная вольность вымышлять что-нибудь по своему произволе-

нию, полагаясь на одни токмо чувства, с составлением же и видами самих вещей не сообразуясь. Да и излишнее упражнение, употребляемое в рассматривании и различении между собою вещей мелких и пустых без употребления в помощь для чувств исправного орудия, нередко великие умы разумнейших мужей доводит до крайнего истощения: в самой же вещи многого незнание составляет великую часть премудрости. Мы обыкновенно стараемся в самых вещах найти то, что в одном токмо чувстве находится. Итак, не разбирая, что добро и худо, что полезно или вредно, по одному токмо чувству о том так и заключаем, хотя б то и с великим нашим соединено было вредом; а того и не понимаем, что чувства наши в рассуждении души одно токмо делают вспоможение, как микроскопы или телескопы в рассуждении глаз. Кратко сказать, столько мы на чувства свои уповаем, что, все свое познание зависящим от оных почитая, и утверждать не сомневаемся: *нет ничего в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах.*

Да и продолжаемое чувствование, инако называемое воображение и из того непосредственно происходящее вымышление чего не делают и до какого оные не доводят нас заблуждения, всякому, думаю, известно. Ибо часто мы воображаем в мыслях своих золотые горы, а в самой, вещи никогда не видывали таких; часто, отделяя нечто от одной вещи, присовокупляем оное к другой без всякого приличества и разбора; и чрез такое, наконец, совокупление одного с другим производим в свет различные чудовища, каких никогда в оном не находилось и не могут находиться, разве в одном токмо нашем вымышлении.:

Хотя отвлечение, то есть способность всеобщие о ве щах производить понятия, много вспомоществует нам просвещении нашего разума и чрез то отличаемся мы < бессловесных скотов, однако и оно нередко совлека< нас с пути истинного; а особливо когда мы отделенным представляющиеся в уме токмо нашем вещи и в само" деле почитаем оные быть такими; или когда представ ляющееся нам токмо вообще что-нибудь добрым и худым относим оное и к особенным случаям. Так, например безрассудно опасаемся смерти или боимся лихорадки как бы некоторых существ, в отдаленности находящихся. Равным образом несправедливо многие умствуют филск софы, когда стараются доказать, что *пространству*

(spatium) есть вместилище тел, так же как бы некоторое существо, в особливости состоящее. Но больше всего подвержены такому заблуждению все те безбожники, кои, не хотя употреблять имени божия и, следственно, не желая ему яко создателю своему воздавать должного почтения, вместо того употребляют имя натуры, не зная и сами изъяснить и истолковать сего слова.

Не меньшее помешательство причиняет нам в продолжении нашего познания и *самолюбие* (philautia), то есть непорядочная любовь к самим себе, ибо сим пороком зараженные люди ни рассуждать справедливо, ни умствовать правильно о вещах не могут, но обо всяком деле по своим токмо пристрастиям и прихотям рассуждают, хотя истина совсем независимою от оных почитается. Предложено уже было выше сего мною, п [очтенные] слушатели], что мы почти никогда не рассуждаем о вещах по их сущности, но большею частию при всяком рассуждении имеем отношение к самим себе. И так навыкши чрез то аки бы почтение оказывать себе, всегда в сходственность с склонностями своими и о других заключаем. А особливо когда думаем, что все наши помышления и все мнения столько суть ясны и достоверны, что по предложении оных всяк и принужденно может согласиться на оные; тех же, кои инако думают и рассуждают, невеждами и безрассудными людьми обыкновенно почитаем. По сей-то причине, как можно думать, столь долго в презрении и находились многие преполезные средства и достовернейшие опыты, поколику, излишно уповая на самих себя, люди нимало о изобретении оных не старались, но думали, что все подвержено одному токмо их разумению. Да и ныне много находится столько высокомерных, что они, о природной своей остроте высокими мнениями будучи надменны, думают, что все подвержено их знанию. Итак, положившись на то, издеваются над неизвестностию темных учений, описывают вредительные действия, науками в душах производимые, вооружаются против тех, кои с неусыпным попечением обращаются в трудах, словом: внутренно веселятся и других уверяют, что они никакому учителю и никакой школе ничего не должны, но все получили от природы. Но сколь тщетны таковых людей такие мнения и какому оные подвержены предо-

ет, как скоро истинное учение и прилежность против оных выступят. Да хотя бы такие ирезрители наук и упражняющихся в оных и не обманывались в своих мнениях и в самом деле разумом гораздо превосходным одарены были от природы, то бы не должны ли они были с большею справедливостью почитать оные природные свои дарования поощрением к прилежанию, нежели причиною презрения к наукам. Ибо более достоин поношения и посмеяния тот, кто тучную и плодоносную от природы землю оставляет в пренебрежении, нежели тот, коего поле едва токмо за приложенные труды может заплатить своему делателю. Чрез самолюбие, наконец, как утверждает Гаузен, питается дух противоречия. Ибо, говорит он, часто мы, отчаяшись собственными своими силами защитить высокое о себе мнение, чужую славу и честь стараемся, себе похитить и на оных воздвигнуть храм своему высокомерию. Такой противоречия дух питают по большей части зависть, ревность, ненависть и другие страсти, ослепляющие разум.

И подлинно, страсти, ежели они овладеют разумом нашим, много оному воспящают простираться к дальнейшему познанию вещей. [...]

До сих мест, п[очтенные] с[лушатели], исчисляемь были мною внутренние причины, препятствующие нам продолжении нашего познания, теперь остается, да и сам мый порядок велит, кратко упомянуть и о внешних, числе коих кроме других многих считается особливо ху дое воспитание. И поистине, весьма сожалительно, когд видишь, что многие родители, ежели только должно назц вать их родителями, такие находятся в свете, что он о воспитании своих детей ни малейшего не имеют поп: чения, но подлые свои поступки и различные пороки ил: гнусными собственными своими примерами, или сквер ными словами в младые их сердца всевают. Но бол£ всего разные юноши разными пороками заражаются о- того, что родители их, или с излишеством потакая и побла жая им, ничему другому, таким образом поступая ними, не научают их, кроме одной нежности и непосред ственно из сей происходящему высокомерию и неповино вению. Другие ж, напротив того, родители, жестоко и о рово поступая с своими детьми, часто ругают их и нередё наказывают, и чрез то отняв у них всю охоту к наукам, из умных делают их глупцами и из благородных гну ными подлецами; а того не знают безрассудные, что н

вежда токмо исправляется страхом и что наказание есть последнее уже средство, и то для ленивейших. Квинтилиан за неблагопристойное почитает наказаниями принуждать детей к исправлению их должностей. Локк же говорит, что тогда только должно употреблять наказания, когда все другие средства без всякой пользы употребляемы были. Весьма бы желательно было, когда бы родители старались наиприлежно испытывать еще с малых лет кроющуюся в детях своих к тому или к другому склонность и в сходственность с оною сим или другим обучать наукам. [...]

Другая внешняя причина, познанию нашему также причиняющая препятствие, не меньшего требует внимания — обращение, говорю, с простым народом. Известно уже всякому, коликими и какими простой народ заражен бывает предрассуждениями. Везде во всяком простом народе применить можно бесчисленные заблуждения, от неразумения и легковерности оного по большей части происходящие. Ибо простые люди, обыкновенно имея грубое сложение мозга и излишество в крови, всему верят без всякого дальнего размышления; особливо ж по разности климатов, сложений телесных и обыкновений у разных народов разные ложные и произошли мнения, а оттуда так называемые народные ненависти и вечные брани, по свидетельству Ювеналову в 15 Сатире. Но больше всего сожаления достойно, что простые люди, будучи воображения своего рабами и мало имея смысла, от заблуждений своих, каких сами они не примечают, ни чрез кого отучены быть не могут, да и никто учинить того, хотя бы и хотел, не осмеливается по причине обладающего уже ими такого предрассуждения. Столько они в сей жизни зла не токмо самим себе, но и другим причиняют, что разумнейшие люди более жалобу на них приносят, нежели о исправлении их помышляют. Да и неудивительно, потому что душа наша, никакого еще не имев понятия о вещах, сопрягается с телом и по совокуплении с оным помощию чувствования и воображения с малых лет от простых людей научается всему тому, что напоследок во всю нашу жизнь приводит нас в замешательство и притом все мысли и действия наши как бы некоторою черною краскою прикрывает и затмевает...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное первоначальное название диссертации — «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое по приказанию его превосходительства Василия Евдокимовича Адодурова, императорского Московского университета господина куратора, и по представлению его высокородия Михаила Матвеевича Хераськова, онаго же университета господина директора, с согласия при том всех господ профессоров, производимый публичным ординарным профессором в публичном собрании, на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа ... дня». После переделки это название было изменено. Печатается с сокращениями (опущены в основном авторские примечания) по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I С. 115—133.

[2] *Братья Диоскуры* — в мифологии покровители воинов и мореплавателей.

[3] Кругосветное путешествие английского адмирала Ансона в 40-х годах XVIII в.

[4] Раскольники.

[6] Нехристианские народности Севера.

[6] Тезисы (положения) диссертации, выносимые автором на защиту, во второй редакции были опущены.

[7] Полное название — «Слово о разных причинах, немалое препятствие в продолжении познания человеческого. В публичном собрании имп. Московского университета на высокоторжественный день пришествия на всероссийский престол ... императрицы Екатерины Алексеевны говоренное логики и метафизики публичным экстраординарным профессором и обеих гимназий инспектором Дмитрием Аничковым июня 30 дня 1774 года». Печатается с сокращениями, по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 152—161.

ПОЛЕНОВ АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

А. Я. Поленов родился в 1738 г. в семье; солдата Преображенского полка. В 11 лет он был принят в Петербургскую академическую гимназию, а через пять лет переведен в студенты' университета при Петербургской Академии, наук.

Благодаря большим способностям к языка его в 1761 г. привлекли к работе в качестве: переводчика в Юстиц-коллегию. В следующем! году А. Я- Поленов был командирован в Страсбургский университет, где ему рекомендовалось «обучаться древностям и истории, юриспруден-

ции и натуральному и общенародному праву». Его обучение в Страсбургском университете длилось до 1766 г., после чего более полугода он проучился в Геттингенском университете.

1767 г. А. Я- Поленов вернулся в Россию, но к научной и преподавательской деятельности не был допущен. Его назначили переводчиком в Академию наук. Переводил он как ученый-просветитель те работы, которые содержали интересные, прогрессивные идеи, содействующие просвещению русского общества. Им были переведены «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» Монтескье (1769), «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов» Фридриха II (1769), «О свойстве нравов человеческих» Теофраста (1772) и другие.

В 1776 г. Вольное экономическое общество объявило конкурс работ на тему «Что полезнее для общества,-чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его право на то или другое имение простираться должно?» Отвечая на этот вопрос, А. Я. Поленов представил на конкурс оригинальное сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России». В нем он подверг критике крепостное право в России, причинами которого определил «насилие» (когда военнопленных обращают в рабов) и «бедственное положение» простого народа. Поленов предложил предоставить крестьянам землю в наследственное владение и распространить среди них грамотность. Его сочинение получило вторую премию из 160 присланных на конкурс работ. Поскольку Вольное экономическое общество признало его работу «над меру сильной и неприличной», она не была напечатана. Опубликовал ее сто лет спустя в журнале «Русский архив» внук А. Я. Поленова.

В 1771 г. Поленов перешел в Сенат, где дослужился до должности обер-секретаря. В 1793 г., получив чин действительного статского советника, А. Я- Поленов оставил службу

в Сенате. После нескольких лет работы в Комиссии по составлению законов Российской империи, где он безуспешно пытался применить свои знания, просветитель в 1800 г. окончательно ушел в отставку и провел остаток жизни над составлением «Истории мальтийского ордена».

Умер А. Я- Поленов в 1816 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Поленов А. Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 2. С. 7—29.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поленов Д. В.* А. Я. Поленов, русский законовед XVIII века //' Русский архив. 1865. №4. С. 445—470; №5—6. С. 703—736.
2. *Бак И. С.* А. Я. Поленов (философские, общественно-политические и экономические взгляды) // Исторические записки. М.; Л., 1949лТ. 28. С. 182—202.
3. *Беляевский М. Т.* Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 годах // Археографический ежегодник за 1958 год. 1960. С. 387-430.
4. *Кулябко Е. С.* Поленов Алексей Яковлевич // Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. С. 139—146.

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ '

Прежде нежели приступим к самому изъяснению^ предложенного, то для лучшего порядка неотменно требуется знать, какие соединяем мы с словом *крестьянин* понятия. Крестьянин в общем знаменовании означает' человека, имеющего постоянное жилище и пребывание; в деревне, назначенного и упражняющегося в земледели и что к нему принадлежит, невзирая, какой бы власт он подвержен ни был.

РАЗДЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне разделяются у нас на разные роды, смотр^ по тому: 1) Кому они принадлежат и оттого называются

государственными, дворцовыми, господскими. 2) На кого возложено обязательство — на человека или на землю, куда принадлежат крепостные и вольные. 3) Имеет ли кто землю или нет, чего для называются пахотными и бобылями [2].

Можно много найти и других разделений в рассуждении крестьянства, у иностранных употребляемых, но оные, будучи в России неизвестны, не имеют здесь места; ибо состояние наших крестьян, выключая малороссийских, равно и они вообще, как сами в себе, так и в своем имении не вольны. Итак, оставя сие, за нужнейшее почитаем рассмотреть, поскольку может быть вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство в рассуждении имения.

ПРЕИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННОСТИ

Ежедневное искусство [3] показывает нам, что собственная каждого польза составляет главный предмет, к которому, как к средине, стремятся все наши помышления, и притом ободряет нас к понесению всяких трудов; а что она представляется в разном виде, то сие зависит от случая и воспитания. Сие ясно видеть можно, ежели рассудить, что мы по врожденной в нас склонности стараемся беспрестанно о нашем благополучии: *искать того, что нам приносит действительное удовольствие, и убегать всего, что ему противно, суть два неусыхаемые источника добродетелей и пороков.* Должно знать приличные средства обращать к добру сии страсти и искусным образом их поощрять: следствия неотменно будут соответствовать желаниям.

Крестьянин, которого мысли сходны с его состоянием, равным образом тщится по мере сил и знания преумножить свое благополучие, ежели он не находит в своем предприятии такого препятствия, которое иногда против воли заставляет его быть о себе нерадивым. Я думаю, и не без причины, что собственность в движимом и недвижимом имении может почесться за один почти и притом весьма изрядный способ к ободрению и поправлению крестьянства, которое в прочем лишено всех с правами общества соединенных выгод и преимуществ; ибо крестьянин, будучи господином своему имению, не опасаясь ни с которой стороны в рассуж-

дении его претерпеть какое насилие и пользуясь приобретенным свободно, может располагать и употреблять оное, смотря *по* своим выгодам. Он знает, что ему должно делать для удовольствования домашних нужд или для получения прибытка; вследствие чего старается он охотно выискивать всевозможные средства обращать всякий случай в свою пользу; болотистые, песчаные, бугроватые места не утомят рачительных его рук, но все трудолюбию должно повиноваться и приносит с избытком пользу. Домашние или добровольно следуют его примеру, или для строгого надзирания надлежащим образом исправляют свою должность; ничто не может утаиться от его глаз, он сам все видит; наималейший примеченный недостаток, пока он его, исправя, не отвратит, беспокойствие ему наносит.

Сии выгоды способствуют также, что крестьянин, видя у себя некоторый достаток и впредь тем же себя лаская, не щадит ничего, что служит к сохранению здоровья, и сверх приличной для защищения себя от времени одежды может питаться здоровою пищею, немало к продолжению жизни и распространению людей служащею; также и во время случиться могущей болезни в состоянии лучшего о возвращении здоровья прилагать старание, нежели неимущий. Что касается до распространения человеческого рода, то достаточный крестьянин, всегда зная, что дети его при нем и по смерти его не будут претерпевать бедственного состояния, приумножение семьи приводит его в немалую радость, и крестьянин, смотря по своим достаткам, старается им дать приличное воспитание.

Из сего также следует, что сверх исправной отдачи подушного окладу и оброку мещанство равным образом немалой должно надеяться пользы, ибо сверх дешевизны нужных съестных припасов посредством крестьянского трудолюбия будут получать множество изрядных товаров, как, напр., пеньку, лен, шерсть, кожи и проч., которые, будучи переделаны на фабриках, служат к истреблению в народе праздной жизни и к прокормлению многих тысяч. Наконец, от владеющего собственным имением крестьянства все государство будет чувствовать великое облегчение: доходы его несравненно возрастут, и в случае нужды кроме уложенного можно от них надеяться сильной помощи.

Возьмем, напротив того, не имеющего никакой в

имении воли человека, рассмотрим его как душевные, так и телесные качества. Сей печальный предмет, обращающийся пред моими глазами, ничего больше, кроме живых изображений лености, нерадения, недоверия, боязни не представляет; одним словом, он носит все на лице своем начертанные признаки бедственной жизни и угнетающего его несчастия.

По справедливости рассудить, то от лишенного всех прав человечества и тем в конечное уныние приведенного человека ничего лучшего ожидать не должно. Мы не можем требовать, чтоб человек, будучи так сильно понижен, старался о себе надлежащим образом; ибо он наперед знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насильствия, не получит. Единственное попечение, и то принужденное, состоит, чтобы удовольствовать некоторым образом необходимые нужды, а впрочем все свое время препровождает в праздности, почитая оную за облегчение своей бедности. Несмотря на бедственное свое состояние, ничто его не трогает; подражание, покушения и размышления о поправлении своего состояния совсем ему неизвестны. Он всегда худо одет, вкушает худую пищу, не радеет нимало о домашних делах, приумножение семьи служит ему в тягость, одним словом, все то, о чем бы другой безмерно стал радоваться, наводит ему великую горесть. От сего происходит, что жизнь их недолговременна, распространение человеческого роду великие находит себе чрез то препятствия, воспитание их служит не к исправлению, но к большему нравов растлению, и общество не только что не может в случае нужды на них надеяться или получить какое вспомоществование, но в противном случае они ему всегда тягостны и требуют сами от него беспрестанной помощи. [...]

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАБСКОГО СОСТОЯНИЯ

Дабы знать, на каких правах утверждено стоит рабство и откуда оное произошло, то необходимо требуется искать его начала в самой отдаленной древности, и мы увидим после, к великому нашему удивлению, что происхождение крестьянства, подлейшего[4] изо всех и притом неотменно нужного в каждом обществе состояния, должно приписывать насильствию.

О сем никто не будет сомневаться, что естественное право, от самого создателя в сердца наши влиянное, для совершенства своего причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию, также поверить не можно, рассуждая особливо по врожденной в человека к приобретению благополучия склонности и по непреодолеваемому стремлению к вольности. Таким образом, должно ему искать другой причины, на которой бы мы могли точно утвердиться.

Я со многими другими думаю, что сие приписывать должно войне, которая не только чрез все то время, как она продолжается, весьма печальные действия производит, но и по окончании еще яснейшие своей суровости знаки оставляет; война, говорю я, причиною сего бедственного состояния, в котором такое множество нам подобных страждут. Древние народы, как видно из истории всех веков, почитали за общенародное право приводить в рабское состояние пленных, присвояя себе сверх сего полную власть, может быть, для большей своей безопасности и пользы в животе и смерти над таким человеком; и сие мнение, как ясно можно видеть из римских законов, столь далеко простиралось, что они их, исключив из числа людей, причислили к вещам. Римляне и греки, столь славные, столь просвещенные, перед всеми прочими народы отменным могут служить примером к подтверждению сей истины, и мы находим в их летописях, что целые народы подвержены были сему несчастию: илоты у лакедемонян, пенесты у фессалян[5] ;* по тогдашним правам войны составляли крестьянское состояние, подверженное несносным бедствиям. Римляне, имевшие несколько веков сряду беспрерывную войну и поступая с пленными по обыкновению тогдашних времен, собрали преужасное множество сих несчастливых, которые по развращении в Римской республике нравов служили к удовольствованию роскоши и гордости и мучимы были бесчеловечным образом. Составление сих республик не дозволяло вольному человеку упражняться в художествах и купечестве, кои в великом у них были презрении; напротив того, все то, что их способными делало к понесению всяких воинских трудов, весьма высоко почиталось. Таким образом, пленники, приведенные в рабство, по примеру наших слуг, хотя с ;

неравным выигрышем, должны были в домах у своих господ или вне оных отправлять всякую работу. Лекари, всякие художники, купцы, земледельцы были из сего состояния людей, и жестокость их жребия в Европе не прежде переменилась, как по утверждении христианской веры. Равный пример, хотя с неравною суровостию, находим мы у франков или нынешних французов, которые по завоевании Галлии, надеясь на превосходство своих сил, природных поработили. Бургундцы, готфы [6] в завоеванных ими землях то же учинили. Обыкновение сие не они первые ввели, но принесли с собою из Германии, общего их отечества, где оное, по свидетельству Тацита, в великом было употреблении, чего некоторые остатки и ныне в немецкой земле видны.

Российские прародители по примеру прочих народов равного были в рассуждении сего мнения, и воинское состояние, бывшее тогда в великом обыкновении, всех мысли на себя обратило. Для сей причины все искусства и художества были в великом небрежении, так что во времена первых великих князей не только что оружие, но и самое платье доставать должно было войною. [...] Самые сии войны изрядный к сему подали случай, собрав великое множество пленных, которые по принятому издревле обыкновению, будучи приведены в рабское состояние, причислялись к прочей добыче. Ибо, несмотря на тогдашнюю простоту, гражданин имел свой дом, имел свою семью, имел свою землю и поля, то не можно было без того обойтись, чтоб не иметь таких людей, которые бы единственно упражнялись в домостроительстве. Старание сие препоручаемо было пленным, которых в городе употребляли для услуг, а вне оного — для земледелия. [...]

Не должно и сего позабыть, что число сих несчастливых немало умножилось чрез добровольное, а иногда и принужденное, преступление; ибо ежедневное искусство показывает нам, что многие, хотя по природе вольные, думая кончить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности и тем вечно себя посрамили, а потомство свое сделали несчастливым.

Сие строгое и бесчеловечное право войны сохранилось в полной своей целости даже до наших времен, и мы видим изрядные оного опыты над нашим крестьянством, которого бедственное состояние на такую степень взошло, что они, лишившись всех почти, так сказать, приличных человеку качеств, не могут уже видеть величину своего несчастия и кажутся быть отягчены вечным сном.

Крестьяне по самой справедливости заслуживают, чтобы иметь о них всевозможное попечение, и для приведения их в хорошие обстоятельства не должно щадить ни труда, ни времени. Поистине сказать, сколь много должны мы быть обязаны таким людям, которые, будучи всегда готовы на защищение отечества, проливают за него свою кровь, которые, избавляя прочих от тяжких трудов и беспокойствий, питают их изобильно, которые, не имея сами почти ничего, снабдевают других так щедро, которые во все время своей жизни, не видя сами для себя никакой отрады, единственно упражняются в приумножении посторонней пользы; одним словом, наша жизнь, наша безопасность, все наши выгоды состоят в их власти, и неразрушимым союзом совокуплены с их состоянием. Но мы, ежели искренне признаться, позабыв все сии великие благодеяния, вместо почтения платим презрением, вместо благодарения воздаем обиды, вместо попечения ничего, кроме разорения, не видно.

Ничто человека в большее уныние привести не может, как лишение соединенных с человечеством прав. Чрез сие мало-помалу приходим мы в нерадение и леность, которые, понижая нас, нечувствительно отнимают все силы и препятствуют нашему разуму возвыситься до надлежащего степени совершенства. Дошед до того, всегдашнее недоверие и некоторая боязнь не дозволяют проникнуть сквозь густые невежества облака. Но пусть человек пользуется правами человечества, пусть уничтожены будут не допускающие его до их исполнения препятствия, то, возвратив свои силы, вскоре переродится.

Наши крестьяне печальным своим примером могут доказать, сколь пагубно конечное угнетение для людей.

Итак, прежде всего должно помышлять, чтоб для славы народа и пользы общества вывесть производимый человеческою кровию бесчестный торг. Мы в сем случае, не делая ни малой разности между неодушевленными вешами и человеком, продаем наших ближних, как кусок дерева, и больше жалеем наш скот, нежели людей. Сие должно неотменно уничтожить и нимало не смотреть, какие бы кто ни представлял причины. Довольно, что благосостояние общества того требует, и собственно малого числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что к собственному их вреду клонится, не должна быть принимаема в рассуждение. Я не разумею здесь конечное запрещение; но кто намерен продавать, то должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок.

Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное бедствий как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их теперь действительно видим. Итак, не вдаваясь в дальние о бедных сих людях рассуждения — всякий легко может сие заключить из превратного образа их житья, поступков и мнений, которые нам не иное что, как весьма плачевное позорище представляют,— но оставя печальные сии и нашего сожаления достойные предметы, приступим к самому делу. [...]

О УЧРЕЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Непростительное в наши времена в рассуждении общественного воспитания примечаемое нерадение великим бедствиям причиною; и сколько известно, то о сем так мало думают, что мы до сих пор не имеем еще такого расположения, которое бы с пользою могло быть употреблено в общенародном нравов исправлении. Самое главное дело, от которого зависит народное благопо-

лучие и с которым оно сопряжено неразлучным союзом, по несчастию, никогда нам на мысль не приходит. Мне кажется, *что просветить народ учением, сохранить его здравие чрез приобучение к трудолюбию и чрез телесные упражнения, наставить при помощи здравого нравоучения на путь добродетельной жизни* — главные должны быть законов предметы, и наибольшее их старание должно в сем обращаться. Рассуждая, по всем обстоятельствам видно, что мы весьма далеко от сего отстоим; иных нетерпение или непрозорливость, других незнание или собственная корысть, не упоминая многих других подобных сим причин, непреоборимым бывают препятствием в довершении столь великого дела.

Почти невероятно кажется, сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно. Кому неизвестно, сколь великим порокам подвержен обыкновенно бывает простой народ: невежество, суеверие, невоздержание, леность, легкомыслие делают нам его не только презрительным, но в некоторых случаях и ненавистным. Самое наилучшее средство, как некоторые думают, к удержанию его неистового безумия состоит в строгости, принуждении и казнях, не помышляя нимало, что сие больше может служить к растравлению, нежели к исцелению ран. Довольно можно найти других способов, с лучшею пользою и успехом служить могущих к достижению сего намерения. Я разумею воспитание, при помощи которого, как искусство многократно уже нам показало, можно преобразить всякого человека, какого бы он состояния ни был. Что касается до крестьян, о которых собственно здесь должно говорить, то неотменно требуется в рассуждении их такие принять меры, которые бы соответствовали простоте их житья и состояния; для того, зачав с их малолетства, предложить, каким образом с ними поступать в нежном сем возрасте.

В каждой деревне, где только можно и обстоятельства дозволяют, учредить школу для обучения российской грамоте, по крайней мере читать, и первым основаниям веры малолетных крестьянских детей. Из малых деревень, где сего завести не можно, должны крестьяне посылать своих детей в самые ближние школы для обучения, разве невозможность какая воспрепятствует; тогда остается им с других брать пример.

Каждый крестьянин должен десятилетних своих детей отсылать в зимнее время в школу, дабы они, заблаговременно научась чему должно, по их состоянию, по возмужании своем не имели никаких препятствий в работе. [...]

О СОБСТВЕННОСТИ В НЕДВИЖИМОМ ИМЕНИИ

По предложении к исправлению, крестьянского воспитания способов следует сказать, каким имением владеть крестьянину и в каких пределах должны заключаться его над оным права, так чтобы сие клонилось не только к собственной крестьянина пользе, но и всех тех, кои в сей перемене необходимо имеют принять участие, и всякий бы имел, что ему *по* справедливости иметь надлежит. [...]

Рассуждая по назначению крестьян, можно легко видеть, на какой конец мы их имеем; итак, вследствие сего каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать, т. е. пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности; ибо иначе можно его в наказание лишить сих выгод как недостойного и снабдить оными другого. Однако прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде.

Наследственное сие в землях право не должно к невозвратному владельцев вреду и великому их разорению так далеко простираться, чтоб крестьянин был в состоянии данною ему от другого землею располагать по произволению; довольно, ежели он ею может невозбранно и беспрепятственно пользоваться и от того себе получить пропитание. Для сей причины не дозволяется ему, под каким бы видом он ни хотел сие сделать, продавать свою землю или дарить, или закладывать, или разделять между многими детьми, но по смерти отца один из сынов будет оною владеть; таким образом помещик всегда удержит свое право, а крестьянин свободно будет пользоваться дозволенными ему выгодами.

Понеже может случиться, что по размножении семей не будет в деревне доставать земли на прокормление,

то в таком случае немедленно принимать надлежащие меры; в рассуждении государевых крестьян никакого в сем опасаться недостатка не должно; но как скоро примечено будет, что земли их не могут прокормить, то предупреждая всегда бедственный сей недостаток, немедленно вывесть с прежнего места несколько семей и поселить на пустом месте, а разразнивать семьи или брать одних холостых не должно. На такой конец каждый провинциальный суд ' должен знать, сколько в окружности его правления находится пустых и способных к земледелию мест, иметь во всякой готовности надлежащие до земледелия орудия, снабдевать поселян семенами, скотом или в случае нужды выдавать им на все сие деньги без зачету. Выгодные для них домы также должны быть построены, и на первый случай уволить их, смотря по качествам земли, на несколько лет от всех тяжестей, дабы они имели довольно времени исправиться. Не имеющие довольно земли дворяне должны покупать по способности того места, и ежели не будет таких случаев, то тогда могут крестьян отпускать (прописывая в паспорте причину) в работу на фабрики или, что еще лучше, отда-, вать учиться такому ремеслу, с которым бы они и в де-« ревне могли найти пропитание. \

Земледелие требует много народу, и поощрение браков в сем случае неотменно нужно. Для того можно вы думать самые простые средства, дозволив, например, же-> натым иметь председание перед холостыми; имеющи: много детей упустить малое что из положенных на ни тяжестей и проч. Должно также взять в рассуждени что пребывание деревенских жителей по городам весьм много вредит земледелию; ибо от чего бы мог иметь се' честное пропитание гражданин, тем пользуется кресты' нин, а между тем земледелие, самое нужное, самое пр быточное для всякого общества богатство, в конечн остается в запущении, не упоминая, что крестьяне оче портятся от городского своевольства и роскошей, прив кают к праздности и делают себя неспособными к пон сению деревенских трудов; для того всеми силами с~ раться их от того воздерживать и строго принуждаТ* чтобы они жили по своему назначению. [...]

Сего не довольно для защищения сих бедных людей; снисканное их трудами имение также должно быть приведено в безопасность. Все крестьянское богатство состоит в земледелии и скоте, и сие может называться собственным его ремеслом, от которого он единственно должен получать свое пропитание и из происходящей от оного прибыли уделять по должности положенную на него часть государю и господину, а в прочем быть спокоен.

Что касается до движимого имения, состоящего в скоте и получаемых от земледелия плодах, то я думаю, что крестьянам в рассуждении его должно дать полную власть и волю. Положим, что на первый раз получают они все сии вещи от щедрости других и чрез то приходят в состояние доставить себе и своему роду довольное пропитание; однакож из сего не следует, чтобы благодетели их по причине сей щедрости, которая сверх того весьма тягостна, могли себе присвоить полное право над нажитым их трудами имением; довольно, ежели крестьянин в знак своей благодарности платит ежегодно своему господину уложенную долю, что, исчислив, бесконечно больше составит, нежели что ему дано; итак, напоследок не крестьянин, но господин остается должником, и вследствие сего при несчастии обязан он помогать крестьянину. Сверх сих причин должно взять в рассуждение общенародную пользу, которая требует, чтобы каждый в обществе член, исправляющий надлежащим образом положенную на него должность, свободно мог пользоваться приобретенными чрез свои труды выгодами, и в случае насильственного или скрытого их нарушения правосудие должно их защищать. Напротив, ежели господину оставлена будет над каким-нибудь родом крестьянского имения полная власть, то крестьянство никогда не может подняться; опасность конечного разорения воспретит ему искать в суде помощи, и, служа жертвою беспрестанным гонениям и истязаниям, всегда будет находиться в упадке.

Сверх сего неотменно требуется определить для крестьян и другие промыслы, так чтобы сии промыслы, имея всегда некоторое с земледелием сходство, от оного их не отвлекали, но единственно дабы крестьяне при помощи их могли и себя, и других снабдевать. Для сего можно назначить известные дни, например, каждое во-

скресенье, в которое крестьяне могут приезжать в гор для продажи своих товаров. Таким образом могут он всегда весьма способно снабдевать города и привози на продажу всякого рода хлеб, пеньку, лен, холст[1] сыр, масло, овощи и многие другие к нужному челов ческому пропитанию служащие вещи, в чем не делать н каких замешательств и затруднений, но еще всевозмо ным образом споспешествовать. Оставаться в городах; там производить несходные с их состоянием и назнач нием промыслы можно им запретить и нимало им в с не послаблять.

ПРЕДПИСАНИЕ ПОСТОЯННЫХ СЛУЖЕБ И ПОДАТЕЙ ГОСУДАРЮ И ГОСПОДИНУ

По приведении их в столь изрядное состояние и зволив им столь великие выгоды, самая справедливс требует, чтоб и они по мере столь великих благод^ ний воздавали равное благодарение, исправляя охотн ревностно положенные на них в рассуждении государ и господина должности.

В рассуждении налогов с великим благоразумием ступать надлежит. Наибольшая состоит в сем трудн. что их не можно точно определить, так чтобы они рав были, глядя на различное положение стран и происхо щее от того неравное в имении содержание, чего р самое наилучшее, по моему мнению, в учреждении по тей средство нахожу я в установлении десятой или дру"; какой части со всех от земледелия происходящих п дов. В рассуждении денежного сбора вообще можно с зать, что чем сильнее богатеет народ, тем больше мояе сбирать подати, и ежели мы сыщем настоящее содер^ ние между налогами и народным богатством, тогда праведны, и никто не может жаловаться. Требуек от крестьян в пользу господина службы можно учред таким образом, чтобы крестьянин один день работал своего господина, а прочие на себя.

Предписание постоянных, для прекращения гра" тельств и разорений, податей и служб неотменно нуж ибо такое учреждение немало защитит крестьян от наг* стей помещиков, которые их без всякой пощады и ми" сердия мучат, отнимая все то, что им в глаза поп

лется, и чрез то приводит в несказанную бедность, от которой они никогда не в состоянии избавиться.

Во время наводнения, скотского падежа, недорода хлеба и в прочих случиться могущих несчастиях крестьянам для их поправления неотменно нужно помогать или деньгами, или отпущением на некоторое время податей, который убыток по исправлении своем могут они наградить.

Дворянство по ограничении самовольства никакого вреда не претерпит, и хотя с первого взгляда покажется, что уступление собственности и предписание постоянных податей и служб уничтожает знатную часть их над крестьянами прав, однако, взяв в рассуждение другие обстоятельства и отбросив все вредные предрассуждения, всякий легко может тогда видеть, что сие не токмо им не вредно, но гораздо большую против прежнего принесет пользу, и общество немалое будет чувствовать облегчение. В прочем они всегда удержат довольно прав, как то, например, охоту, рыбную ловлю, власть над своими лесами, которая только для пользы всего общества, по справедливости, может быть некоторым образом ограничена; и напоследок, по обыкновению иностранного дворянства, можно им дозволить в рассуждении своих крестьян отправлять гражданский суд, о чем мы теперь говорить станем.

О УЧРЕЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ СУДОВ

Весьма легко может случиться, что господа от презрения к своим крестьянам и в надежде на преимущества своего состояния будут, утесняя их, причинять всякие обиды, чего ради неотменно должно их привести в безопасность чрез установленное на твердом основании правосудие, при помощи которого могли бы они себя защищать против всяких неправедных нападений и насильств.

Обиды могут произойти или крестьянину от крестьянина, или от господина. В сих случаях думаю я поступить таким образом, чтобы, смотря по важности обиды, учредить приличные суды, дабы лишних волокит и издержек крестьянам не было. На такой конец дозволить крестьянам выбрать между собою старосту и, придав ему три

или четыре человека, представить их на подтвержден своему господину.

Сии деревенские судьи* должны решать самые мал! важные дела, как, например, словесные обиды, драки, лые тяжбы и проч. А что касается до важных между бою или с господином ссор, то учредить для того в* шие крестьянские суды** под начальством таких люд которых бы искусство и знание российских законов было подвержено никакому сомнению, и поручить им paj сматривать и решать происходящие между крестьяна!) и господами важные спорные дела. В случае Heyj вольствия и неправного решения быть для апелляк земским судам из окольничных дворян, к коим для бо шей исправности и порядка определять знающих прг людей, которые единственно должны по требованию вать свое мнение и совет, дабы ничего служащего! нарушению закона произойти не могло, но все бы отпр лялось по предписанию правосудия. Сие все разумеем о гражданских судах, ибо криминальные не подле* сим судам.

КАКИЕ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРИ СЕЙ ПЕРЕМЕНЕ УПОТРЕБЛЯТЬ

Остается теперь сказать, какую должно принять досторожность в рассуждении столь важной перемен Известно, что сего вдруг без великой опасности прс вести в действо не можно, и многими примерами подтверждено, сколь далеко в подобных случаях nроСi рается неистовство подлого народа; итак, небесполез принять такие меры, которые, не нарушая общего *поЩ* могли бы всем ясно показать, что сии намерения нятся к собственному их благополучию.

Прежде нежели можно что начать в рассужде сей перемены, то я за полезное признаю приготов

* Неотменно требуется, смотря по простоте и незнанию **кресте!** сочинить краткий регламент, который бы содержал в себе все, *ВЩ* должности принадлежащее, и описать обстоятельно, какие дела до| управления надлежат и какое для виновных должны определять *щ* казание.

** Сии высшие суды также должны снабдены быть хорошими струкциями, дабы богатый бедному, сильный немощному предпочт" не были, но каждый по заслугам своим получил бы достойное даяние.

перед крестьян чрез воспитание, под предводительст-
на
м благонравных церковников производиться имеющее;
во
п учин ении чего с надлежащею точностию, во-1-х, долж-
зачав для показания примера дворянству с дворцовых государственных крестьян, из которых награждать сими выгодами только рачительных и добрых крестьян, а ленивых и злонравных до сих преимуществ не допускать; но дав время к исправлению, увещевать возможным образом, дабы отвратить от худой жизни, и для большего поощрения предлагать им те же выгоды, ежели только исправятся.

По утверждении сего великого учреждения, дабы тем больше возбудить к трудолюбию, можно дозволить богатым крестьянам записываться в мещанство, не просто, но с некоторыми договорами, дабы воспрепятствовать конечное запустение деревень. Для того смотреть накрепко, в состоянии ли такой крестьянин купить себе в городе двор; имеет ли довольное число денег на раззавод и может ли заплатить государю или господину уложенное за каждую душу, которую с собою из деревни выведет. Ежели он на все сие имеет денег, тогда можно ему дозволить переменить свое жилище и состояние.

Дворянство, до которого особливо касается сие дело, нимало к сему не принуждать; ибо каждый из них, будучи убежден собственною пользою, с доброй воли согласится ввести у себя такие учреждения, которые, не причиняя ему ни малейшего вреда, служат к благополучию таких людей, о сохранении которых человеколюбие и собственная его польза повелевают ему прилагать всевозможное старание.

Не иначе, как за весьма счастливого, должен я буду себя почитать, если сей мой труд соответствовать будет требованиям подавших повод к сему предложению. Впрочем, принимаю я смелость уверить, что всегдашние мои желания были — служить моему отечеству; в сем намерении я сие единственно и предпринял и искренне желаю, чтобы при благословенной нашей великой государыни Державе Россия спокойно наслаждалась приуготовляемым под премудрым ее предводительством благополучием, принося усердные свои всевышнему творцу за изливаемые щедроты благодарения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное название — «О крепостном состоянии крестьян в России. Исследование заданной от Вольного Экономического общества задачи: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» Впервые напечатано в журнале «Русский архив» за 1865 г. Печатается с сокращениями по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 2. С. 7—29.

[2] Безземельный батрак.

[3] Т. е. повседневный опыт.

[4] От слова *«.подлый»* — бедный, простой.

[5] *Илоты* у лакедемонян — государственные рабы в Спарте; *пенесты* у фессалян — рабы у фессалийских землевладельцев в Древней Греции.

[6] Древнегерманские племена.

[7] Провинциальный суд существовал до 1775 г.

БАТУРИН ПАФНУТИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Сведения о жизни и деятельности П. С. Батурина отрывочны. Родился он предположительно в 1740 г. в семье дворянина-однодворца. Неизвестно, учился ли он. В четырнадцать лет П. С. Батурин начал военную служ-j бу в одном из гвардейских полков. В 1756-1762 гг. принимал участие в Семилетней войне,! побывал в немецком плену и в это время, вероятно,— во Франции и Италии. В чине капитана вышел в отставку, но в 1770 г. вновь был определен на военную службу. Был участником войны с Турцией; в одном из боев получил тяжелое ранение. Окончательно выйдя в отставку, П. С. Батурин служил в судебных органах — ' был судебным советником в Калужской и Тульской губерниях, а в конце жизни — на Украине: в Киеве, Несвиже, Житомире.

П. С. Батурин был образованным человеком, знал несколько языков, переводил книги, увле-. кался естественными науками. Его работы пест- , рят ссылками на исследования Бойля, Прист- з ли, Лавуазье, Ньютона, Гартли, Бюффона. Любил он также музыку и театр.

П. С. Батурин — автор нескольких переводов и оригинальных работ, самая известная из которых — «Исследование книги о заблуждениях и истине». Она была издана анонимно в 1790 г. в Туле. Лишь в 1918 г. после опубликования обнаруженных «Записок» Батурина стали известны обстоятельства появления этой книги. В «Записках» названы и другие работы, а также ряд произведений, не напечатанных им. В предисловии к книге «Краткое повествование о аравлянах» (1787) он сообщает, что в 1785 г. пытался издавать журнал, *но* это ему не удалось.

Умер П. С. Батурин в Минске в 1803 г.

СОЧИНЕНИЯ

1 *Батурин П. С.* Краткое повествование об аравлянах Калуга Б и, 1787 X, 2 186 с
2 *Батурин П. С.* Записки 1780—1798 // Голос минувшего 1918 № 1 — 3 С 47—78 №4—6 С 173—210, №7—9 С 99—133
3 *Батурин П. С.* Исследование книги о заблуждениях и истине // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века Т 2 С 393—532

ЛИТЕРАТУРА

1 *Плимак Е. Г.* Из истории борьбы материализма и идеализма в 18 веке (П С Батурин и Сен-Мартен) // Вести, мировой культуры 1960 №4 С 96—106
2 *Щипаное И. Я* Просветители второй половины XVIII в Пафнутий Сергеевич Батурин // История философии в СССР М Мысль, 1968 Т 2 С 55—56

ИССЛЕДОВАНИЕ КНИГИ О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И ИСТИНЕ '

[...]Мы за долг почитаем издать наши замечания на собрание странных нелепостей, происшедших от беспредельного притяжения личной пользы и безумного тщеславия, дабы предубежденные сокровенною премудростию каббалистико-метафизического учителя могли видеть, что под покровом мнимых таинств ничего, кроме надменности, особенных выгод, лжесловия и уклонения от здравого рассудка не заключается и что всякий удобно усмотреть

может, на каких благоразумных догматах она утверждается.

Главное содержание оных состоит в следующем:

Человек в первобытном состоянии не находился на земле и не имел телесного сего покрова, каким он ныне одет.

Надлежит стараться ему возвратить первые его права, которые делали его царем вселенныя.

Приближением к первобытному свету он приобретает владычество и право рабства над подобными себе.

Квадрат есть изображение божества.

Музыкальное согласие совершенного строя также показует нам образ оного.

Во времени есть причина, богом сотворенная, действующая и разумная, которая всем вещественным существом управляет; человеку надлежит достичь до понятия ее, дабы приближиться к первобытному состоянию.

Все вещи телесные имеют начала бестелесные, например: дерево, камень, минерал существует началами бестелесными.

Доброе и злое начала в свете царствуют и друг другу противодействуют.

И еще другие пункты столько же разногласны со здравым смыслом, сколько и политическим установлением, что легко всякий увидеть может в умствовании его, противном рассудку, о происхождении начальственной власти.

Никогда благоразумный и чтущий справедливость примечатель не будет вместо деяний натуры, многократными испытаниями утвержденных, предлагать свои уверения, не получившие, так сказать, клейма истины, неопровергаемыми доказательствами на них наложенного. Дерзость сия, может быть, только сопряжена со лживым знанием или с предубеждением снисходительного собственных своих произведений одобрения, заставляющего почитать их совершенными. Обладающий справедливым учением ничего без вернейших объяснений, учинившихся долговременными наблюдениями несомненными и ощутительными, не предлагает; но мечтающий умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположениями, повелевает читателям принимать их за истинные пружины всего естества, несмотря на то, что существо оного и текущее обращение его не воображением познаемо быть может, но вопрошением рачительнейшего испытания натуры, которая отрицает всякое откровение в себе пустомыслен-

ности, изображающейся суесловием, но обнаруживает себя только тем, кои прилежанием и трудолюбием тщатся проникнуть в творения ее. [...]

В редком писании высокомерие и гордость сочинителя являются с такою надменностью, с какою в книге, служащей предлогом нашему исследованию, ибо автор в предисловии своем говорит, что он «за долг почел ради пользы себе подобных свергнуть страшный покров, коим в теперешнем состоянии одета наука», то есть что весь род человеческий, кроме его, пребывает в глубоком невежестве и что одному ему вся премудрость и познание истины открыты. Но по несчастию подобных ему, учение его так темно, что он и сам признается, что немногие разуметь оное будут, прибавляя еще к тому, что он иногда предлагать будет совсем иное, нежели о чем говорит. В таком случае на что было делать ложное обещание, когда он сам знает, что пишет непонятно; а «страшный покров» ничем иным свергнуть не можно, как ясным истолкованием предлагаемых доказательств.

Он объявляет читателям своим, что он «за не нужно почел ссылаться на какие-нибудь свидетельства, для того что истины, на единых токмо свидетельствах основанные, не были бы уже истинами». И потому он повелевает почитать истинами токмо те, о которых он будет сам свидетельствовать непостижимым и сокровенным образом. Но сие предложение свидетельствует неправильность рассуждений его, ибо есть много истин, о которых верные свидетельства всякое сомнение отъемлют и без коих они и не были бы истины. Свидетельств не требующие истины суть токмо те, которые мы или физически познаем, или действием здравого рассудка имеем о них понятие, столько же нас о существовании оных уверяющее, сколько и чувственное ощущение.

Если вещь полезна и составляет благо человеческое, на что писать о ней невразумительно и с притворною темнотою? Не есть ли долг любящего себе подобных изъяснить оную, чтоб всякий мог понять и восчувствовать пользу, от нее проистекающую?

Он говорит, что не от него произошло учение, проповедуемое им, но от природы. Никакое учение, откуда бы оно ни произошло, а наипаче такое, которое близко блаженства человеческого касается, не долженствует проповедываться непостижимо и сокровенно; таковой образ обманчивого наставления и употребляем токмо одними

тщеславными и лживыми учителями, дабы мнимую свою премудрость покрыть некоим мрачным изречением, под которым бы ничтожность знания их удобно сокрыться могла. [...]

Надлежит признаться, что мнимые его тайны и смелость уверять противоречивыми рассуждениями, что он свыше всех других понятием своим, долженствует произвесть во всяком здравомыслящем читателе отвращение от столь наглого его тщеславия и самохвальства.

Говоря о человеческом теле, он так изъясняется: «Сие вещественное тело, которое мы носим, есть орудие всех наших страданий... оно содержит нас в мучении... ибо мы видим, сколь ужасные производит оно действия;» потом чрез несколько строк утверждает, что оно служит защитою и предохранением против опасностей, нас окружающих. Трудно согласиться, как тело наше в одно время творит мучения наши, производит ужасные действия и служит нам предохранением. «Сие есть мнение,— продолжает он,— мудрецов всех времен; первое их упражнение состояло в непрестанном соблюдении себя от представляемых сим телом мечтаний». Мы можем ему длинный реестр представить всех времен мудрецам, которые такого немного понятия о теле человеческом не имели; следственно, сие есть мнение не всех мудрецов.

В описании его трех царств натуры такая же темнота и мнимой важности скромность владычествует. «Животные,— говорит он,— не имеют нужды быть неотделимы от земли; но получают плотское свое бытие от теплоты матерниной». Какое важное открытие, что нет нужды животным быть в земле укорененным! Однакоже он запомнил, что без содействия отцовского теплота матернинекая не в силах дать плотское бытие произведениям своим. «Растения суть плодотворимы двумя силами», но какими — он умалчивает. «Минералы происходят от трех действующих сил» сокровенных, ему только известных, «и три действующие силы, их составляющие, им не принадлежат». Вот странное учение! Силы, составляющие вещь, к ней не принадлежат! Когда силы оную составляют, то они суть части ее. Как же могут составляющие части вещь к ней не принадлежать? Все то же сказать: вещь существует и не существует.

Затруднение различать минералы от растения происходит, по мнению его, от того, что «разность родов существ телесных всегда содержится в пропорции геометрической

четверной». Таким образом, между камнем и дубом, между журавлем и быком находится четверная геометрическая пропорция. Читая таковые нелепости, мне кажется видеть Моллиерова Скангарелу [2], который в уверении, что его никто не разумеет, с пышностию произносит: «субстантивус», «дативус» и проч. Господа Бюфон и Бонет [3] совсем'другим образом в натуральной истории делают свои рассуждения. [...]

После сего он опровергает все нынешние физические познания, имеющие на вернейших испытаниях основания свои, и предлагает новое учение о существе вещей; но, по несчастию, противоречия его, невразумительность и утверждения, никакими опытными доказательствами не подкрепленные, не только не предупреждают в пользу оного, но противоборствуют каждого соглашению на новые предлагаемые им естества законы, на одной мысленной теории основанные, коих умножение распространяет густейшую мрачность и замешательство в физике мечтающего писателя и заставляет думать, что он новый образ творения вещей почерпнул в собственном своем воображении, распаленном от напряжения к понятию метафизических и не находящихся в естественных пределах существ. [...]

«Разделять образы вещества,— говорит он,— не есть разделять сущность его». Никто о сем не сомневался; но раздробление тел посредством химии обнаруживает начала оных и руководствует к познанию существа сих начал. Он уверяет, что «рука человеческая не может разрушить состав вещества». Ни один испытатель натуры не утверждал, чтобы можно было вещественное бытие превратить в небытие. Сие учение свойственно только новому строителю естественных законов. Чрез несколько строк ниже он прибавляет, что «человек не может произвести в веществе ни малейшего разделения; чем паки доказывается,— говорит он,— что сие телесное начало есть едино и просто и, следовательно, не есть вещество». Начало невещественное не может входить в состав вещей телесных и бездушных и быть их сущностию; то же сказать: ничто составляет что-нибудь; таковое утверждение будет не совсем благоразумно. Что начала вещественные должны быть просты и неразделимы, в том примечатели естества никогда не сомневались. Хотя и не все одинакового мнения о сих существенных началах естественных тел, однако все соглашаются, что оным должно иметь един-

ство и неразделимость. Некоторые трудолюбивые и искуснейшие из них полагают быть началам вещества, так, как и все физичные химики признают за таковые четыре стихии, которые входят в состав всех сложных вещественных тел, ибо оные никакое искусство по сие время разделить в совершенности еще не могло; может быть, что они и сами суть сложные, но как никакие испытания в том не уверяют, то они и остаются началами всех тел сложных, ибо по раздроблении каждого из сих последних всегда все стихии или некоторые выходят и остаются уже неразделимы.

Он уверяет, что примечатели ошибаются, когда думают, что на место разрушающихся тел и исчезающих в глазах их, вступают другие тела; однако потом тотчас соглашается и говорит: «Я согласен с ними в рассуждении вседневного течения натуры; вижу, что все образы тел родятся и погибают; вижу, что на их места вступают другие...» Сперва отрицал, а потом согласился! Таковые маленькие неосторожности нередко с высокопарящим мудрецом случаются; однако он исправляет сию, прибавя, что «сие изменение совершается только в телах, которые суть преходящие, а не в началах, которые от того ни малейшей перемены в себе не терпят...» [...]

Но мы уже видели, что когда он своих рассуждений развязать не может, тогда он извиняется или непозволением, или препятствием, происходящим от его долга и намерения; в теперешнем же случае он нашел другое средство к защищению себя от упрека в непостижимости проповедывания своего — то, чтоб признаться, что ему неповерят, в чем он и не ошибается и думает благоразумно. Но сею притворною отговоркою он хочет показать, что он удостоен откровением и ни в чем обманываться не может; а тем самым и подает причину подозревать, что для утверждения своих начал и дабы не допустить до вышепоказанного необходимого заключения, *он* хочет сказать, что сии начала, одушевляющие телесно вещество, не суть божество, но существа бестелесные творение божие, сниспосылаемые обитать в земное вещество; ибо на другой странице он уже точно сими словами подозрение наше утверждает. «...Малейшие частицы вещества не могут существовать, ниже понимаемы быть, не будучи содержимы и одушевляемы своим началом...», А еще немного далее уже яснее го [во] рит и подтверждает, что «из сих начал каждое по окончании своего действия

долженствует возвратиться к первому своему источнику...»

Сия наука о истечении от божества начал, проницающих во все вещество, издревле преподаваема была индийскими философами; после владычествовала между аравлянами[4], которые думали, что бог сотворил великое множество духов, дабы всякий из них имел управление над естественными телами, в ведомство каждому назначенными; оттого и произошло обожание звезд и симулакров[5], или вещественного представления сих мнимых правителей натуры. Потом в Персии последователи Зороастра верили, что от источника света, называемого Мифра, боги, непосредственно происшедшие, участвовали во всей полноте света и божественности его. Но последующие постепенно за сими истечения произвели, наконец, богов, которые были уже совсем отдалены от первого совершенства и полноты. Божественная сущность в них ослабевала по мере их удаления от общего источника, и они тем больше были несовершенны, чем более приближались и заимствовали темноты. Таким образом происшедшие духи наполняли расстояние между богом и веществом и управляли в небесах, в воздухе и на земле; будучи могущественнее душ, которые суть так же истечения, но только в дальнейшем расстоянии от первого источника, они принудили их соединиться с телами и претерпевать бедствия телесной жизни. В первом веке некто, называемый Менандр[6], возобновил заблуждение Зороастра, что неисчисленное множество духов, истекших от первого существа, сотворили свет и человеков; что некоторые из сих духов заключили по злости или по бессилию своему душу человека в телесные органы, в коих она попеременно испытывает и удовольствия и страдания, которые прекратятся смертию.

Сверх сего, хотя он и отделяет от вещества бестелесные его начала, дабы сокрыть подобие учения своего со мнением славного атеиста Спинозы, но несмотря на его в том старание; весьма ощутительно, что присоединение бестелесных начал ко всякому веществу, какое бы сие вещество ни было, весьма сходствует с безбожною системою Спинозы, который уверяет, что во всей натуре есть только одно существо, имеющее в себе бесчисленное множество разных свойств и способностей, между коими находятся протяжение и способность мыслить; а оттого и мечтал он, что все тела суть образы и изменение оного

протяжения, а другое — бестелесные существа, так, как, например, души человеческие суть изменение мысли, сопряженной со всеобщим существом, представляющим себя разными видами, кои действуют и бытие свое имеют по необходимости. Сие пагубное заблуждение отпадшего евреина многими ученейшими людьми совершенно и удовлетворительно было испровергнуто, коим поборствовал и Фенелон, епископ Камбрейский, муж известный честностию своею и чистотою нравов. Но какое бы существо, содержащееся в земном веществе, по мнению нашего исповедателя, ни было, однако то верно, чтобы неприятно ему было заключаться некоторое время в насекомом или в какой нечистой материи, которую называть здесь неблагопристойно.

Он придает к вещественным своим началам еще другое начало — творителя всему веществу, называя его вторым началом, и так благоразумно рассуждает: «Вещество, будучи произведение второго начала, нижайшего и подчиненного иному началу, всегда находится в зависимости и того и другого, так что для продолжение бытия его необходимо требуется взаимное обоих стечение,, ибо известно, что, как скоро которое-нибудь перестает' действовать, тела разрушаются и исчезают».

Но мы скажем, что неизвестно и ни один читатель; о том не сведущ, так, как он и сам. Можно сказать: «известно» тогда, когда предлагаемое в самом деле всем-* известно, а не о том, чего никто не знает; ибо когда кто рас* суждает о вещи, ему известной, то оный говорит ясн" и не противоречит сам себе так, как наш странный про-;, поведник. Он разумеет под иным началом первое начало^ коему второе подчинено, то, не уменьшая власть и дей ствие первого, не можно требовать стечения второго на* чала, чтоб тела не разрушались. Но в вышепредложен*; ных последних его строках находится еще другое проти воречие; когда вещество есть произведение второго начала, то бесполезно было бы требовать к существованм оного воспособления первого начала, потому что оно? есть произведение второго начала, и, не унизя первое; не можно призывать его к сохранению творения другогс начала, нижайшего и подчиненного ему. Не можно верит. чтоб наш темный писатель искренно говорил; а если под* линно воображение его так сильно в нем действует, чт он мечтания свои почитает за существенные истины, в та* ком случае не можно не сожалеть о его заблуждения^

и потому должно признаться, что половина названия книги его совершенно справедлива.

После сего он опровергает пространными, но темными и странного противоречия доводами естественное деяние, кое из вещества производит попеременно разные образы. Но чем он ежедневно видимые вещественные деяния отрицает? Он соорудил новое начало, которое во множестве его начал еще не являлось: начало растущее, которым он снабдил землю особенно, сказав, что сие начало ей свойственно, «и к которому необходимо нужна,— прибавляет он,— внешняя причина, которая есть не иное что, как огнь небесный, или планетный, которая бы приводила в движение сие начало, дабы сила его оказалась. То же сказать должно и о телах частных...»

Сколько в сих строках упорного рассудку сказано! Когда «о частных телах должно сказать то же», стало, их растущее начало независимо от растущего начала земного; стало, земля имеет растущее начало только для себя. На что же ей его для самой себя, если не для того, чтоб ей расть? Итак, по мнению его, земля растет, как и частные тела. И что такое растущее начало? Сказывает ли оно, каким образом действие растения происходит? Физика должна иметь свои основания на испытаниях и доказательствах; но сказать «начало растущее» — то же, что сказать «земля плодотворящая», «солнце сияющее», «луна, по своему кругу обращающаяся», что не есть истолкование, но токмо одно объявление. Когда тела частные имеют такое же особенное растущее начало, как и земля, и в помощь себе огнь небесный, то к какой же должности он определяет бестелесные свои начала? Ежели они от вышнего источника сходят в тела, только чтобы находиться в них без действия, а по разрушении их опять к оному возвратиться, то прибытие их и присутствие в телах совсем бесполезно.

«Внешняя огненная причина,— продолжает он,— производя отражательное действие, скоро бы преодолела действие начал неразделимых и разрушила бы их свойства, если б помощию существ питательных не возобновлялись силы их».

Какое странное противоречие! Не он ли утверждал, что начала его неразделимы и неразрушимы, а отражательное действие могло бы их разрушить; однако чему [0г]нь небесный делает отражение, того он не сказывает; может быть, долг его или намерение препятствуют. [...]

Он уверяет, что тела нечувствительно умирают, исче« зают и уничтожаются. Однако он не почел за нужное* объяснить, как делается исчезание сие, всем физикам непо-{ нятное, а требует так, как и во всем его учении, чтоб ве-рили ему на слово его. Но если бы сия невразумительна" система подлинно и действительно быть могла, то б еж^. дневное исчезание тел уже давно земной шар разруши; как сим беспрестанным исчезанием, так и тем, что ее*. тественное взаимное притяжение тел в рассуждении вели! кости и тягости их при первом уменьшении глобуса нам: обитаемого, прервав бег оного по пути своему, привлекл бы его к телу, превосходящему его силою притяжения' и господин премудрый писатель не имел бы удовольстви соплетать темные и мечтательные свои рассуждения, н" покрываться покрывалом для блага себе подобных. Есл же он хочет сказать, что первое начало, или истин или закон существенный, коими выражениями он с уми-ленною тонкостию называет божество, присылает на мес~ исчезающих веществ другие, то не удивительно, что в в ображении его возродилось такое мнение, ибо и отраж тельные действия могли найти место в голове его; никакой рассудительный читатель не примет дерзкс мнения, чтоб божество всякое мгновение для нас упра* нялось в творениях, его недостойных. Довольно и тс что оно своею щедротою дало бытие всему вещесщ и тварям, в оное включенным.

В подкрепление системы своей мнимого исчезает он присовокупляет, что телесное разрушение не иначе вершается, как отлучением вторых истечений, оставшнж ся в трупе после невещественных начал. Надобно д:' мать, что сии вторые истечения суть поверенные бестч лесных существ, возвращающихся к источнику своему и *а* себе их оставляющих докончить разрушение тел, *ж* оживотворявших. Сии истечения он почитает средоточие той части, в которой они пребывали. Не можем «н признаться,— говорит он,— что тела, части тел, что в вселенная есть сборище средоточий, понеже видим, чш тела постепенно исчезают. Если же все есть средоточ»" и ежели все средоточия исчезают в разрушении, то *чТ%* же такое от тела разрушенного останется, которое б могло составить части бытия и жизни новых тел" Не можем и мы не признаться, чтобы он не был сам доточие развращенных поврежденного разума рассу;: дений. [...]

Мы не престанем повторять, что нельзя человеку более
адменным образом и несправедливо приписывать себе
нобщее знание не только естественных существ, но
и за пределами оных находящихся. Ни один испытатель
не утверждал, что в естестве сущность одна; но что все
тела составлены из четырех стихий, то все упражняющи-
еся в познании естества как физики, так и химики постоян-
но и непременно в испытаниях своих сию истину находят.
д\ы увидим после, для каких причин он изгнал воздух
из числа стихий, составляющих все естество, которые
силою непременного движения, данного всевышнею дес-
ницею всему веществу, все образы оного составляли и со-
ставляют? Врожденные же начала, им вымышленные,
суть начала бестелесные; то мы вопрошаем, есть ли
кто, прилежно рассматривающий деяния натуры, который
бы мог утверждать, что вещь нетелесная может составить
вещь телесную? Он напрягает все силы воображения сво-
его, столь плодовитого юродливыми мечтаниями, дабы со-
орудить здание системы вещественной на основаниях не-
вещественных, обитаемое разных чинов существами бесте-
лесными, и, окружа его густейшею темнотою, дабы сла-
бость построения была неприметна, старается вовлечь
в оное неосторожных читателей, кои, прельщаясь достиг-
нуть блаженства, познакомиться с невидимыми обита-
телями оного и наслаждаться собеседованием их, мнят
проникнуть мрачность, окружающую сей храм мечта-
тельности. (...]

Теперь мы прейдем к рассмотрению, для каких при-
чин он исключает воздух из числа стихий; они пока-
жутся не очень согласны с здравым рассудком; однако
новый пророк уверяет, что они достаточны для утвержде-
ния трех стихий, ибо, говорит он, «натура показывает,
что в телах находится три только измерения; три только
возможные находятся разделения во всяком существе,
имеющем протяжение; три только находится фигуры в гео-
метрии; три способности, врожденные во всяком сущест-
ве; три только мира временные; три только степени очи-
щения человеческого, или три степени в истинном в[оль-
ном] к [аменщике], словом, в каком ни рассматривай
виде сотворенные вещи, нигде не можно ничего найти сверх
трех».

Что три находится только измерения в телах и три фи-
гуры геометрические, то должно быть трем стихиям. Вот
изрядные физические основания! три только мира времен-

ные, три человеческие очищения, или степени в [оль-
ного] к [аменщика] — верные тому доказательства, Ф
нельзя не увериться, чтоб не было трех миров временных^'
Он разумеет тут три мира временные те, которые, по
учению пред ним возвещавшего лжесказания Шведе»--?
бурга, суть: первый — мир ангелов, второй—духов, ф
третий — сей естественный. Хотя сие и противно моруМ-
ществу божию, которое, может быть, неограниченное'
число миров создало, но для системы его и для изгнав
ния воздуха из стихий ему столько оных потребно!-
Три очищения человеческого! Мало! Человек чем больше
может очиститься, тем спасительнее. Потом еще при^а
совокупляет: «Итак, надлежит здесь сказать, что сама*
тленность тел показывает тленность и основания щ
и противоречит тому, что сущность их поставляют в Ч^
тырех стихиях; ибо если бы состояли они из четырех ст
хий, то были бы нетленны, и мир был бы вечен; но ка
они составлены токмо из трех, то для того и не имею-"
бытия постоянного, понеже не имеют в себе единицы.
В сих словах глубоко мечтательное его таинство есть тс
что если бы тела имели четыре стихии, то бы имели и едк
ницу, числа, которые в сокровенной его науке означаь
божество, и потому мир, будучи божественный, был б'
вечен. Не доказывается ли сею нелепостию и пустою важ.
ностию, кроме химер, ничего в себе не замыкающе::
что гиерофант новых таинств для тщеславия и гордоГ
самолюбия своего говорит противу всеобщих понятий
естественными испытаниями утвержденных? Он дополняе
благоразумные рассуждения свои, сказав: «Сие весьм'
ясно для тех, которым известны истинные законы ЧУ
сел». Арлекин в итальянской комедии, рассказывая не
понятный вздор, наконец, прибавляет: «Это очен:
ясно».[...]

Странный способ преподавать учение: начать предлг
гать оный и вдруг сказать, что оно есть таинство человек
и для того нельзя о нем говорить, не наруша скромност
и не подвергаясь опасности! Если он писал свои рассу;
дения, чтоб просветить читателей и показать им истин"
то безрассудно умалчивать о том, что может служит
к сей цели; если же он для того писал, чтоб его не разумел"
то такое бессмысленное предприятие невероятно, и никт
с сим намерением не пишет, ибо никто не желает тру-
диться вотще; потому явственно оказывается, что нам"
рение тщеславного метафизика не есть научить читат

тому, что непонятно, но только уверить непостижи-
ля м пр'оповедыванием о мнимой своей премудрости,
мь' будто бы божеством в него вдохновенна; но
кие ая заблуждение его должно причислить ко всем другим,
с которые вовлекло его тщеславие. Ныне уже не есть
в невежества и непросвещения. Химеры и потаен-
мя ные качества находят в здравом рассудке неукротимого врага, который преследует их во всех мрачных и пустозвучных выражениях — обыкновенное убежище оных; а философия, сопровождаемая испытаниями, не позволяет верить как тому, что утверждено сими последними
и посвящено ими в чин вещей несомненных и истинных.

«Но сие», то есть то, что он далее говорить не может, «не препятствует признать со мною во внутреннем или в разумном человеке вес, число и меру...». Но мы спросим его: какое он имеет право требовать, чтоб безо всяких доказательств верили противоречащим его рассуждениям? Тем ли он приобрел сие право, что непонятные его предложения представляют повсюду мнимую сокровенность? Тем ли, что он изъясняется с бесстыдством шарлатана, старающегося ослепить слушающих его? Тем ли, что он показывает себя пророком, имеющим сообщение с некоим бестелесным существом, ему только известным? И, наконец, тем ли, что, запутавшись в безысходных стезях системы своей о существах невещественных и сверхъестественных, он невразумительные истолкования свои иначе решить не может, как сказав, что ему долг или опасность далее говорить о них не дозволяют?

Итак, по его наставническому тону читателям надлежит верить, что «вес, число и мера» их предохраняет от ужасного замешательства и научает познавать, что «человек разнствует от существ телесных».

После бредней числа, веса и меры он уверяет, что. в человеке находятся два начала бестелесные. «На невещественном начале человека,— говорит он,— а не на иной какой части вещества опочивает начало его разумное; с ним-то оно совокуплено на время всевышнею десницею, осудившею его в сие узилище; однако по естеству своему оно господствует над телесным началом, как и телесное начало господствует над телом...» Из сего значит, что он проповедует о существовании в человеке
Ав ух душ, из которых одна другой находится подчинению: первая обитает в голове, а другая — во всем теле,

которую он называет телесным началом. Итак, прибавля-4 ет, «нельзя уже нам сомневаться в том, что она в верхней* части тела, или в голове, как выше показали мы, являет все свои способности; одним словом, она употребляет J сие начало...», то есть вторую душу, подчиненную ей и названную телесным началом, «к исполнению чувствен- ных дел сих способностей. Сим-то средством ясно распо» знается обиталище и должность двух разных начал; человека». Вот какие доказательства упрекающий других в искании химер называет ясными!

Для такого же ясного доказательства другой души! в человеке, или так, как он называет, бестелесного? начала, он вопрошает: «Для чего человек, лишившийся по случаю которого-нибудь члена, несколько времени име* ет чувствования, которые кажутся быть в том члене, коег" уже он не имеет?» ,г

Вопрос его тщетен и излишен! ибо никогда не бывас чтоб человек чувствовал боль в отнятом члене тела СВОР его, понеже с самой той минуты, когда нервы отнято" части отсекутся от нерв целого тела, имеющих из моэ~ исхождение свое, тогда престает всякая чувственная с; общность между отнятою частию и целым телом, кроме того, что сия справедливость всем физиолога известна, один из нас собственным своим испытанием м жет уверить, что не только отнятая часть, но и та, к горая еще не совсем отделена, а только претерпе разделение нескольких нервов своих, теряет чувство п мере большего или меньшего числа сих нервов, лиши; шихся сообщения с теми, коим они служили продс жением. [...]

Рассуждения его в политике не меньше являют особ ливости и таковых же странных начал, на каковых б" соорудил метафизическое свое учение о естественны*! познаниях, ибо он уверяет, что не могло никак быть^ чтобы насильство и хитрость руководствовали к учре» дению первоначальной власти или всеобщее согласи служило бы к составлению политических тел. Насил* ство — потому, что прежде оного предполагаются nacrj хи и земледелие; а общего согласия всех отдать влас" в руки единого или нескольких людей не бывало и бы никогда не может, для того что «требуется соглашен бесчисленных мнений, которое еще никогда между люд"' ми не встречалось».

Он представляет себе первоначальные общества стол*

же многочисленными и обширными, как и нынешние; Ко люди толпами, как всем известно, кроме нашего про- но ед_Нника, без законов никогда существовать не могли; и "отому неоспоримо, что первоначальные общества не что иное были, как разные семейства, и старшие из них давали законы. Сии законы имели свою важность, потому что всякое семейство, размножаясь, составляло так как бы народ особливый; когда же оные становились многочисленнее и занимали больше пространства, тогда первые законы были недостаточны, и надобно было употребить власть сильнейшую, нежели отцовскую и родственную. И для того по мере размножения семейств и соединения их в общежитие надлежало вручить власть поставленному правлению, состоящему в одной или нескольких особах; а от сего и сотворились государства и общества, повинующиеся поставленным в оных законам. Почему легко было возможно, что в начальных обществах нашлись люди, которые по обстоятельствам и по свойственному своему сложению или из видов полезных рождающемуся обществу, или для собственных выгод покоряли оные под свое начальство. Следственно нельзя отринуть, чтоб хитрость, проворство, а потому и насильство не руководствовали в первых обществах к притяжению в одни руки начальственной власти.

Оттого что невозможно во многочисленном собрании быть всем согласным во мнениях, он приступает к главнейшему предмету учения своего, о коем заблудшее его честолюбие принуждает его говорить уже не символами и не загадками, ибо он без покрова вопрошает: «Имеет ли человек право вступить в какое обязательство, то есть чтоб обязаться повиновением правительству, и согласно ли с рассудком полагаться на те обязательства, которые он сам составил?» Но согласно ли с рассудком делать такой вопрос? Кто ж будет за него делать обязательства, и на чьи же обязательства ему должно полагаться, если не на свои? Он хочет вразумить, что когда человек не имеет права вступать в обязательства, то не имеет и долга хранить оные. Такое противоположное общественному устройству рассуждение противно всем Установлениям человеческим и праву естественному, которое научает обязательства свои хранить свято и нена-РУшимо. [...]

Он часто упоминает, что недостатки правлений произошли от того, что общежительства составлены человече-

скою рукою и без помощи закона, «долженствовавшего дать им постановительное утверждение». Весьма странно, что закон, который долженствовал дать постановительное утверждение всем обществам и их правлениям, пренебрегал в толь важном деле исполнять определение свое и ожидал токмо пришествия в свет высокомысленного проповедника, чтоб начать исполнение своего долга! И возможно ли премудрости божией создать для пользы человеков закон, который бы столь долгое время пребывал бесполезен! Но видно, что такая бедственная сего закона беспечность произошла только для того, чтобы прославить угодника оного, или действующей причины, приобретшего право рабства над подобными себе и готовящегося ниспосланным ему от нее светом управлять обществами, недостаточными в своих законоположениях и удалившимися от светильника, к коему он так близко приближился.

Но всего чуднее, что после охуления всех правлений и утверждения, что царям надлежит быть только тем, которые менее удалились первобытного своего состояния, он колеблется в смелости своей и с некоторым видом робости, ходатайствующей извинение ему, говорит, что «правление одной особы не подлежит к сему моему мнению».

Как можно согласить сие противоречие и другие подобные, коими он ищет пред самодержавною властию оправдаться, с сими словами, в точности изражаемыми: «Когда прочие люди не употребили тех же стараний и не имеют ни тех же успехов, ни тех же даров, то явствует, что тот, который имеет пред ними все сии преимущества, должен быть выше их и управлять ими». Потом на той же странице 278 так изъясняется: «Ежели сие затемнение» (способностей) «в человеке дойдет до развратности, то тот, кто предохранил себя и от того и от другого, становится его владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу». Не явствует ли как из сего, так и из прежних его предложений, отрицающих право человека подчинить себя верховной власти, что учение его подлежит более к правлению одной особы, нежели к правлениям другого рода, и что луч в нем здравого рассудка противоборствует тщеславию и гордости его и что, желая сохранить первый и удовлетворить последним, он только обнаруживает лживые свои сокровенности и старается для воображаемых выгод себе наложить

«покров» повиновения и покорности на учение, которое открытно повиновению противоречит.]...]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Исследование книги о заблуждениях и истине» вышло анонимно в Туле в 1790 г. Лишь в 1918 г. после публикации отрывка из записок П. С. Батурина стало известно, что именно он является автором «Исследования». Печатается с сокращениями по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 2. С. 393—532.

[2] *Сганарель* — персонаж пьесы Мольера «Сганарель, или милый Рогоносец».

[3] *Бюфон* (Бюффон) Ж. (1707—1788) —французский естествоиспытатель. Бонет (Бонне) Ш. (1720—1793) —швейцарский философ.

[4] *Аравляне* — арабы.

[5] *Симулакр* — призрак.

[6] *Менандр* — христианский богослов.

НОВИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Николай Иванович Новиков родился в селе Тихвино-Авдотьино Московской губернии в 1744 г. в семье небогатого помещика. Получив начальное образование дома, с 1755 по 1760 гг. он обучался в гимназии при Московском университете.

В 1762 г. Н. И. Новиков переезжает в Петербург и поступает на военную службу рядовым в Измайловский гвардейский полк. В это же время начинается его литературная деятельность.

В 1767—1768 гг. Н. И. Новиков работает секретарем Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Эта работа стала для него подлинной школой жизни, познакомила с противоречиями русской действительности.

После роспуска Комисси Н. И. Новиков начал издательскую деятельность и в течение ряда лет издавал свои широко известные антикрепостнические сатирические журналы «Трутень» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774).

Под давлением правительства просветитель был вынужден закрыть эти издания одно за другим.

После Пугачевского восстания Н. И. Новиков вступил в масонский орден. Хотя он и сочувствовал многим положениям масонского учения, своим просветительским идеям остался верен.

В 1779 г. Н. И. Новиков переехал в Москву, где, используя материальные возможности масонского ордена, арендовал типографию Московского университета. В 1784 г. он создал «Компанию типографическую» и начал издавать журналы «Утренний свет» (1778—1780), «Московское издание» (1781), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784) и др., газету «Московские ведомости», а также сотни наименований разнообразных книг по всем отраслям науки и культуры, в том числе по философии, переводы Руссо, Вольтера, Монтескье, Локка, французских энциклопедистов, оригинальные работы русских писателей. Он также организовал книжную торговлю в различных городах страны, открыл избу-читальню в Москве, две школы для детей разночинцев.

Просветительская деятельность Н. И. Новикова была насильственно прервана. В 1789 г. у него была отобрана университетская типография, а в 1792 г. по распоряжению Екатерины II без суда и следствия он был заточен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет, откуда на свободу вышел после смерти Екатерины II в 1796 г. Остаток жизни Н. И Новиков провел в своем селе Тихвинно-Авдотьино, где и умер в 1818 г.

Оценивая вклад просветителя в развитие русской культуры, В. Г. Белинский писал: «Этот человек, столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности),— имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Благо, родная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью — разливать свет образования в своем отечестве

ве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению» *(Белинский В. Г.* Поли. собр. соч. Т. 9. С. 671).

СОЧИНЕНИЯ

1. *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М; Л.: Гослитиздат. 1951. 744 с.
2. *Новиков Н. И.* Статьи и заметки из сатирического журнала «Трутень»; Статьи и заметки из сатирического журнала «Живописец»; Предисловие к первому изданию «Древней Российской Вивлиофики»; «Кошелек». Еженедельное сочинение 1744 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины **XVIII** века. Т. 2. С. 129—216.
3. *Новиков Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз. 1959. 256 с.
4. *Новиков Н. И.* Избранные сочинения // Н. И. Новиков и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 13—336, 481—515.
5. *Новиков Н. И.* Смеющийся Демокрит. М.: Сов. Россия, 1985. 368 с.
6. *Новиков Н. И.* О воспитании и наставлении детей (в сокращении); Рассуждения о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве; О раннем начале учения детей (в сокращении); О сократическом способе учения (в сокращении); Об эстетическом воспитании // Антология педагогической мысли России **XVIII** века. С. 189—346.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М.: Б. и., 1867. 560 с.
2. *Плеханов Г. В.* Деятельность Н. И. Новикова // Собр. соч. Т. 22. М.; Л., 1925. С. 288—332.
3. *Линькова Н. П.* Н. И. Новиков и его роль в истории русской психологии // Из истории русской психологии. М., 1961. С. 60—140.
4. *Дерйов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 370 с.
5. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени: XVIII век. Сб. П. Л.: Наука, 1976. 257 с.
6. *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское Просвещение **XVIII** века; М; Л.: Гослитиздат, 1951. 543 с.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ '

[•••]Если небо, землю, воду, воздух и огонь, словом, '• естество будем по намерению исследовать, то нам, первых, не иное что представится, как человек, для

коего все произведенное натурою достойно рассуждения. Величественное солнце со всем великолепным сонмом звезд было бы недостойно нашего внимания, если бы благотворящие оных влияния не показывали нам, что они немало споспешествуют нашему благу. Все три царства природы были бы для нас немногоценны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего оного сотворен владыкою. Все пространное поле наук и художеств преобратилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели б оные не стремились ко исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее. Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего преизящнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим; а из того и следует, что мы несправедливо судим,— и кто может сие великое и благородное самолюбие похулить, если человеков за истинное средоточие сей сотворенной земле и всех вещей почитаем! Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастие его.

Все мы ищем себя во всем: побуждающие нас к тому причины были бы слабы и недействительны, если б мы, предпринимая что-нибудь, самих себя или надежду нашего удовольствия, нашего счастия и благосостояния из вида упускали. И так нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе. Удивительно ли, когда с охотою внемлем разговорам о нас и если беспрестанно, алчем знати, что другие о нас рассуждают? Какое благородное движение души примечаем даже и в неосторожном юношестве, когда оного дела удостаиваем нашея похвалы? Самый непорядочный человек недолго будет противиться, если о его заблуждениях станут ему доказывать кротким образом. Итак, если бы возможно было, людей привести к тому, чтоб они сперва вообще себ/ как средоточие всех вещей почитали за образ благонравия и добродетели; тогда б мы каждого особливо находили склонным признавать себя за важную и достойну; часть сего средоточия.

Как вы, друзья мои, могли сомневаться в приобретении многих читателей такого издания, которое будет вещать о самих читателях, если только вы поста*

раетесь подавать помощь врожденному в людях желанию ко приобретению знания вашим искусным избранием сочинений.

Великим споспешествованием служить вам будет незнание многих, что до самих себя касается. Большая часть, странствуя мыслями по беспредельной обширности мира, ищут познания всех возможных, всех существующих вещей, а в своем собственном малом мире пребывают неизвестны и чужды. Многие науку *познания самих себя* не почитают за нужную и требующую великого прилежания: но яко не приносящую довольной пользы считают за домашнее ремесло и легчайшее ко изучению. Другие отчасти думают, что сей как лучшей науке тогда обучаться должно, когда уже все в их понятие вмещено будет. Иные же — и сколько есть таковых! — подвержены всегдашним непостоянствам, подобно алчным пчелам, летают от одного цвета познания ко другому; пространство сего поля и множество на нем красотою своею привлекающих цветов суть причиною, что они на сих прелестных полях теряются и никогда не могут возвратиться ко благоухающему *амаранту* самих себя. Наконец, другие, коих числом более всех, меняют нужные вещи на бесполезные; теряют прямой путь, почитая малость за нечто важное; и для того никогда сами до себя не достигают. Итак, удивительно ли, когда *познание самого себя* есть наука, между людьми мало еще известная?

Не можем отрещи, чтоб не было и таких людей, которые всю свою жизнь только в том проводят, что всегда взирают на себя; но они рассматривают одну поверхность человека. И сие их *познание самих себя* не то, о коем нам древние египетские и греческие мудрецы толь много превыспреннего и полезного обещают.

Таковое познание, друзья мои, не может вам в намерении вашем воспрепятствовать, но еще тем более способствовать будет, если вы некоторых, переменчивостию бабочкам подобных, со кротостию поставите пред *зерцалом истины* и покажете в оном путь, по коему могут они с поверхности тела нисходить во внутренность сердец их.

Все пространство поля высокого, среднего и общего *нравоучения* открыто нашему предприятому труду. Обрящем на оном некоторые места пусты и необработанны. Не будем страшиться насмешливых и уничтожающих остряков, которые *нравоучительные сочинения* за нечто ста-

рое и излишнее разглашают. Весьма униженную на свете добродетель возвести паки на ее величественный престол, а порок яко гнусное и человеческой природе противуречащее вещество представить свету во всей его наготе, таковых трудов и одно намерение уже достойно похвалы, хотя б душевные силы и не в состоянии оных поддерживать. Чем больше нам сердца наши подают важное свидетельство, что никакие другие намерения не будут упражнять нашего пера, тем покойнее и равнодушнее станем мы сносить и слушать все посмеяния и ругательства, касающие до нашего «Утреннего света», доколе, наконец, великое солнце все просвещающего *духа* посреди нашея тверди явится; и мы тогда с радостию в лучах его света исчезнем.

Человек, как я уже прежде сказал, есть нечто возвышенное и достойное. Священное откровение научает нас притом, что он прежде всех творений получил свое образование по образу всевышнего и что животворящее дуновение всемогущего даровало ему жизнь. Сие обстоятельство само по себе есть толь велико и важно, что может в нас вперить подобострастие к такой твари, которая самим творцом почтенна толикими преимуществами; следовательно, и должны мы важности сего дела соразмерные писания употреблять и важно о таковых свойствах вещати. Да будет нам дозволено с теми только людьми иначе поступать, кои сами свое высокое человеческое достояние ногами попирают и достойное почтения свойство уничтожают; которые противятся врожденным благородным побуждениям; отрицаются своевольно от чистых человеческих чувствований; такие люди, конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали и к чести человечества строже с ними поступали, нежели наша склонность ко кротости нам повелевает. И так всеобщая сатира да будет бичом, коим мы станем пороки и сих нечеловеков наказывать. Да будет также сие нерушимым для нас законом, чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки. Порок и человек, сии два предмета, должны в наших листах быть подобны двум параллельным линиям, которые вечно одна другой прикоснуться не могут. Станем, друзья мои, прежде всего стараться быть человеколюбивыми, дабы, все терпя и не касаяся личной укоризны, могли мы удобнее писать ко споспешествованию

добродетели; и если при сем предполагаемое нами всеобщее человеколюбие будет нам служить полярною звездою, то легко возможем пройти сквозь камни, нас окружающие, и сильное учинить нападение на одни пороки, злобу и бесчеловечие. [...]

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИЯХ К БОГУ И МИРУ [2]

Ежели захотим мы рассматривать человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо долженствуем разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим. Но ежели рассмотрения наши ограничим и на одну только внутренность его, то и тогда без прекословия долженствуем признаться, что в природе человеческой находится много такого, что внушает нас в истинное к нему почитание и искренную любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненнейшим искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредственно рачительного. Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечный цепи действительно существующих веществ.

Когда единожды во предисловии нашем изъяснились мы и обещали любезным согражданам нашим стараться мало-помалу познакомить их самих с собою и прежде всего высокое достоинство человеческое представить понятным, то и желали б мы усердно, дабы все почтенные читатели наши с самого начала возымели сие высокое понятие о свойствах человеческих: ибо мы предполагаем, что ни единый человек не может ни мыслить, ни Делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостию, не будет почитать себя важною частию творения.

Правда, есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много. Но мы остараемся доказать, что такой высокомерный гордеивец ни истинныя своея цены, ни высокого достоин-
[18]а человеческого отюдь не знает и превозносится тем,

что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств Богатство и знатность рода не точно проистекают из человеческой природы, следовательно, высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость Но кто хочет мыслить о себе возвышенно и гордиться человеческим достоинством, тот должен рассматривать себя совсем в других видах

Много было нравоучителей, да еще и ныне находятся между человеками пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком Иные думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия, и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мыслей

Вне человека находится высочаиший виновник природы и весь мир Итак, если мы восхотим рассматривать человека в отношении его ко всем веществам, вне его существующим, тогда долженствуем обозреть не токмо то, в каком отношении находится он к богу, но и сие, сколь тесно связан он со всемирным зданием

Когда рассматриваем мы, в каком отношении человек по естеству своему находится к богу, то всеконечно должно возыметь превосходное понятие о человеческой природе, если рассудить, что сия человеческая природа от бога проистекает, от него беспрестанно сохраняется и что он сам ее к тому употребляет, дабы открыть себя и свою славу, достойную обожания, и представить оную в мире светлейшую и блистательнейшую Богу было бы возможно произвесть другие бесчисленные творения· бесконечно многие иные от нас отменные люди суть возможны, и мы бы вечно пребыли в нашем *первом ничтожестве,* если бы наш творец не преимущественно нас извел из оного своим всемогуществом Он восхотел устроить мир, который бы его божества достоин и его премудрости приличен был И так при сем поступил он как мудрый строитель, который лучшие дерева, лучшие каменья и проч избирает, и потому мы надежно уверены быть можем, что понеже бог из всех возможных веществ,

которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как свое совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь нас предъизбрал. Всякое иное существо, сотворенное вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сем мире; следовательно, мы богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворенных для того, что он нас сотворил. И если великий и премудрый монарх восхощет возложить на кого важную должность и из множества особ, ему для сего представленных, единую изберет, тогда по справедливости заключить можно, что такое избрание той особе творит великую честь. Сколь же таковое избрание мало в сравнении со избранием всемогущего и премудрого творца! Благоразумнейший монарх во своем выборе может ошибиться: но всевидящий не может обмануться, следовательно по справедливости можем мы то для себя великою честию почитать и тем гордться, что бог нас из многих других возможных веществ в человеков избрал, человеками создал и человеками сотворил.

К сему еще следует, что он нас своим провидением от самого первого мгновения времени нашего бытия во веки веков сохранять хочет. Мы в тот же бы час погрузились паки в первое наше ничтожество, если бы творец нас, так сказать, не беспрестанно носил на своих дланях; если бы в наших действованиях ежечасно своим могуществом не действовал; и если б все окрест нас таким порядком не учреждал, чтобы мы беспрестанно жить могли. Когда же великий бог, господь господей ежечасно нами упражняется, то из того единственно следует, что он непрестанно о нас помышляет, что его бдящее око беспрестанно на нас и на наши малейшие деяния обращено и что он в нас ежеминутно действует. И так предписал уже он начертание всей нашей жизни даже до будущия вечности; и таким образом учреждает все, дабы сие начертание во всех его частях совершенно точно исполнено было. Какою же радостию и каким благородным возвышением духа сия мысль долженствует оживлять каждого человека особенно и всех совокупно, созерцающих все сие во всей важности и во всех отношениях! Колико радуются и колико гордятся служащие земному монарху, когда познают, что он об них часто вспоминает и часто уверяет о попечении своем о их благоденствии! Но коль далеко отстоят сии воспоминания и уверения от тех,

кои проистекают от существа всевысочайшего! Первые иногда бывают для некоторых только намерений, для других же позабываются и без действия остаются; да и одни неприятели наши часто разрушают все наше земное счастие: но в промысле божием о нас сего изменения не долженствуем опасаться; ибо в каждое мгновение ока приобретаем мы новые доказательства о непременной его к нам любви, милости и щедроте; даже и тогда, когда действиями нашими и не заслуживаем оных. Итак, сия мысль, что всевысочайшее существо беспрестанно об нас помышляет и преимущественно пред всеми другими творениями об нас печется, не долженствует ли вперять в нас почтение к самим себе? Сие всевысочайшее и милосердное существо никогда не позабывает и никогда не теряет нас из вида между бесчисленным множеством тварей. Он яко всеведущий может помышлять о всем; яко всемогущий может обо всем пещися; яко сущая любовь и милость, изливает благодеяния избраннейшему творению своему, даже что и бесстыднейшая неблагодарность человеческая от сего не отвращает.

Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся как человеки к нашему богу, к нашему создателю, к нашему отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сем отношении превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству.

Очевидно, что бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего. Когда мы совершеннейшие из всех веществ, которые бы могли вместо нас сотворены быть, то бог поступил бы против собственныя своя чести, если он вместо нас другое что сотворил. А если мы такие творения, которых виновник естества сам почел достойными поместить на чреду своих величайших и славнейших деяний, то для чего же сие не должно нам дать достопочтеннейшего и преимущественнейшего вида во всех окрестностях творения?

Могут сказать, что все здесь о нашем отношении к богу говоренное может быть сказано и о червяке, который в наших глазах есть презреннейшее творение; и, следовательно, непонятно, как сия мысль в нас, человеках, такие высокие помышления о самих себе внушить удоб-

на? Неоспоримо, что все твари в равном отношении к богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят; но сии суть против разумных тварей несмысленные и разумным подчиненные творения. Человеки как разумное существо принадлежат ко классу творений первой степени; следовательно, что о всех тварях сказано быть может, то преимущественно и прежде о человеках должно быть сказано. С нашим предметом не согласно выискивать из высочайшей теологии основания к доказательству того, что бог человеков преимущественно своея любви и почитания пред всеми другими тварями предпочтил. Сверх сего, мы не хотим сими мыслями человеков возгордить. Гордый все окрест себя презирает и хочет единый имети все, что имя чести носит. Но благородная гордость думает о себе возвышенно, присвояет себе честь, соразмерную своему существу, а притом и о других думает высоко и от всего сердца готова им такую же честь, или еще и большую, приписывать, когда того истина требует.

Если теперь рассмотрим, в каком отношении состоят человеки по своему естеству ко прочим тварям и к остатку всего мира, то предположим, что все вещества в мире таким образом друг со другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают. *Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим.*

Если человеков почтем за *цель всего мира,* то как великолепно поставлены они в оном как средоточие в сей окрестности творения; как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят. Человеки преимущественно пред другими творениями имеют по естеству своему возможность мир себе представить, об оном размышлять и рассуждать. И так можно их почитать за властителей, для коих некто театр со всеми махинами великолепно устроил, оперу сочинил и оную действительно представляет, дабы и очи и ушеса сих властителей увеселены были. Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны, оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе. Исполнен сею мыслию, ступай во время прекрасного летнего вечера во приятный сад прогуливаться; тогда поистине о себе не низкие

мысли возымеешь. Увидишь, как нам и небо и земля ев услуги оказуют; как они нас ущедряют и рачительно пл„ тят нам должну дань; луна освещает нам зрелище при роды, звезды украшают своды небесные; зефир, шумящие древесами, веет нам благоуханием, собранным со цветов бдящий соловей увеселяет пением наш слух; слово вся тварь стремится к нам, дабы доставити или выго какую, или удовольствие. И так человеки могут по бл# гоугождению своему всем царствовать и всем учреждать а из прочего, что не в их власти состоит, могут они себе по крайней мере, когда восхотят, почерпать увесел" ние. И потому всякий человек может некоторым образе;" сказать сам в себе: *весь мир мне принадлежи*

Если же мы воззрим на человека как на средст всех прочих вещей сего мира, то и по сему не меньш: же мыслей должны мы быть о нем. Если бы люди б токмо единою *целию* всех вещей сего мира, а прит не были б средстом оных, то были бы они подоб* шмелям, которые у трудолюбивых пчел поедают мед, сами оного не делают. Тщетная честь! Бедное достой ство, которое людей равняло б со свиньями, проедающ ми все время жизни своея и в сластолюбии валяющ. мися во грязи и которые уже после смерти становят *средством.* Истинные человеки не должны тако прово" ти жизнь. Если они хотят быть властителями мира достойными почтения, то да будут подобны достопочтей ным монархам, которые себя отцами отечества своим соч ловекам оказывают и которые то думают, что чем важн. и достойнее почтения сан в общежитии, тем более осо*; облеченная в оный, долженствует отечеству служить быть полезною. Какое благородное упражнение, какое га моническое велелепие, какая искренная любовь, верност* честность и справедливость в таковых местах будут встр чаться на улицах! И когда единое сие воображение вл вает уже во все наши жилы сладчайшее чувствие уд вольствия, то что же бы было, если бы сие в самом Дє исполнялось? Если бы всякий человек по величию свое достоинства поступал? Итак, если люди будут почита себя за *средство* всех вещей сего мира, то, не согрешг могут думать, что они в оном много значат и что оста, ку прочего света в них великая нужда: собственн польза сего мира требует оного. Мир и все прочие твор, ния, исключая человеков, не могли бы никоим образом та быть совершенны и столь бы хорошо им не было, если б

были человеками, как теперь они то обретают, когда мы человеки.

Сия последняя мысль открывает нам в человеческой ироде еще особливую сообразность с богом, которая поидает ей совершенно достопочтенный вид. Бог никоим образом от вещи вне себя не может иметь пользы, ибо он сам в себе столь совершенен, что ему самого себя для себя довольно и не имеет нужды ни в какой вещи. Он, напротив того, сам всесовершенно полезнейшее существо, сотворяет все твари совершенными, сколько возможно, и, им всем всяческое благо уготовляя и подая, оным утверждает их благоденствие единственно только для них, а не для себя. Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут, как цари мира, себя *средством почитают,* окрест себя только единое устрояют благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро; таковые человеки да возымеют тем более божественное мнение о себе самих, чем более они исполнением сего своего царственного достоинства всевысочайшему божеству уподобляются. Итак, человеки, почитаемые *средством,* суть более, нежели когда бы они только почитаемы были единою *целию,* или *средоточием,* для которого все вещи на свете пребывают.

Итак, при толико ясных доказательствах и истинах нужно лишь нам желать искренно благосклонным читателям нашим неутомимого наблюдения и сохранения величия их достоинства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЖУРНАЛА ПОД НАЗВАНИЕМ «УТРЕННЕГО СВЕТА»[3]

[...] Доселе сообщали мы более о самых материях нравственных и умозрительных, или метафизических, нежели о пользе оных; ибо надеялись мы, что достоинство оных может говорить само за себя; но изведав опытом, что некоторому числу людей совсем неизвестна подлинная и существенная польза высоких оных истин, осмеливаемся теперь читателям нашим представить великую пользу, проистекающую от нравоучения и уверения о бессмертии души.

Нравоучение есть наука, которая наставляет нас, управляет действия наши к нашему благополучию и совершенству, которая внушает нам истинные правила великих должностей наших ко творцу, высочайшему нашему благодетелю, к ближним и к себе самим, которая предписывает сии должности и показывает средства исполнения оных. Такая наука не должна ли быть достойною всего нашего внимания? Не должна ли составлять во всю жизнь главные наши упражнения? Так, без сомнения. Нравоучение есть первая, важнейшая и для всех полезнейшая наука; оной прежде всего должно научать юношество; в оной особенно должны упражняться пастыри и учители церковные, и оная по справедливости должна первое занимать место в христианских поучениях. Возьмем искуснейшего богословских систем учителя, который; нравоучения не знает или не любит, может ли он быть столь приятен богу и полезен человеческому обществу, как тот почтенный и правдивый муж, который хотя никогда не углублялся в системе богословской, но знает нравоучение и любит оного правила и по оным поступает?

В каком виде мы ни рассматриваем нравоучение, оно всего полезнее, нужнее и необходимее как для временной жизни, так и для вечности. Нравоучение, подобно древнему светилу, являющемуся на горизонте, освещает душу нашу от юности, от наступления дней, в продолжении, при конце оных и в самый час смерти. Оно распространяет свет свой по всем душевным силам, оным управляемым; человек, открывающий глаза свои при сем светильнике, видит всю великость своих должностей, употребление всех способностей и преимуществ и причину своего бытия. Оно есть не один токмо свет, освещающий разум, но пламя, воспаляющее и оживляющее человеческое сердце; сия приятная теплота, подобно божественному огню, согревает добрые природные, склонности, оживляет оные, питает совесть, умерщвляет страсти и преклоняет волю. Желание делать добро тем более в нас умножается, чем более знаем и чувствуем силу побудительных к тому причин и изящность добродетели, от чего происходит неизвестное некоторое внутреннее удовольствие, первый плод, первое воздаяние добродетели. Нравоучение, подобно тихому источнику, производит плодородие в сердце нашем, питает находящиеся в оном счастливые склонности, утверждает глубоко кор-

ни оных и приносит сладкие плоды. Умножается оным купно и отвращение к пороку; открывается его гнусность, и представляется злополучие, влекомое им за собой; сия ненависть бывает во искушениях нашею спутницею и помогает нам восторжествовать над оными. Итак, нравоучение, просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к земному и, надежнее еще, к небесному блаженству. Кратко сказать, сие божественное учение не оставляет человеку большего желания, ибо наставляя его в должностях, показывает ему купно отношение его к предвечному существу; и сие познание, ведущее человека к любви, почитанию и повиновению божественным уставам и провидению, совершает его счастие. Таких понятий и чувствований достигнувший человек готов бывает на всякие жертвы для исполнения своих должностей, ибо помогает ему бог, подкрепляет его и утверждает. Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве яко о наградах за добродетель в состоянии произвесть великие дела; сердце его стремится к сему блаженству, силы его возвещают ему явно оное, а высочайшая благость совершенно уверяет.

Итак, упражнение во нравоучении есть важнейшее для всякого возраста и для всякого состояния; оно составляет существенную закона часть, которая наипаче заслуживает внимание и старание мудрого мужа. Сия наука есть не тщетная теория, не пустая схоластическая наука, не в спорах состоящее учение, которое к сожалению, вкравшись в систему толь простого, толь кроткого и толь святого закона, обезобразило оную; нравоучение есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служит людям и показанию их перед другими в разговорах или книгах; нет, оно есть практическое наставление, которое должны мы носить в сердцах наших, которое должно освещать совесть и преклонять без упущения волю и которое должно служить правилом наших поступков в уединении и между людьми, в трудах, спокойствии и забавах, в несчастии, счастии, в здравии и болезнях, в отдалении от конца жизни и при самом конце оной; кратко сказать, во всех отношениях и состояниях, отцу, сыну и брату, мужу и жене, гражданину общества, мира и вечности. Чтоб немногими словами изобразить весьма известную истину; нравоучение есть настоящего и будущего блаженства для временной и веч-

ной жизни; следовательно, оно есть изо всех наук самое полезнейшее, нужнейшее и необходимое. [...]

[...] Желал бы я более говорить о важности нравоучения, но отвлекает меня другой мой предмет, о котором говорить должен, то есть благотворная польза, приносимая уверением о бессмертии души. Привидение доказательств о бессмертии оной за нужное теперь не почитаю, ибо, кажется, довольно уже было о том рассуждаемо во многих местах нашего журнала.

Когда же мы точно уверены о бессмертии нашей души, то научаемся, во-первых, оным уверением познавать величество свойств творца нашего, потом в особенности бесконечную его премудрость, благость и правосудие, и признавать оные с величайшим благоговением и благодарностию. Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует. Сие уверение производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы неравнодушны во мнении о нас позднейшего потомства. Сие чувствование, что душа наша бессмертна, есть надежнейшее правило всех наших благородных великих и человеческому обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок, возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах. Сие уверение делает неразрушимым союз человеческого ества и дает естественным законам ту важность, которую требует честь высочайшего законодателя и благо человеческого рода. Сие чувствование подает страждущему христианину в жесточайших болезнях утешение; он мнит: есть вечность, в которой престанет болезнь моя и где ожидает меня непреходящее веселие. С оным уверением невинно утесненные и гонимые подвергаются без роптания всем неправосудным случаям, их угнетающим, в несчастии и превратностях пребывают постоянными и верными добродетели, презирают опасности и с мужеством идут на угрожающую смерть, радуются, уверены будучи о вечности, где ожидает их за страдание награда и где венец непрестанного веселия увенчает главы их. Коль свята, коль славна выгода для нас, когда уверены о сей несомненной истине, но какие мучения, какое бедствие для нас, когда будем отрицать

оную? При всем нашем полном благополучии будет недоставать нам покоя совести, не восхитит нас никакое великодушное и благородное действие, и менее того еще мы сами будем в состоянии что-нибудь великое произвесть. Чистейшие небесные чувствования должны будут уступать скотским похотениям, правда неправде, добродетель беззаконию; несчастный отчается, невинность утеснится, злодей и порочный восторжествует; имение, честь, и жизнь будут в опасности, словом, вся земля сделается адом. [...]

ПРЕДИСЛОВИЕ [4]

[...] Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства — знание. Но, может быть, скажут покровители и защитники необделанной грубости, что мы видим весьма многих ученых, которе более предаются порокам и заблуждению, нежели самые грубые невежды, и что вся мерзость, какая только находится на земном шаре, да и самое неверие или безбожие суть плоды учености.Так, конечно: но сие не от наук происходит, но от невежества в науках.

Хотя многие между людьми прославилися в некоторых частях учености и имена свои предали бессмертию, однако они при всей своей славе могут быть сущие невежды. Всех познаний и наук предмет есть троякий: мы сами, природы, или натура, и творец всяческих. Ежели ученый не соединит оных трех предметов воедино и все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки — на какой конец человек родится, живет и умирает, и ежели он при учености своей злое имеет сердце, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу. От таковых-то ученых вся мерзость, находящаяся на земном шаре, свое имеет начало. По всей справедливости оных относить должно к самому грубому и вреднейшему невежеству, ибо они не только науками не просвещают разума и не исправляют сердца, но еще более оными утверждаются в гордости и во всех гнусных пороках.

Сего-то ради благоразумная древность сообщала науки по выбору и испытанию одним токмо достойным и рожденным к наукам. Нетрудно различить такого ученого, который учился, дабы показать себя и питать перед подоб-

ными себе гордость и тщеславие, от того, который беспрестанно учится единственно для снискания истины и для сообщения оной ближнему не для тщетного самохвальства, но дабы разделить с ним проистекающее от оной бесценное удовольствие. Первый, надувшийся гордостию и знанием, каким-нибудь случаем полученным, кричит, невзирая ни на кого и не слушая слов других, а старается только свое пересказать; другой, напротив того, ища истину, с великим смирением выслушивает мнение всякого, не презирая никого, будучи совершенно уверен, что и последний мужик, ежели только чистое имеет сердце, может лучше истину чувствовать, нежели самый звездочет с развращенным сердцем.

Весьма странно и удивительно, без сомнения многим должно казаться, что как люди, приобретшие множество о вещах понятий, могут толь развратно мыслить об истинах весьма вероятных и достоверных. Чему дивиться? Ибо всякий из ежедневных опытов может видеть, что слабым духам, да и самым великим часто и безумие нравится, подобно как высокая истина.

Разврат в науках и проистекающее от оных роду человеческому зло происходят, как кажется, от незнания источника, из которого науки проистекли, и от незнания предмета, куда они текут и пиющих чистейшую их воду за собою стремиться возбуждают.

Известно всем имеющим хотя некоторое сведение о науках, что они суть плоды созревшего бессмертного человеческого духа, одаренного от природы способностию понимать или заключать о бесконечности как времени, или продолжения, так и пространства, или неограниченности; нельзя сказать постигать, ибо бесконечность постижима только единому безначальному и бесконечному. Итак, когда человек, одаренный толь благородным духом, по которому он и человеком именоваться право имеет, занимается не свойственными духу его безделками и благородную науку ума употребляет к таким предметам, которые в рассуждении бесконечного продолжения в то же самое время исчезают, когда начинаются, то весьма естественно, что в таком случае наука более зла, нежели пользы, приносит; ибо как в мире нет ни единой вещи, которая бы была без намерения, так и всякая малейшая травка свою собственную пользу имеет и ежели не в своем употребляется месте, то не только не пользует, но и вредит.

Подобно как государь или правитель народа, одаренный от природы достойными правления качествами и имеющий совершенную власть как себе, так и целому народу устроять счастие и благоденствие, если занимается всегда только такими упражнениями, которые принадлежат земледельцу, то наука царствовать ему, конечно, бесполезна: так и человек, одаренный неумирающим духом и имеющий случай и способы оного силы просвещать, если в целую жизнь свою упражняется только в том, в чем и все животные, то наука разума не только ему не полезна, но по бесконечному его внутреннему побуждению вредна и пагубна.

Когда же человек, проходя два царства, растения и животных, прелестями оных услаждается столько, сколько законы природы повелевают к его содержанию, но имеет всегда главною метою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до вышнего царства духовного, или разумного, то наука разума не может не споспешествовать ему в толь славных его подвигах.

Многие нынешнего века высокие и купно низкие любомудрцы, или философы, почитают оную науку химерою, или соплетением пустых, непонятных и бесполезных метафизических изречений или терминов, а прославляют систему, состоящую в последовании склонностям своим, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура к тому нас побуждает и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толиких удовольствий и сладости. [...]

[...] Известно всем, что человек родится, растет и доходит до совершенного возраста, подобно как и всякое растение, места своего не переменяющее, и что он имеет чувства и внутренее побуждение к содержанию и сохранению своему и к произведению с восхищением подобных себе, так, как все животные, с тою только разностию, что животные получили стремлению своему предел, которого они прейти не могут, а человек сверх оного получил еще нечто благороднейшее, одаренное волею и разумом, помощию которых он может владычествовать над оными, избирать для себя все превосходнейшее, чувствовать достоинство и честность, удивляться стройности и красоте вселенныя, словом, он может возлетать До кругов вечности и восхищаться мудростью всевыш-

него, сотворившего вселенную и даровавшего дыхание и жизнь всяческим.

Ежели кто выходил когда-нибудь из чувственного круга, общего со скотами, в собственный человеческий круг умозрения, тот, конечно, не может сомневаться, что он рожден не для телесных и минутных сладостей, которые бесконечного его желания и стремления не только не могут удовольствовать, но еще предавшегося оным более раздражают и унижают перед неразумными тварями, следующими всегда порядочному своему побуждению; но природа произвела его к большому и благороднейшему удовольствию, нежели оные скотские сладости, к таким услаждениям, которые соответствуют его бесконечным склонностям и силам, полученным от предвечной мудрости, даровавшей ему разум и свободную волю к его совершенному благополучию. [...]

О ГЛАВНЫХ ПРИЧИНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРИРАЩЕНИЮ ХУДОЖЕСТВ И НАУК [5]

От самого начала мира человек единственно о том только старался, как бы иметь нужное себе пропитание или защитить свое владение от лютости медведей и львов. Не имея ни законов и никакого сообщения, он препровождал дни свои, скитаяся в страхе и грубости, и жил подобно диким, рассеянным по лесам американским, опасаясь всегда то жадности себе подобных, то свирепства диких зверей. В сии ли то времена бедности будем искать начала наук и художеств, произрастающих обыкновенно в спокойствии и тишине? Конечно, нет. По прошествии некоторого времени, которого точно определить нельзя, опыт показал выгоды нечаянного соединения; после опасного своевольства следовала по счастию общая тишина, и чрез долговременные опыты почувствовали нужду в установлении законов; разум человеческий, избавившись от страха, до сих пор его объемлющего, находил удовольствие рассматривать зрелище естества и был также свободен рассуждать и о самом себе. Сие есть чаятельно то время, в котором науки начали произрастать. И как скоро приметили важную пользу, которую может иметь из наук рождающееся общество, то все стали ревностно

в них упражняться; изящные же художества в великом множестве соединялись ко умножению человеческого удовольствия и к отвращению нужды.

Науки, перенесенные на другое место, уподобляются полевым, скоро иссыхающим, цветам. Они не иначе процветают, как усильным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не сообразуются с свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветр их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых; к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-нибудь народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым. Птоломей Филадельф, Константин Порфирогенит, Карл Великий и Альфред хотя имели у себя великое число ученых, из разных мест собранное, однако науки у них не утвердились, и хотя оные процветали под тенью престола, но до того только времени, пока десница государская орошала, а лишившись сего призрения, испытали всю суровость чужого климата; оставленные увяли, со всеми своими плодами, принесенными во время короткого споспешествования их покровителей.

Художества и науки столь медлительно шествуют, что государство, в котором оные начинают произрастать или которое их принимает, необходимо должно пребыть долгое время без всякой перемены в управлении. Колико стараний должно употребить без успеху; колико трудов предприять с самого первого заведения наук до приведения оных в совершенство; из самого простого рисунка, сделанного наудачу, довести до совершенного искусства Апеллеса! Между тем временем, как сие совершенство постепенно происходит, то науки еще как бы сном отягощены бывают, и великого стоит труда, чтоб возбудить их от глубокого сна, тогда должно представить себе все опыты своих предшественников, приложить к ним новые изобретения и привесть к концу то, что лишь только было начато; собрать все нужное для строения, прежде сего разбросанное и оставленное первыми художниками, и сделать из сих остатков, до половины уже разрушенных, совершенное строение. Все сие можно надеяться получить в таком только государстве, которое непоколебимо стоит чрез многие веки. Науки в короткое время

правления возрастают купно с политическим учреждением. Они одинакую имеют судьбу и вместе разрушаются. Такой точно был жребий наук у аравитян.

Долговременность государства подает наукам случай приходить в совершенство; вольностью же они процветают. Физики [6] научают нас, что все животные стараются о средствах к своей безопасности и обыкновенном их удалении от насильствия прочих. Свободны будучи от страха и угнетения, склонность их действует во всей своей силе. В государстве, в котором царствует естественная вольность, слон почитается гражданином, а бобр архитектором. Но как скоро хищный человек станет тревожить их общество, то сия естественная их ревность к вольности кажется упадающею, и они более ни в чем не упражняются, как только в защищении самих себя, и разум их, затмен будучи вместе с благосостоянием их республики, терпит то бедное состояние, к которому мы их приводим.

Сие примечание не несправедливо в рассуждении рода человеческого. Ибо и мы также теряем от страха все свое рачение, дарования и горячность. В рабском состоянии добродетель и знание навлекают на себя подозрение.

В деспотическом правлении Азии великая слава бывает предзнаменованием великого несчастия. И всякий человек, какого бы состояния ни был, желающий отличать себя от прочих, подвергается бесчисленным опасностям.

В благополучном веке Рима вольность была душею красноречия и заставила Силлов [7] и Помпеев дрожать перед народным трибуном. Но когда после благородной гордости сих республиканцев последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас, и разум римлян вместе с их вольностию погребен был на полях фарсальских[8].

Англичане великие оказали успехи в философии, причину тому полагаю я гордую вольность их мыслей и сочинений, которые могут быть примером целому свету.

Всякому известно, что «Домитиан умертвил Меция Помпониана за то, что он имел у себя общий чертеж и сокращение Тита Ливия. Никому также небезызвестно, что Эрмоену Тарсискому некоторые внесенные им в его историю описания стоили жизни». Да и нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвесть что-нибудь великое.

Для хорошего успеху в науках требуется притом чистый и приятный воздух, способный учинить жизнь счастливую столько, сколько разум того желать должен. Плодоносная земля щедро обогащает своих жителей во время нужды; ибо когда случится недостаток в нужном, тогда нимало не помышляют о излишнем удовольствии; для сего нужен приятный и умеренный климат, чрезмерный же зной изнуряет тело и ослабляет разум; а противная сему крайность заграждает все пары, затмевает чувства и отягощает умы. Притом должно знать, что науки сперва произросли на плодоносных брегах Нила, откуда получены они афинянами, которые их обогатили, римляне привели их в совершенство, а Париж украсил их; Лондон же, желая их размножить, дал им важный и печальный вид, сходствующий с воздухом, их окружающим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В виде предисловия («Предуведомления») опубликовано в первой части новиковского журнала «Утренний свет» (1777). Печатается с сокращениями по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 178—181.

[2] Впервые напечатано в декабрьском номере журнала «Утренний свет» (1777. Ч. 1). Печатается полностью по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 183—188.

[3] «Заключение» печаталось в последнем, августовском номере журнала «Утренний свет» (1780. Ч. 9). Печатается с сокращениями по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 198— 203.

[4] «Предисловие» печаталось в первом номере журнала «Московское ежемесячное издание» (1781. Ч. 1). Печатается с сокращениями по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 206—209.

[5] Напечатано в апрельском номере журнала «Московское ежемесячное издание» (1781. Ч. 1). Печатается полностью по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 213—215.

[6] Т. е. естествоиспытатели.

[7] Сулла.

[8] Битва при Фарсале в 48 г до н. э. привела к крушению римской республики.

ФОНВИЗИН ДЕНИС ИВАНОВИЧ

Д. И. Фонвизин родился в 1745 г. (по некоторым данным в 1743 г.) в Москве в старинной дворянской семье. Получив первоначальное

образование дома, в 1755 г. он поступил в гимназию при Московском университете.

Весной 1762 г. он окончил гимназию и был зачислен в студенты Московского университета. Однако осенью того же года Д. И. Фонвизин определяется переводчиком в Иностранную коллегию и уже в декабре отправляется за границу с дипломатическим поручением. В 1763 г. он переезжает в Петербург и несколько лет работает в канцелярии статс-секретаря Екатерины II И. П. Елагина.

Творческая деятельность Д.И.Фонвизина началась еще в стенах Московского университета. В 1761 г. он, например, издал переведенные с немецкого языка «Басни нравоучительные с изъяснениями» датского просветителя Л. Гольберга, в 1762 г. — перевод первой части философско-политического романа Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского»; в 1763 г. он преподносит братьям Орловым переведенную им трагедию Вольтера «Альзира». В середине 60-х годов писатель создает свои оригинальные просветительские произведения: «Послание к слугам моим — Шумилову, Ваньке и Петрушке», комедию «Бригадир» (1767—1769).

С конца 1769 г. Д. И. Фонвизин становится секретарем и сподвижником главы Иностранной коллегии Н. И. Панина. В 1777—1778 гг. он совершает длительное путешествие по Франции, где лично знакомится со многими французскими просветителями. Вскоре по возвращении он приступает к работе над самым известным своим произведением «Недоросль». В это же время по просьбе Н. И. Панина просветитель пишет «Рассуждение о непременных государственных законах» (1780—1783), представляющее вступительную часть к подготавливаемому Паниным проекту государственных законов. Исследователи русской общественно-политической мысли расценивают «Рассуждение» как политическое кредо русских просветителей второй половины XVIII в. В нем с позиций теории общественного

договора писатель рассматривает вопросы о взаимоотношении народа и государства

В 1782 г Д И. Фонвизин выходит в отставку В последние годы он пишет ряд остро сатирических произведений: «Опыт российского сословника», «Несколько вопросов, могущих возбудить в умах и честных людях особливое внимание» и др. В 1786 г. он создает небольшую повесть «Калисфен», которая свидетельствует об утрате им веры в просвещенного монарха Предпринятое Д. И. Фонвизиным в 1788 г издание журнала «Друг честных людей, или Стародум» не было разрешено, хотя было подготовлено к печати четыре номера. Не удалось писателю издать задуманное пятитомное собрание сочинений

В последние годы Д. И Фонвизин страдал тяжелым недугом: его разбил паралич Умер он в 1792 г. в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

1 *Фонвизин Д И* Первое полное собрание сочинений, как оригинальных, так и переводных СПб, М Б и , 1888 996 с
2 *Фонвизин Д И* Избранные сочинения и письма М Гослитиздат, 1946 303 с , 2-е изд М , 1947 299 с
3 *Фонвизин Д И* Собрание сочинений Т 1—2 М , Л Гослитиздат, 1959

ЛИТЕРАТУРА

1 *Плеханов Г В* Западная общественная мысль в XVIII веке и ее влияние на Россию (Д И Фонвизин) // Собр. соч Т 22 С 73—93
2 *Пигарев К В* Творчество Фонвизина М Изд-во АН СССР, 1954 316 с
3 *Макогоненко Г П* Денис Фонвизин (Творческий путь) М , Л , Гослитиздат, 1961 443 с
4 *Вайман С* О художественном мышлении Фонвизина // Вопр литературы 1973 № 10 С 160—163

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ — ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ [1]

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны.
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам, скажи, Шумилов, мне?
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою;
«Не знаю,— говоришь,— не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем, и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».

К тебе я обращу теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница *,
И стало, наконец, угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты взираешь
И, стоя позади, Петрополь ** обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрый дать ответ,
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?

Как тучки ясный день внезапно помрачают,
Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить начало,
Наморщились его и харя, и чело.

* Ваньке поручено было смотрение над каретою и лошадьми.
* Сие послание писано в Петербурге.

R ает с гневом мне: «На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотеи.
И мне ль судить о том, когда мои глаза
Не могут различить от ижицы аза!
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают.
Но если на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет:
Москва и Петербург довольно мне знакомы;
Я знаю в них почти все улицы и домы.
Шатаясь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть я, того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда не обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину 'запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А. пастыри притом карманы набивают.
^а Деньги чистые прощают всякий грех,
^а деньги множество в раю сулят утех.

Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам не ложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!
Что дурен здешний свет, то всякий понимает,
Да для чего он есть, того никто не знает.
Довольно я молол, пора и помолчать:
Петрушка, может быть, вам станет отвечать».

«Я мысль мою скажу,— вещает мне Петрушка,—
Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй,
Играй, хоть от игры и плакать ближний будет;
Щечи[2] его казну — твоя казна прибудет.
А чтоб приятнее еще казался свет,
Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку:
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку;
Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят с нами?
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет; а для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам ее...» Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас:
Яви ты нам свою в решениях удачу,

Реши ты нам свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
И сам не знаю я, на что сей создан свет!

РАССУЖДЕНИЕ О НЕПРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ [3]

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добоые государи чувствуют. Просвещенный ясностью сея истины и великими чувствами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем; но, вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностью беспредельная власть его ограничивалась? Нет, она есть одного свойства со властию существа высшего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам преступить не может. Государь, подобие бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя [в] государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил, или, точнее объясниться, без непременных государственных законов, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той одпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. [се] в намерениях полезнейшие установления никакого

основания иметь не будут. Кто оградит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования установляемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими перед ним истину, не разорил того сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения, ибо не нрав государя приноравливается к законам, но законы к его нраву. Какая же доверенность, какое почтение может быть к законам, не имеющим своего естественного свойства, то есть воображения с общею пользою? Кто может дела свои располагать тамо, где без всякой справедливой причины завтре вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждый, подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязательстве наблюдать того с другими, чего другие с ним не наблюдают.

Тут, с одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительные дерзкое невежество требует доказательств и без указа им не повинуется, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобострастием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет, ибо править долженствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу*. Я назвал его недостойным потому, что название *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку, достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престает всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцевым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен. Пороки любимца не

только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Если любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельможей заражает. Если дух его объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградить путь к счастию; но если провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду попускает душою государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб государство неминуемо было жертвою насильств и игралищем прихотей его; если уродливые движения души влекут его первенствовать только богатством, титлами и силою вредить; если взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как «боготворите меня, я могу вас погубить»; если беспредельная его власть над душою государя препровождается в его душе бесчисленными пороками; если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец,— тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются и заражают двор, город и, наконец, государство. Вся молодость становится надменна и принимает тон буйственного презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния расторгаются, и, к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении отечества, ни сан, приобретенный истинною службою, не ограждает почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение приемлется главным правилом поведения. Никто нейдет стезею, себе свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благопоспешное недостойным людям время какого воздаяния и могут ожидать истинные заслуги, или, паче, есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал [4], неизвестно кто и неведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженными и ранами покрытыми офицерами? Лестно ль быть судьею, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развраще-

ние. Головы занимаются одним промышлением средств к обогащению. Кто может — грабит, кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякий спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого государя пред очами целого света в самых царских чертогах водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, насыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пе4 ред лицом законодателя божеские и человеческие законы попирать дерзает? Не вхожу я в подробности гибель! ного состояния дел, исторгнутых им под особенное ег начальство; но вообще видим, что если, с одной стор' ны, заразивший его дух любоначалия кружит все гол вы, то, с другой, дух праздности, поселивший в нет весь ад скуки и нетерпения, распространяется далек и привычка к лености укореняется тем сильнее, что р: ние к трудам и службе почти оглашено дурачеств смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым пример утверждаемого не ясно ль видим, что не тот госуда самовластнейший, который на недостатке государств ных законов чает утвердить свое самовластие. Пора щен одному или нескольким рабам своим, почему . самодержец? Разве потому, что самого держат в ка& недостойные люди? Подобен будучи прозрачному *v* чрез которое насквозь видны действующие им пруж) тщетно пишет он новые законы, возвещает благоде вие народа, прославляет премудрость своего правлен новые законы его будут не что иное, как новые ряды, запутывающие старые законы, народ все будет; нетен, дворянство унижено, и, несмотря на собствен его отвращение к тиранству, правление его будет пр

ление тиранское. Нация тем не меньше страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам, себе излюбленным. Таково положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и само собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять возвращается.

Для отвращения таковыя гибели государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властию, а именно, властию здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая власть поставлена от бога и что достойна она благоговейного их повиновения: следственно, всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастия времян попустили, уступая силе, унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать мо-же-т, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожа-У-ет, а какою властию она его облекает. Возможно ль

же, чтоб нация добровольно постановила сама за" разрешающий государю делать неправосудие безотчет

Не стократно ль для нее лучше не иметь ника законов, нежели иметь такой, который дает право гс дарю делать всякие насильства? А потому они быть дол ны всегда наполнены сею великою истиною, что он уе новлен для государства и что собственное его бл от счастия его подданных долженствует быть не~ лучно.

Рассматривая отношения государя к поддана перый вопрос представляется разуму, что же есть дарь? Душа правимого им общества. Слаба душа, не умеет управлять прихотливыми стремлениями те Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудв которая чувствам, своим истинным министрам, или вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на и беспечно принимает кучу за гору, планету за точку; буде презирает она их служение, буде возмечтает о с столь, что захочет сама зажмурясь видеть и затк уши слышать, какой правильной разрешимости ожидать от нее можно и в какие напасти она сама с: не завлекает!

Государь, душа политического тела, равной судьб: подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое шение, отвращает ли оный от всяких представлен уже истина его не просвещает; но если он сам и- признает верховной власти над собою, тогда все от шения его к государству в источниках своих развра* ются: пойдут различия между его благом и госуда венным; тотчас поселяется к нему ненависть; скоро он начинает бояться тех, кои его ненавидят, и нена деть тех, которых боится,— словом, вся власть его ста* вится беззаконная; ибо не может быть законна вла которая ставит себя выше всех законов естествен правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему заключение, без сомнения, во всей ясности, но про щенный государь есть тем не больше человек. Он человек родится, как человек умирает и в течение с« жизни как человек погрешает: а потому и должно смотреть, какое есть свойство человеческого просве' ния. Между первобытным его состоянием в естест" ной его дикости и между истинного просвещения стояние толь велико, как от неизмеримой пропасти

Ш горы высочайшей. Для восхождения на гору по-
Р "^бно человеку пространство целой жизни; но взошед
^нее если позволит он себе шагнуть чрез черту, разде-
ляющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает
его падения, и он погружается опять в первобытное
невежество. На самом пороге сея страшныя пропа-
ди стоит просвещенный государь. Стражи, не допускающие его падение, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей его, и, летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «Все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется никогда в истинном своем величестве, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят — добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностию несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь перед глазами. Он должен знать, что государственным награждается одна заслуга государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям и что всякий налог, взыскуемый не ради пользы государства, есть грабеж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред отечеством невинен и что **тем** весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность **его** есть платеж долгу, коим он сам себе должен, но государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого не сделал. Всякое попущение — ^о вина, всякая жестокость — его вина, ибо он должен ать, что послабление пороку есть одобрение злодеяни- что, с другой стороны, наистрожайшее правосу-

дие над слабостьми людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К несчастию подданных, приходит иногда на государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худого человека, во втором бывает неминуемо худым государем. Чтоб избегнуть сих обеих крайностей, государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость.. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает государя почтенным: но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто бог создал миллионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым государем та ощутительная разница, что один заставляет себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждает себя боготворить, тот внутри души своей, видно, чувствует, что он человек. Напротив того, кроткий государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все его должности. Они твердят ему всечасно, что государь есть первый служитель государства; что преимущества его распространены нациею только для того, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякий другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло и что, следственно, желать деспотичества есть; не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властию. Невозможность делать зло

может ли быть досадна государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь сделать дурна. Право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдумано в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места. Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому, что я не в силах кому-нибудь сопротивляться, следует ли из того, что я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо признано рассудком и которое, следственно, производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Где же нет обязательства, там нет и права. Сам бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или по крайней мере не захотело бы никак пещись о нашем благе, тогда чувствовали бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между богом и нами было бы не что иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ль существу, рассудком одаренному? Нет, оно недостойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железы, топоры. Совсем излишне входить в толки о разности форм правления и разыскивать, где государь самовластнее и где ограничен-

нее. Тиран, где б он ни был, есть тиран, и право народа спасать свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая *политическая вольность* нации. Тогда всякий будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно; а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей; чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имения, чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб, следственно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своего состояния.

Когда ж свободный человек есть тот, который не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того, раб деспота тот, который ни собою, ни своим имением располагать не может и который на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ее с правом *собственности*. Оно есть не что иное, как право пользоваться; но без вольности пользоваться, что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права, ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, не нарушая вольности.'

При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательства, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб ни малей-

шего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб на них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно они и должны быть непременными.

Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее: государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей и состоящее, можно сказать, из двух только городов, из коих в одном живут люди большей частью по нужде, в другом большей частью по прихоти; государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потерянней одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; государство, которое силою и славою своей обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; государство, дающее чужим землям царей и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царской особы; государство, где есть все политические людей состояния, но где некоторое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различается; государство, движимое вседневными и часто друг другу противуречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьею над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва; государство, где почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честью, *дворянство,* уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородный души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавером, поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и

всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы. При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание.

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердце, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтоб наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие. Если ж надеется он на развраще-

ние своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелью, сам сильно обманывается. Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким; ибо как люди порочны ни были б, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узнану есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее. Почтение его к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устроя во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? А любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Точная дата написания неизвестна. Впервые опубликовано в 1769 г. как приложение к изданному Фонвизиным переводу повести Ф. И. М. Арно «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность». При жизни Д. И. Фонвизина неоднократно переиздавалось. Публикуется по кн.: *Фонвизин Д. И.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1983. С. 25—28. Шумилов, Ванька и Петрушка — реальные лица, служившие у писателя.

Щетить — брать украдкой, воровать.

«Рассуждение» представляет собой вводную часть подготовляемого Н. Паниным проекта «фундаментальных прав», т. е. государственных законов. Написано в промежутке между 1780—1783 гг. При жизни Д. И. Фонвизина не публиковалось. Впервые опубликовано под названием «О праве государственном Фон-Визина» А. И. Герценом в 1861 г. в Лондоне. По другому списку «Рассуждение» печаталось в 1907 г. как приложение к книге С. Е. Шумигорского «Император Павел I. Жизнь и царствование». В советское время печаталось под названием «Рассуждения о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей». Это название не принадлежит Д. И Фонвизину, а взято из письма Н. Панина Павлу I. В последних изданиях сочинений Д. И. Фонвизина

«Рассуждению» возвращено авторское название. Печатается по кн.: *Фонвизин Д. И.* Избранное. С. 231—242.

[4] Подразумевается фаворит Екатерины II Г. Потемкин.

ДЕРЖАВИН ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ

Г. Р. Державин родился в 1743 г. в одном из сел Казанской губернии в семье офицера. Грамоте он научился у дьячка сельской церкви. В 1759 г. Державин поступил в Казанскую гимназию, но окончить ее ему не удалось; в 1762 г. он был вынужден начать солдатскую службу в гвардейском Преображенском полку. Солдатская служба продолжалась вплоть до 1772 г., когда ему присвоили первый офицерский чин поручика. Участвовал Г. Р. Державин в подавлении пугачевского восстания. Получив назначение в Следственную комиссию, несколько лет служил в Оренбурге.

В 1777 г. началась статская служба; Г. Р. Державина в должности экзекутора в Сенате. Служебная карьера его быстро пошла вверх, когда в 1783 г. была опубликована написанная годом раньше ода «Фелица», понравившаяся Екатерине II. Обласканный ею, Державин становится губернатором Олонецкой (1784), затем Тамбовской (1785) губернии, личным секретарем Екатерины II, президентом коммерц-коллегии (1794). При Павле I Державин был государственным казначеем, при Александре I — министром юстиции. Будучи монархистом, он, однако, вызывал неприязнь царей, главную причину которой выразил Александр I в словах: «Ты очень ревностно служишь!»

Последние годы жизни Г. Р. Державин провел частично в Петербурге, частично в своем новгородском имении Званке. В это время *помимо* стихов, которые он писал всю сознательную жизнь, Державин создает пьесы, автобиографические «Записки», философско-моралй*»

стическую прозу, работает над теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде». Часть произведений Г. Р. Державина, в том числе философского содержания, до сих пор не напечатана. Умер он в 1816 г.

В историю русской культуры Г. Р. Державин вошел как выдающийся поэт; В. Г. Белинский назвал его «первым действительным проявлением русского духа в сфере поэзии». В богатом поэтическом наследии Г. Р. Державина имеются несколько произведений философской лирики: «На смерть князя Мещерского», «Бог», «Водопад», «Река времен» и другие, в которых он решает многие мировоззренческие проблемы мироздания, вечности, пространства, времени, смерти.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Державин Г. Р.* Сочинения: В 10 т. СПб.: Б. и., 1864—1883.
2. *Державин Г. Р.* Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1984. 400 с.
3. *Державин Г. Р.* Сочинения. М.: Правда, 1985. 576 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальденберг Н.* Державин (Опыт характеристики его мировоззрения). Пг.: Б. и., 1916. VIII, 265 с.
2. *Кулакова Л. И.* Эстетические взгляды Державина // Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. М.: Просвещение, 1968. С. 158—179.
3. *Западов В. А.* Державин и Руссо // Проблемы русской литературы XVIII века. М.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 55—65.
4. *Иванов М. В.* Державин и Новиков // XVIII век. Л.: Наука, 1976. Сб. 2. С. 77—86.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО [1]

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Никто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх, и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни бег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там.— Где там? —
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

БОГ[2]

О, ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества.
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества! [3]
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,-
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,—
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристален громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров,— и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Напечатано в «Санкт-Петербургском вестнике» в сентябре 1779 г. Окончательный вариант — в «Собеседнике любителей российского слова» (1783. Ч. 3). Посвящено генерал-майору С. В. Перфильеву — одному из воспитателей Павла I. Это стихотворение, а также «Водопад» и «Фелица», по мнению В. Г. Белинского, «составляют апогей поэтического гения Державина — лучшее изо всего, написанного им». Печатается по кн.: *Державин Г. Р.* Сочинения. М.: Правда, 1986.

[2] Стихотворение писалось в 1780—1784 гг. Напечатано в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1784. Кн. 13). При жизни Державина переводилось на французский (известно 15 переводов; Ег-

немецкий (известно 8 переводов), английский, испанский, японский, греческий, латинский и другие языки. Печатается по кн.: *Державин Г. Р.* Сочинения.

[3] *Без лиц, в трех лицах божества* — «автор кроме богословского православной нашей веры понятия разумеет тут три лица метафизические, то есть: бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое бог в себе и совмещает» (прим. автора).

[4] *Чин* — здесь порядок.

БРЯНЦЕВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

А. М. Брянцев родился в 1749 г. в семье церковного служителя в Одигитриевской пустыни близ Вологды. Рано осиротел. Не окончив Вологодскую семинарию, пешком отправился в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Ее он также не окончил, отказавшись постричься в монахи. В 1770 г. А. М. Брянцев становится студентом Московского университета, учеником, а позже сподвижником профессоров Д. С. Аничкова и С. Е. Десницкого. После окончания университета он был оставлен в его стенах и с 1779 по 1788 г. преподавал в университетской гимназии. В 1787 г. после защиты диссертации на тему «О критерии истины» Брянцеву была присвоена ученая степень магистра философии и свободных наук. На следующий год после кончины Д. С. Аничкова его производят в экстраординарные, а в 1795 г.— в ординарные профессора университета по логике и метафизике. На этой должности он оставался до конца своей жизни.

Кроме того, А. М. Брянцев выполнял ряд других обязанностей — декана этико-политического отделения университета, директора Педагогического института, цензора и другие.

Библиотека и архив А. М. Брянцева погибли в московском пожаре 1812 г. Помимо оригинальных работ мыслителя «Слово о связи вещей во вселенной» (1790), «Слово о всеобщих и главных законах природы» (1799),

в которых он в деистической форме излагал стихийно-материалистические идеи, известны его переводы: «Сокращенное латинское языкоучение, или Грамматика» Шеллера (1787), «Начальные основания нравственной философии» Фергюссона (1804), курсы философии Шнелля, Рейса и других.

Умер А. М. Брянцев в 1821 г.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Брянцев А. М.* Слово о связи вещей во вселенной; Слово о всеобщих и главных законах природы // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 363—383.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щипаное И.* Я. А. М. Брянцев // История философии в Московском университете. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 14—16.

СЛОВО О СВЯЗИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ [1]

Прежде нежели рассматривать будем всеобщую связь вещей во вселенной, за нужное почитаю предположить понятие об оной.

Чрез *вселенную* разумеем мы не планету какую-нибудь, не землю, нами населяемую, не солнечную систему, но все планеты, все солнца, кратко сказать, все ограниченные вещи, и не токмо самые существа, но также определенные сих содержания по времени и пространству; и потому вселенная, как определяют новейшие философы, есть чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одна за другою в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих.

Если связью почитаем взаимное вещей отношение, по силе которого одна другой довольную в себе заключает причину, то в существах ограниченных ясно усматриваем сочетание, гармонию, или согласие. Вообразим ли мы себе многие изменяющихся вещей чины, в одно время существующие, то каждая из них в приличном себе и надлежащем чине, в определенном также порядке

представится. И поелику вещь может и к другому чину относиться, к другому порядку принадлежать, в ином месте и в другое время случиться, то сия возможность неотменно имеет причину, для чего она в сем находится порядке, к сему принадлежит чину, на сем месте и в такое время существует. Причина же сия необходимо должна находиться или в самой вещи изменяющейся, или в других современных и предшествующих: если будет в самой вещи переменяющейся, то по ней самой можем судить, для чего в сем чине, порядке, в сие время и на таком месте находится, то есть сама собою определяется так существовать, а не иначе; и посему другой чин и прочие помянутые обстоятельства для той вещи невозможны. Но, может быть, иные производят причину от воли всевышнего существа, все так устроившего и расположившего, чтобы каждая вещь бытие свое имела в пристойном ей чине, порядке, месте и в надлежащее время, то при сем случае смею вопросить: верховное оное существо находило ли *предлежательную* причину (rationem objectivam) все так благоустроить, как примечаем, или нет? Если той причины не находило, то расположение его последовало и произошло от необходимости, почему все вещи были бы неизменны и перемене не подвержены, или никакой бы не было довольной причины устроения. Но как последнее опыту не соответствует, то утверждаю, что существо оное, все так учредившее, причину находило в вещах, между собою современных и одна за другою последующих, или в отношении взаимном. Следовательно, довольная причина, по которой всякая переменяющаяся вещь показанными определяется обстоятельствами, должна находиться в других вещах, современных или предшествовавших. Но где одна содержит причину другой, там находим союз, и потому изменяющиеся существа, как современные, так и последующие одно за другим, взаимно относятся и, следовательно, находятся в союзе.

Как ничто не может быть без довольной причины, то начала сего необходимы есть следствием соединение всего во вселенной непрерывною цепью. Итак, нет ничего в оной уединенного, нет взаимного разлучения, ибо если бы уединенное существо находилось, то какую бы могли мы довольную представить причину, бытие оного утверждающую? Но как всевышнее существо в творении вещей не благоволило так одну от другой отде-

лить, чтобы взаимного отношения не имели, то бытие и частные определения каждого существа всегда зависят от бытия и определений существ, им соответствующих или ближних. И понеже все предметы в рассуждении пространства так между собою сопряжены, что никакой пустоты быть не может, и потому всякая вещь действие свое оказывает в рассуждении ближния, а сия зависит от другой: настоящее определяется прошедшим, последующее предыдущим, настоящее содержит в себе причину будущего, везде есть согласие существ, в одно время находящихся, везде одно преемлется другим. Весьма малое насекомое имеет отношение к другим существам, а сии действие свое устремляют к прочим, и таким образом деятельность сия, постепенно возрастая, к совершеннейшим тварям простирается; и посему все части системы мира так тесно соединены, что каждая вещь имеет отношение к целой системе.

В таком согласии находящиеся вещи, из которых одна другую определяет, одна от другой зависит, одна из другой познается и постигается, суть или действительные вещи и перемены в природе, или токмо мысли и воображения. Когда одна мысль возбуждает другую или одна вещь производится от другой, то из сего двоякую связь заключаем. Сие различие полагаем мы не потому, что умоначертанием своим, соединяя и связывая некоторые вещи, действительную им связь присвояем; напротив того, между самыми вещьми действительная находится связь, хотя бы ум наш оной и не изображал. Погода, например, действительное имеет влияние в прозябении и человеческое тело без наших о том воображений. И потому связь есть или вещественная, или идеальная. *Вещественною* называем ту, которая в природе между самыми вещьми вне нашего представления точно находится; а *идеальная,* или *мысленная,* имеет токмо место в нашем умообразовании, когда некоторые понятия по законам *сопряжения* (associatio) соединяются, невзирая на то, что самые вещи в очевидном находятся союзе.

Вещественную же связь утверждая, допускаем не токмо союз существ, но также и взаимную перемен зависимость. Если каждая перемена влечет за собою следствия, также между причиною и действием есть сопряжение, то по учинившейся в отдаленнейших причинах перемене необходимо и в последнем действии чему-нибудь

надлежит измениться; и если неоспоримо есть, что происшествия зависят от вещей, неподалеку находящихся или предшествующих, то уступить, кажется, надобно и то, что какая-нибудь перемена, в одной части мира приключившаяся, некоторым образом и в других частях оного показывается. Правда, сколько в натуре бывает следствий от перемен, которых связь нам неизвестна и сокровенна! Многие причины производят чин следствий, нами непроницаемый и подобный реке Тигру, не в далеком от начала своего расстоянии течение свое скрывающему, потом опять на поверхности земной оное продолжающему. Может быть, деятельность каждого существа имеет определенное влияние, совсем нами неприметное; может быть, нет ни одного даже и маловажнейшего движения возможного, которые бы каких-нибудь следствий не производило; и то мнение философов кажется вероятным, по которому весьма тонкая и жидкая эластическая материя эфира, по всему пространству вселенныя носясь, все тела проницает. Но как опыт утверждает, что перемена, где-нибудь учинившаяся, чем далее от своего начала находится, тем более ослабевает и уменьшается, так что едва и следы оной приметить можно, то не лучше ли из того заключить, что, наконец, никакого действия не будет? Возможности такого действия мы прямо не отрицаем; но где явной причины не видим, там, по-видимому, лучше соглашаться на то, что с опытом сходно.

Многие из новых философов с *Лейбницом* и *Волфом* утверждают такую связь во вселенной, по которой все предметы и перемены так между собою сопряжены, что по одной вещи и перемене все прочие вещи и их изменения узнать можно; и если бы одно существо в свете или также перемена и действие уничтожились, то весь бы свет, разрушившись, в ничто преобратился. Из сего выводят еще заключение, что каждое движение, каждая перемена и каждое действие необходимо в свете сем последовать должны, ибо основанием имеют связь всеобщую. Доказательства их, как говорит г. *Вальх*[2], по-видимому, убедительной силы не имеют; умозаключения же их суть следующие: «Целое с своими частьми есть одинаково; следовательно, все и каждая часть содержит в себе некоторое основание целого, и потому все части с третьим или целым сопряжены. А посему и все части между собою соединены, чего для каждой,

даже и весьма мелкой части и по каждому внутреннему или внешнему определению одной части все определения и перемены довольно уразуметь можно. Но понеже все вещи и перемены сего мира суть части целого мира, то из каждой ограниченной вещи можно понимать все прочие со всеми их переменами и определениями. Следовательно, каждая вещь есть начертание и образ всех прочих вещей и перемен. И потому каждую действительную вещь и определение сего мира за зерцало вселенной почитать должно». В сем доказательстве заключение первое неоспоримо есть: все части с целым сопряжены, поколику они целое составляют и существенные части суть целого; но когда, далее, утверждают, что по каждой сопряженной вещи познаются и прочие сопряженные вещи и перемены, следовательно, из каждой вещи сего мира постигаются и все прочие, с оною связь имеющие, то на сие ответствуем: 1) Из одного можем узнать другое, с ним сопряженное, ежели взаимную связь примечаем. Правда, все вещи соединены, поколику составляют целое, но из того не следует, чтобы мы, судя о какой-нибудь вещи, понимали и все прочие. 2) Все вещи и перемены во вселенной связаны по сосуществованию или современности и по следованию одной за другою; и посему многие понимаем вещи, а не все. Из всеобщей связи выводят они еще следствие: будто бы уничтожение и гибель одной вещи в свете влечет за собою потерю и разрушение целого света, доказывая тем, что если одно звено цепи разрывается, то и прочие той же судьбе подвержены. Такое умозрение может быть справедливым, когда две вещи так между собою связаны, что одна без другой существовать не может или одна на другой основывается, или действием своим сохраняет другую; и в таком случае можем утверждать, что при разрушении одной вещи разрушается и другая.

Для утверждения истины нашего предложения и следующий вид доказательства имеет также свою силу. Существа вещей можем понимать с принадлежащими к ним свойствами, образами и случайностями; но сих без их не разумеем и потому связь оную называем связью подчиненных (nexum subordinatorum), то есть когда понятие одного находим в понятии другого. Человечества, например, ясно не уразумеем, если чувствования способности не знаем; а где находятся подчиненные

и соподчиненные, там и подчинившие, следовательно, и неразрешимая связь, составляющая прошедшее, настоящее и будущее целым неразрушимым. Если бы оная в мире не существовала, то престал бы сей быть зерцалом божией премудрости, и истины бы, которые мы снискиваем, от одной к другой, делая заключение, места своего не имели, а посему и все бы знания были тщетны.

Обратим теперь наше внимание к опытам, какие только видеть можем. Везде, куда ни обратимся, куда нашего взора ни устремим, немедленно представится цепь вещей. Везде явны следы необъемлемой нами и разнообразной связи. Части соединяются с частьми, а сии с целым. Здесь действие и причина, там намерения и средства; здесь знак, там означаемое; в одном месте подобное с подобным, а в другом противное с противным сопрягается. Если в телесный мир приникнем и станем примечать связь, которую философы называют физическою, то есть когда одно явление (phaenomenon) изъясняется другим, яснейшим, или чувственное познается из чувственного ж, то ясно увидим зависимость и следствие вещей одной из другой. Стихии по законам природы взаимное имеют действие, как говорит г. *Боннет*[3], из содержаний оных проистекающим; сии содержания сопрягают их с искапываемыми телами, растениями, животными и человеком. Сей последний наподобие древа ветви свои распространяет по всему земному шару. Земля также, различные семена в себе заключившая, по прошествии определенного времени из недра своего производит бесчисленные роды растений в многоразличных видах, которые зреют и спеют посредством греющия, оживляющия и животворящия солнечный силы и плодотворного влияния погоды. При воззрении также на животных бессловесных и человеческое тело не усматриваем ли чудной системы и стройного между материями чина? Все части и члены, жилы, мышцы и нервы для произведения различных и потребных действий между собою связаны и в теснейшем находятся союзе.

Такие же понятия о вселенной сообщает нам механизм, изъясняющий явления движением частей, положением, фигурою и проч., составляющими веществ определения, которые подробную явлений производят идею. Тщательный натуры испытатель, взирая на бесчисленные

планеты и кометы, в отдаленнейшем от солнца нашего расстояния кругодвижущиеся, неизреченное множество взаимно содействующих сил ясно понимает. Но в истине сей тем более уверится, когда уразумеет, что солнце наше и тысячи других подобных сему светил, называемых звездами, около центрального тела кругообращаются; сие силою, по всем частям творения творцем распростертою, или по причине собственной величины и тяжести на все те солнца, со свитами планет и комет тяготит; в то же самое время приводится и само в движение от сильнейшего еще центрального тела, будучи сего спутником. Последнее центральное тело равномерно от другого сильнейшего побуждается к деятельности, > сего паки действие зависит от другого, и сии миллионы f комет, планет, солнцев и взаимно подчиненные и между собою связанные центральные тела, наконец, двигаются от наисильнейшего центрального тела, или средоточия,; всего творения. Итак, в нынешние времена удобнее понимаем, что мироздание в самой вещи есть неизмеримое.! тело механически устроенное и составлено из неисчис-J лимых частей различный величины и твердости, котой рые посредством всеобщего закона взаимно сопряжен^Ц и которых непостижимая деятельность, все оные тел^ одушевляющая, проницая преходит от одной систем* до другой и распростирается чрез бесчисленные *круШ* от одной громады до другой, от большей к меньшей даже и до отдаленнейших пределов вселенныя. Все ж| тела планет, все солнца, все те центральные шары, которых усматриваем следы и сени красоты создател! вой, населены бесконечным множеством бесконечно pasjj личных существ, которые, славу зиждителя стройное? своея непрестанно воспевая, премудрость его повсюд вещают.

Подобной сей связи не отрицаем никак в разумно!; и нравственном мире. Если в рассуждении главнейший человека части, души, уверяемся, что она довольну| своего воображения причину имеет в другом, а иног| и в чувствовании; и если одно рассуждение основыв ется на другом, притом хотения и отвращения дуч нашея зависят от предшествовавших представлен!' то по определению связи, когда одно довольную св^ причину имеет в другом, представления во всякой ду| как между собою, так с хотениями и отвращение» суть сопряжены. Беспрестанная же гармония души с

лом, прямое согласие действий оныя с переменою сего, участвование и сообщение доказывают взаимную связь. О таком души и тела союзе философы утверждают три системы, или, лучше сказать, положения, ибо оные полного и точного доказательства не имеют. Древнее положение известно под именем *влияния физического* (influxus physici). Последователи Картезиевы, сего не принимая, утверждали положение *случайных причин* (causarum occasionalium), и, наконец, Лейбниц между телом и душою защищал *предопределенную гармонию* (harmoniam praestabilitam).

Приникнем теперь также в историю нашея жизни. Все случаи, происшествия и различные состояния даже до совершенного нашего возраста между собою союзны. От младенчества зависит детство, сие преемлется отрочеством, после сего наступает юношество и мужество. Каждая степень снисканных знаний и каждый шаг в совершенстве суть предуготовлением к следующему; каждое предшествующее состояние позволяет заключать о будущем. Прежде учиненные впечатления и сделанные примечания имеют влияние в последующее продолжение наук и во всю систему человеческого познания. Что человек теперь есть и что прежде был, от сего зависит будущее его состояние. Все, наконец, человеческие действия, все намерения и желания, во время возрастов бывающие, происходят или от вдохновения, нам неизвестного, или от побуждающего чувства, или от рассуждений, которые не что другое суть, как следствие движения в нашем мозге, потому что все наши идеи происходят от чувств. Движение сие в мозгу произошло от другого движения, которое также сопряжено с другими предшествовавшими. Порядок же всех сих движений и побуждений составляет цепь разумной жизни.

Сверх того мы между собою толикими связаны образами, что мнение, каждого человека во взаимную связь вмещающее, по-видимому, к самому опыту ближе подходит, нежели отрицающее, ибо, во-первых, кроме союза, в сродстве примечаемого, не последнее место занимает сострастие (sympathia), участвующее чувствование, свойство души, состояние движения и чувствования «Ругих превращать в собственное чувствование, или собственную душу сообразовать оным. Но как сострастное чувствование основывается на любообщении (socia-

bilitas), в природе человеческой впечатленном, и по* один человек следуя сему общеполезному натуры в новению, находит свое спокойствие в счастии друсей в благосостоянии третьего и т. д. Противное* содержание одной души к другой, по которому уча вание или прехождение чувствования из одного мета в другой воспящается, есть токмо явление. Пра есть такие, из которых один удовольствие получас того, что другого оскорбляет. Но когда сострастие главным души свойством, то противострастие не делено натурою и по большей части зависит от чайных содержаний, особливых обстоятельств, со" ных понятий, которые естественное то побуждение ничивают и притесняют. Другая связь хотя не так общая, однако довольно обширная, которая про дится сообщением идей, чтением сочинений и пре ванием наставлений в разных знаниях и науках.

Опыт также нам показывает, что часто от ма совсем неприметных обстоятельств и случаев с пр жением времени производятся весьма важные следе и достопамятнейшие в свете перемены; великие щ шествия бывают от малых причин. Г. *Титель*[4] в Метафизике, приводя из *Слейдана*[5], говорит: «М. Л от агнчего руна великое в церкви произвел превр ние. Пустой также спор, происшедший из века схол ков: всеобщие или отвлеченные понятия принадл ли к реальным или номинальным? возвел Гусса на!., стер. Тогда Иоганн Герсон, защищая сторону ном* листов, тем ревностнее противоборствовал Гуссу реалисту».

Если, наконец, судить о вселенной, как о целом ственном в отношении к свойствам благости и пре' рости творца, то разум наш довольно уверяет в ствовании союза вещей посредством конечных пр" то есть что все вещи взаимными суть средства*, намерениями. Между творениями трех владычеств роды не примечаем ли мы нравственной взаимной 2 чиненности? Не усматриваем ли оной между переме~ натуры и благосостоянием жителей, земной наш \ населяющих? Происшествий, с нами приключающ. не видим ли конечных причин? Но, может быть, дователи Пирроновы здесь скажут, что существов кремня, в земле находящегося, есть бесполезно, *> не видим, какие из того произойти должны дейсТ

ответствуем: если стереть его мелко, то преи-
о существо растения, а потом в существо живот-
,ии может быть, попадется в кабинет любителя,
ыпго или,
ый из оного подлинное начало камней откроет, что
Кото е может быть руководством к другим важнейшим
сзм ытиям, ибо, как говорит Боннет, первый отломок
отк яоя в котором приметили электрическую силу, пер-
яН «ил кочьцом опытной цепи, показавшей в послед-
вым им"
ем своем кольце причину грома. В рассуждении дру-
н х сильнейших возражений, сцептиками предлагаемых,
можем откровенно признаться, что горизонт связи во
селенной для нас, как ограниченных тварей, не обши-
пен и повсюду усматриваем *прозраки* (prospectus), пре-
делами окруженные; однако взаимные вещей содержания
и отношения так велики и пространны, что премудрого
стройности творца и смотрителя не признавать не можем.
рг Но произведение человеческого воображения утверж-
даемую нами связь вещей, по-видимому, колеблет, и на
пути, к сей истине ведущем, повергает камни преткно-
вения. Когда всеобщая связь, возражают противобор-
ствующие, существует в свете, то из сего следует до-
пустить рок, или судьбу. Но если чрез сию понимать
определенную происшествий необходимость, посредством
которых все неотменно последовать должно, даже и самая
свобода разумных тварей, не будучи в состоянии что-
нибудь переменить или исправить, уступить оной при-
нуждена, то такое о судьбе понятие для нравственности,
добродетели и закона весьма есть предосудительно.
Если же под именем судьбы такое понимаем сопряже-
ние обстоятельств, которые хотя необходимо случаются,
однако по действию причин некоторая же оных часть
управляется благоразумием людей, а все вообще зави-
сит от верховной благоустрояющей причины, то сие поня-
тие с истиною согласно и обыкновенно называется разум-
ною, или философскою, судьбою (fatum rationale seu
philosophicum). К сему также виду можно причислить
весьма многие определения стоиков. Впрочем, произвож-
Дение слова *рок* не означает нужды и необходимости,
как некоторые превратно истолковали, но премудрые и
свободные божие определения, ибо, как говорит *Мину-
ции Феликс*[6], что иное есть рок, как токмо то, что о
ждом из нас бог изрек; и посему неотвратимая и не-
РТ ежная судьба первого знаменования над нами дей-
ствия своего не имеет.

Другие, желая избежать Сциллы, руководимы незнанием точного судьбы знаменования, по неосторожности своей в противолежащую слепого случая (casus purus) Харибду низверглись; они, примечая тяготу и несовместимость судьбы с происшествиями, решились связь вещей слепым случаем прервать. Но кратко сказать, они утверждают то, чего сами не понимают; случаю приписывают происшествия, которых причины существуют в сокровенности; возможно ли есть уклонение атомов без причины, рождение людей, как говорит *Лукреций,* наподобие грибов? И следовательно, случай елепой есть порождение невежества.

Мы видим, настоят еще противоборники, в свете чудеса и дела, от известного нам течения натуры уклоняющиеся, все также человеческие силы превышающие. Но мы, внимая чудесным божиим действиям, разрушения порядка вещей не усматриваем. Нарушали бы те связь вселенныя, если бы порядок судеб следовал божеские намерения уничтожающий. Но хотя чудес посредством бесчисленных следствий чин вещей, по-видимому, и пременяют, однако с тем намерением происводятся, дабы следствия преступлений разрушить, а заблуждающих тем паче побудить к повиновению; и посем цепи вещей не прерывают, но пременяют на лучше исправляют и увеличивают, будучи соединены с мировроде конечныя причины, ибо для премудрых божески, намерений производятся.

Итак, краткое сие разума и опытов свидетельств ясно доказывает, что во вселенной одно зависит от другого, одно служит средством к другому как к концу все вещи, следуя естества уставам, суть в союзе, держании, сочетании и точной связи. Нет в оной ничего такого, которое бы не было беспосредственным действием чего-нибудь предшествующего или бы которое определяло существования вещей последующих. Ее бы также и мыслящие существа все без изъятия добровольно стремились к концу, творцем предписанному, коль бы сие для оных было важно и величественС, Но человек, не будучи махиною и игрою посторонсил, но свободно действующее существо, злоупотреблю преимущественную пред прочими животными спосность свободы, нередко с подобными себе вместо воделенного союза производит раздор, несогласие и в погибели оных низводит...

СЛОВО О ВСЕОБЩИХ И ГЛАВНЫХ ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ [7]

Всех, великих и вечных во вселенной законов, всемогущим повелителем природы установленных, ясно и совершенно представить, изъяснить и определить ограниченный разум не в состоянии, а некоторые из них замечать и открывать покушается. И хотя оные законы, может быть, совершенно и не доказаны, однако посредством разумных наблюдений и начал могут быть признаны вероятными и для дальнейших размышлений подают обильную материю. Под именем всеобщих законов природы разумеем мы не логические и онтологические аксиомы, как то: всякое существо есть одно, истинное, доброе; под именем тем не разумеем также начала противоречия и начала виновности. Но под именем всеобщих законов понимаем те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать, которыми природа везде управляется и которым вещественные и невещественные существа повинуются. Сии самые уставы философы доказывают или из множества опытов и из созерцания сея вселенныя, или из понятий о высочайшей премудрости зиждителя и творца всяческих, или наконец, производят истину сию из способности человеческого представления. К сим законам, в космологии замечаемым, принадлежит главнейший из всех.

I. *Закон непрерывности,* которого наблюдение в природе учинил славный Лейбниц и назвал его законом непрерывности по причине сходства геометрии с физикою. Каким образом в геометрии всех линей и фигур ведения рождаются движением непрерывным и как в правильных линеях все так между собою соединяется, что одной причину можно вывесть из другой, таким образом и в физических вещах все перемены и все превращения из одного состояния в другое совершаются непрерывным порядком.

В природе нет нигде прерывности (Natura поп facit saltum) [природа не делает скачков], нет никакого упущения, нет никакого внезапного прехождения от одной крайности к другой, нет ничего уединенного или отверженного. Одно зависит от другого, промежутки несовместны, и пустота невместима. Везде примечаем непре-

рывный союз, посредством которого одно зависит от другого. Все между собою ограничено беспосредственно; везде ход постепенный. Каждое изменение, каждое в природе явление предуготовляется и в зрелость приводится последственно. Вот понятие сего закона! Если обратим взор наш на рождения в природе, на произвождения великих и малых перемен в свете и на собственное нашего тела образование, то ясно усмотрим всегдашнее продолжение и неприметно постепенное образование. Как неприметно природа образует свои произведения! Из малейшего ростка возникают стебли и класы, из земли и семени — высокое дерево. И кто может самыми тонкими чувствами понять природу по ее следам? Мы сами, как мы сделались тем, что теперь? Наше возрастание, нашего тела образование не приводила ли она в сие состояние постепенным путем?— Самый рассудок человеческий, так сказать, от времени до времени возвышается, и состояние последствующее совершенно понимать можно из предыдущего, так как и предыдущее из последующего. Сей также закон доказывается из свойства всякой системы, в которой как недостаток дополняется, так избыток исключается. И как устав сей наблюдается в вещах физических, то не подвержено сомнению, что оный имеет свою силу и во нравственности.

Однако противоборцы сделают нам возражение, что в природе бывает прехождение от одной крайности в другую. Сколько видим примеров как в политическом, так физическом и нравственном мире? Великие политики прехождение от безначалия к тирании почитают за дело весьма естественное. Как первое, так и другое суть крайности. Иной человек по сложению своего тела от крайней неповоротливости скоро преходит к сильному движению. Флегматик приходит иногда в сильный гнев и запальчивость. Не часто ли случается с человеком, что он из одной страсти повергается в противоположную; сперва весьма весел, потом весьма печален. Не доводило ли иных суеверие до неверия? Не превращалось ли благочестие в нечестие? Все сии явления ничего не доказывают против закона непрерывности. Что кажется нам внезапным прехождением, то при точнейшем внимании и исследовании есть дело естественное, есть прехождение, посредством непрерывной связи естественных причин предуготовленное. Во время смятения

и безначалия возбуждается способный дух для отважных предприятий; любоначальный и деятельный человек, пользуясь сим случаем для утеснения, вооружается, и, наконец, неблагоустроенная толпа принуждена подвергнуться воле тирана. Что касается до невспыльчивого гнева и человека тихого характера, то вспыльчивость производится или от таящегося в нем гнева и мало-помалу усиливающегося, или от посторонних обстоятельств, оную питающих, поддерживающих, укрепляющих и, наконец, воспламеняющих. Человек, восхищенный радостию неумеренною и весьма живою, часто подает повод к упрекам, а посему и подвергается следующим из оных беспокойствиям, виновникам печали; всякая неумеренность, даже и во время наслаждения, бывает естественною причиною противоположенных чувствований. Иногда, может быть, дух оживляется и ободряется. Сие приятное в человеке чувство, усиливаясь, расторгает тяготящие оковы. Человек, во всем том недоверчивый, что для необузданности его кажется предосудительным и опасным, не верит и самой истине, попирает лучшее с худшим, и как он прежде чему-нибудь верил, чему верить не надлежало, то не согласится также верить и тому, что здравый рассудок предписывает. От прямого пути удаляющийся предпринимает сие в рассуждении сердца так, как суеверный в рассуждении разума. Правда, он чувствует, может быть, свою потерю, хочет вознаградить, но не знает как. Он, не будучи озарен правильными понятиями, делается, наконец, игралищем своего воображения. Чем больше желает он от сея болезни излечиться, тем неблагорассудительнее он в избрании лекарств и, будучи отчаян, следует советам всякого врача. Вот естественная непрерываемая связь и ход вещей!

II. *Закон бережливости, кратчайшего пути или самомалейших средств* (lex parsimoniae, minimitatis). Природа ничего не расточает, ни весьма истощевает и ничего вотще не употребляет, и ничего полезного не опускает, кратко сказать, малым великое производит. " ней нет недостатка и нет избытка. Что касается до [e]е действий, то она действует всегда со всевозможно малейшим употреблением силы и кратчайшим путем. [e]зде примечаем действия, соразмерные достижению Цели. А посему сама природа есть великая для нас зставница, примером своим показывающая вверенных

нам благ и сил в надлежащем порядке содержание для благоразумного употребления, а не расточения.

Но, может быть, кто сделает следующее возражение: в природе некоторые намерения не достигают своей цели; то не совершается, что должно совершиться: сколько тысяч цветов, которые никакого не приносят плода, и сколь бесчисленное множество семян не развивается и пропадает; сколько зачавшихся в утробе младенцев лишается жизни? Десять цветков нужно для одного плода, сто семян для произведения одного растения; итак, самая природа в рассуждении сих случаев не напрасно ли свои силы употребляет и расточает? Как неправильно заключает маловидящий человек! Ибо некоторые цветы должны были произвести плод, и потому все ли должны претвориться в плоды? Но можно сказать и обратно: многие должны были остаться только цветами, дабы несколько было плодов. Уменьшение существ по силе всеобщих законов было необходимо, и попечительная природа, не терпя излишности и не имея недостатка, все по расчетам своим в надлежащее приводит равновесие, ей известное. Она премудро печется, чтоб благотворная ее цель, для сохранения ее существ, не была уничтожаема. Может быть, также иной скажет: если природа все полезное строит, то для каких выгод случаются бури, сильные ненастья, грады, зной и пр.? Но сии самые перемены не по необходимым ли законам рождаются и действуют? Не споспешествуют ли высочайшим и всеобщим намерениям природы для достижения своей цели? Ограниченный человеческий разум всегда занимается какою-нибудь мелочью, не видя важнейшего, находит только неустройство вне себя; он, не вникая в большую и всеобщую связь, не усматривает целого сцепления бесчисленных и особливых целей. Противники также возражают, как выше сказано: «Сей цвет должен сделаться плодом, сие зачатие во утробе долженствовало быть совершенным человеком; но как следствий того часто не видим, то по их мечтанию и самая природа своей цели не достигает и свои силы расточает». Так мыслит человек, пред очами своими имеющий какой-нибудь особый предмет или одну какую-нибудь цель. Но пусть противники, представляющие нам, что сей увядший цвет не принес плода, заченшийся во утробе младенец не учинился совершенным человеком, докажут нам не только сие, для чего сей цвет не оплодотворился, для чего

зачатый младенец не возник на свет, но еще и то, чтобы из одного цвета большему множеству плодов следовать надлежало. Кто может определить, как далеко каждое существо в продолжении своего бытия проходить долженствует? Кто может предписать дальнейший ход нежели какой был приличен? Кто измерит всех существ цель?

Между сими главными природы законами также счисляется Ш-й *Закон всеобщего сохранения,* который можно производить из закона предположенного и, как некоторым философам угодно, из закона непрерывности. Если рассудим мы о началах, на которых сей закон основание свое имеет, то для утверждения сего во всей вселенной наблюдаем мы опыты, показывающие нам везде только разрешения, а при разрешении везде опять новые соединения, но нигде не примечаем недостатка сил природы в целом. Если же вникнуть во внутренность уничтожения, то мы не имеем довольной причины все в свете уничтожать. Известные философы Картезий, Билфингер и Мендельзон основание доказательства в рассуждении сего закона заимствуют из свойства божией неизменимости.

В природе ничего не пропадает, ни одна пылинка не уничтожается. Все ее действующие силы целы. Всякое существо продолжает свое бытие. В новых образах токмо и бесчисленных смешениях и видах прежние существа паки возникают. Всякое по нашему понятию ветхое, стареющееся и к падению клонящееся и истлевающее преходит в другой вид, лучший и совершеннейший. С одной стороны сколько вещество, по-видимому, уничтожается, столько с другой стороны оное преобразуется и обновляется. И посему Картезий утверждает, что одинаковое всегда по вселенной количество сил существует. Даже и остатки человеческого тела, самый прах, в который оно некогда превратится и разрешится, беспрестанно действующей природе подают случай к возрождению оных. Разрушение и восстановление суть вечный природы круг. Все рождения в природе основываются на разрушении. Смерть не другое что есть, как вид возрождения, восстановление новой стройности — прехождение к новой и совершеннейшей жизни, и исход [в] новое, обновленное тело. Но сущности вещей, первоначальные силы, из которых все сложения начало свое [е]РУт, никогда разрушиться не могут. Преобразование и превращение есть дело природы.

Во всей вселенной везде примечаемо определенное количество действующих сил. На сей же равности сил утверждается закон *вознаграждения* (lex compensationis). Мы все после проливного и продолжительного дождя ожидаем ясности неба. Тишину погоды преемлют ветры, неурожай награждается плодоносием, избыток отмщевается недостатком. Океан иногда поглощает часть земли, а вместо сего из глубины морской возникают острова. Здесь иссякают источники, там новые отверзаются. Природа наблюдает свои расходы и приходы, имеет свои расчеты. Посему ее произведения действий должны быть произведения и содержанию ее сил равны. Что, по-видимому (ибо мы причин соединений и намерений постигнуть не можем), в одной части мира и в одно и то же время представляется излишним, то в другом месте усматривается недостаточным. Она там много производит, где, как нам кажется, уменьшает и где мы видим недостатки, там она преизобилует. Силы ее никогда не умаляются, но и никогда выше своей сферы не восходят. Что касается до обращений ее, то они суть различны; но произведения ее всегда между собою равны. Присем и то может быть доказательством, что когда в одном месте восходит утренняя заря, то в другом появляется вечерняя. День и ночь, тьма и свет всегда в одно время существуют, но токмо в различных странах мира; кратко сказать, никогда солнце в одно время не озаряло всех народов одинаковым сиянием; никогда не было всеобщего дня на земле. Се законы природы всеобщие и главные! есть также и другие, испытателями природы замечаемые, как то *закон разнообразности в единстве и единства в разнообразности, закон соразмерности* и проч.: но мое намерение было представить только главные, которые всемогущий зиждитель и промыслитель предначертал, дабы вся природа благоговейно его почитала и следовала премудрым и для нее спасительным уставам...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые напечатано в 1790 г. Публикуется с сокращением авторских подстрочных примечаний по кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 363—376.

[2] *Вальх И. Г.* — немецкий богослов, философ-идеалист XVIII в.

[3] *Бонне Ш.* — швейцарский философ-идеалист конца XVIII в.

[4] *Титель Ф.* — немецкий богослов.
[5] *Слейден И.* — немецкий историк.
[6] *Минуций Феликс* — римский правовед.
[7] Впервые напечатано в 1799 г. Публикуется без сокращений по кн. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 377—383.

Раздел 11

ВОЛЬФИАНСТВО

ТЕПЛОВ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Г. Н. Теплов родился в 1717 г. в семье истопника. Первоначальное образование получил в школе, учрежденной Ф. Прокоповичем, который обратил внимание на способного ученика и послал его в Германию для продолжения образования. Вернувшись из-зй границы в 1736 г., Г. Н. Теплов поступает в Академию наук студентом, а затем переводчиком; с 1742 г. он — адъюнкт Академии. В это же время Теплов входит в круг приближенных графа А. Г. Разумовского, с братом которого в 1743—1746 гг. путешествует по Европе, пополняя свои знания.

В 1746 г. К. Г. Разумовский становится президентом Академии наук, а Г. Н. Теплов — ближайшим его помощником. Его назначают асессором в Академической канцелярии, а уже через год избирают почетным членом Академии наук и одновременно членом Академического собрания, в котором старше его чином был лишь И. Д. Шумахер. Он становится также членом Академии художеств, Мадридской Академии наук, действительным членом Вольного экономического общества.

В 1762 г. Г. Н. Теплов участвует в дворцовом перевороте, примкнув к партии братьев Орловых. Им был написан манифест о восшествии Екатерины II на престол. С этого времени он делает блестящую политическую карьеру, став статс-секретарем Екатерины, членом Комиссий о коммерции, о духовных имениях; в 1767 г. Г. Н. Теплов получает чин тайного советника, в 1775 г.— сенатора.

Г. Н. Теплов был одним из одареннейших людей своего времени: литератором, музыкантом, естествоиспытателем, философом, автором многих политических проектов и постановлений, в том числе в области просвещения. Ему, например, принадлежит Регламент Академии наук.

Г. Н. Теплов — сторонник вольфианской философии. Он автор анонимных сочинений «О качестве стихотворца рассуждение» и «Рассуждение о начале стихотворства», опубликованных в 1755 г., которые до недавнего времени приписывались М. В. Ломоносову. В 1961 г. после публикации письма Г. Н. Теплова в Академию художеств (Русская литература. 1961. №1) было доказано его авторство.

Наряду с этим Г. Н. Теплова отличала ясно выраженная приверженность к реакционным кругам русского общества, защита дворянских привилегий. Он оказался среди «неприятелей наук российских». В своем письме от 30 января 1761 г. Г. Н. Теплову М. В. Ломоносов обличает его поступки, направленные против русской науки (Ломоносов М. В. Избр. произв. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 329—332).

Скончался Г. Н. Теплов в 1779 г., похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Теплов Г. Н.* Знания, касающиеся вообще до философии... Кн. 1 СПб.: Б. и., 1751. 301 с.
2. *Теплов Г. Н.* Наставления сыну. СПб.: Б. и., 1760. 54, 2 с.
3. *Теплов Г. Н.* Отрывки из произведений // История эстетики: В 2 т Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 758—764.
4. *Теплов Г. Н.* Наставления сыну; Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ // Антология педагогической мысли России XVIII века. С. 203—213.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лонгинов М. Н.* Биографические сведения о русских писателях XVIII века: Г. Н. Теплов // Русская старина. 1870. №8. С. 194—197.

2. *Теплое Г. Н. II* Русский биографический словарь. СПб.: Б. и., 1912. Том: Суворов — Ткачев. С. 471—478.
3. *Безобразова М. В.* Философ XVIII века Григорий Теплов // *Безобразова М. В.* Исследования, лекции, мелочи. СПб.: Б. и., 1914. С. 110—143.
4. *Штамбок А.* Об авторе рассуждения «О качествах стихотворца» (К вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма) // Рус. лит. 1961. № 1. с. 169—181.
5. *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» (Из истории русской журналистики 1755 г.) // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 133—162.
6. *Кривошеева В. А.* Г. Н. Теплов об общественном прогрессе России // Методология научного познания и исследования социальных процессов. Иркутск, 1977. С. 152—158.

ЗНАНИЯ КАСАЮЩИЕСЯ ВООБЩЕ ДО ФИЛОСОФИИ

Глава пятая

ИЗЪЯСНЕНИЕ СЛОВА ФИЛОСОФИИ

§ 34

Философия наука такая, по которой через разум наш и заключения от известных вещей познаем неизвестных. Сие краткое изъяснение иным образом сказано на российском языке, нежели в своей философии многие учители на латинском, немецком и французском языках говорят. Изъяснение слова, что называют ученые дефиницею, быть должно коротко, ясно и свойственно. Ибо таким образом и способом дефиниции сочинять надлежит, о том в логике самой покажется. В школах говорят, что *философия есть наука всего возможного, поколику оно сбыться может.* Для меня сие изъяснение очень темно и сомнительно показалось. Они говорят, что познание всего того, что возможно, лишь бы только статься могли, философия есть. Сие самая правда: но обратно сказать не можем, чтоб все то, что есть познание возможного, поколику есть или быть может, было философия. Кто не может под таким изъяснением легко разуметь и истории? Ибо и исторические дела, которые мы знаем, также возможные, хотя притом прошедшие. В дефиниции не сказано, что философия есть наука возможного, что было, что есть и что быть может, но просто возможного. По чему мы видим,

что сие изъяснение не одну философию значить может, но и другое нечто. Чего ради я с позволением моих читателей, оставив многие изъяснения философии, которые на других языках написаны, так как несвойственные, на нашем предлагаю изъяснение новое. Когда я говорю, что философия есть наука такая, в которой через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные, то я, конечно, могу сказать и обратно, что все то знание, в котором мы через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные, называется философия.

§ 35

От сего непосредственно два следуют разумения, которые сами себе не противны, а оба в философии находятся, и оную почти составляют. Когда мы говорим про философию, что она есть наука такая, в которой через разум наш и заключение от известных вещей познаваем неизвестные, то, конечно, оную разделяем на две части. Первое на способы, которые в ней находятся, как познавать через заключение разумом нашим и рассуждением от известных вещей неизвестные. Второе и на вещи самыя, которыя уже таким образом познаем и от них новыя другие, которыя удобно познаны быть могут. Что есть *наука философская?* Есть способность то доказать правильно через заключения, чему кого верить заставляю или из начал неподвижных и праведных вывести законные заключения. Но через заключения правильно что доказать помощию логики мы можем, итак логика есть ключ всея философии. Она показывает дорогу и способ, как в философии нам с разумом нашим поступать надлежит. Что же значит начало неподвижное и праведное? Что значит законное заключение, и каким образом оное установиться может и должно? Из сего видим, что соединение логики есть неразрывное с философиею. Чего ради и в дефиниции оное словом наука рассуждения и заключения вошло. Что же я говорю, что мы от известных вещей познаваем неизвестные, то самыя вещи в философии находящиеся разумею. Таким образом через изъяснение мое, полное понятие, как мне кажется, даю о философии. Мы уже прежде приняли за основание всея философии три познания человеческия. Историческое потому, что никакому рассуждению не подвержено, того ради оное как простое

познание не отделяем от философии, но как легкое оставляем. Философское познавается помощию логики, а математическое помогает и дополняет оное. Математика сама в себе части свои имеет, как например: механику, оптику, астрономию, гидравлику, гидростатику, аерометрию и проч., в которых метод делает сама математика. [...]

§ 36

В философии первая та должность, чтоб рассуждать о том, что есть и что быть может. Все то, почему что сбывается, есть причина бытности. Философ для того всегда должен смотреть всякого явления и всякой вещи ея причины, и обратно на всякое явление должен смотреть так, как на причину, которая то или другое от себя произвести может. Откуда и то, что еще не сбылося, можно понять, что оно сбыться может, ежели уже причина его видна. Таким порядком заключает от одной бытности другую. Доходит он до самых дальних вещей, которые хотя еще не суть, однакож в себе называются возможные. Потому в философии все возможное доказано быть может. Что же свыше понятия человеческого, то мы называем таинством или сокровением. *Доказывать* есть не что иное, как показывать вещи свою причину и не токмо то, но ежели случатся две или многие вещи, которые бы по нашему мнению могли в одном времени или в одном месте быть. Философ может доказать, для чего та, а не иная вещь случилася, например: статься может, что человек сердит на своего неприятеля или ласков к нему и его любит. Может философ и тому, и другому причину сыскать, ибо как то, так и другое не может быть без довольной причины. *; Почему легко и то может доказать, для чего он своего неприятеля любит, а не сердит на него. Из сего следует, что в философии ни о чем так стараться ненадобно, как чтоб всякое было рассуждение праведное и чтоб всякое заключение основание свое имело на правде; для того философия есть такая наука, в которой все доказывать надобно через заключение, которое выводить надобно из начал прямых и бесспорных, что ежели всегда учинено будет, то никогда сомнительства никакого не сделает. Начала самыя надлежит брать из опытов, что мы прежде уже называли историческим познанием. А для совершеннейшего доказательства матема- г*

тика служить должна. Сие то есть прямое средство у сысканию правды, то есть, что в опыте видим, то математикою доказывать должны.

§37

Ясно уже видим, как далеко простирается познани< историческое и математическое в философском, то есТi оная два познания столько нужны в философском, чт(они к наибольшему нас уверению привести должны. И: опыта мы видим через познание историческое, что жа] солнечный полуденный не во всякое время года на ТОI\ же месте равен и одинаков, и что на местах разно) широты всегда различен бывает. От равноночия даж< до равноденствия мало-помалу всегда прибывает и об ратно от равноденствия до самого равноночия всегд; таким же образом убывает. Чего ради на всякий ден жару солнечному определять надобно свой градус, кото рый в первом случае всегда больше становится, а последнем меньше. Вода по наклонности дна речног с особливою быстротою и устремлением бежит; и такж самая, когда ея приводят каналом к водяной мельниц* у которого не столь великую наклонность дна имееп с меньшею быстротою устремляется; но когда спустите к самому колесу, тогда уже третий градус течения евс его имеет. Сие мы знаем через опыты. И когда види] определенныя степени скорости, силы и быстроты, т можем с помощию математики и удовлетвориться о них подлиннее. Так слово в слово и в делах невещ« ственных случается. Прилежание в разных людях будт бы степенями некоторыми рознится. Один имеет больш прилежности, а другой меньше. Один столько терпели! что хотя бы какую трудную и долгую материю в книг читал, не отстанет по тех пор от оныя, покамест не nof мет, а другой любит только легкия и короткия вещ читать, буде же, что хотя несколько при начале трудн ему покажется, то тотчас покинет. Кто не знает, чт есть степени в добродетелях и в пороках по различи: субъектов? Сие все решению математическому подвер жено. В таком случае мы опыт, или что тоже значи' познание историческое за первое начало своему поч! таем, и оттого свои дальние произведения и заключ! ния делаем, а другое, то есть математическое, все уч1 ненные заключения поверяет. Суть такие в натуре случа: что оных причина закрыта и их никак понять не можн(

В таком случае одна только математика способствует потому, что такой случай тогда зависит или от определенной некоторой фигуры, или от некоторого количества так, что может быть тогда совсем иной бы случай был, ежели бы в нем иная фигура была, количество большее или количество меньшее. Например, философа должность есть показать причину, для чего пчелы в своих сотах делают шестиугольные ячейки и для чего не иной какой фигуры. Ежели он хочет во всем быть по должности своей исправен, то надлежит ему не меньше употреблять познание математическое, как познание историческое или философское, через которое он мог бы доказать, что изо всех фигур возможных в данном случае сия выбрана так, как самая пристойная и согласная. Такие доказательства великую силу имеют в философских делах.

§38

В изъяснении моем имени философия я показал, что она есть наука такая, в которой через разум от известных вещей показываем неизвестныя. Кроме того, что нам логика показывает и отворяет путь к пространной, как рассуждать о вещах известных и как от них приходить в рассуждение к вещам неизвестным, мы в философии находим удовольствие то, что можем великое или бесконечное множество вещей знать, и их между собою согласие и связание. Все то, что мы понимаем так, как возможное, уже философ о том рассуждать может. Я говорю о таких вещах, которые разуму нашему поверженны. Ибо тогда то знаем, что нет такой в свете вещи, с которою бы неможно было соединить знания философского, то и то, разумеется, что о всякой вещи философствовать можно, потому, что философствовать не; что иное есть как иметь познание философское, то *есщ* рассуждать о причинах и прочая, как уже выше о тол многократно было говорено. Сколько мы в состояние в жизни нашей философствовать и сколько философи"[1] в нашей власти имеет, о том всяк легко удостовереЙ; быть может. Делом самим мы усматриваем, что фило^ софы не без доброго успеха по сие время трудятся изыскании причин всему тому, что есть и что быть может! Теперь надобно только на настоящее смотреть. Всякого^ кто хочет трудиться, успех научит, сколь трудное делд; есть, а особливо внове философствовать, напротив того,* когда оной усмотрен будет, сколь приятное оное кажется.

§ 39

Что полезно употребление философии, о том уже никакого сомнения нет, ибо оную не только в науках людям ученым можно употреблять, но и простым людям случается ею же пользоваться в жизни равномерно; с тою только отменою, что ученые люди знают про себя, что они философствуют, а для того поступают по некоторым к тому учрежденным правилам, а простые то же самое делают в повседневных случаях, не думая, что они философствуют. Когда ученый человек обязан, или разумной от известных вещей поступать умом своим далее к неизвестным, то рассудить надобно, сколько же тако умствование или философствование потребно в таких науках, в которых разум один достопохвальные опыты показывать должен. Юриспруденция, медицина, а к тому и красноречие разумом и умствованием философским наполнены быть должны. Так, например, в юриспруденции обучаются прав и законов натуральных и гражданских; но когда тому есть причина, для чего сей, а не иной закон гражданам предписан, для чего сей, а не иной указ в народе опубликован быть должен, то потому можно сказать, что есть и наука такая, которая изъясняет натуральным образом те причины, для которых что бывает, и оная называется философия юридическая, ибо мы прежде уже сказали, что всяк, кто причины вещам выискивает и оттого новые следствия выводит, тот философствует. В медицинской, или, по-нашему, докторской, науке речь есть о здравии человеческом, о болезнях, о том, что здравие человеческое сохраняет и что отвращает болезни. Но когда есть к тому причины подлинные и прямые, что человек здоров и что человек болен, для чего то или сие сохраняет человеческое здравие, то или сие лекарство болезнь отвращает; то видим, что и тут надобна такая наука, которая изъясняет всего причины, и потому должна быть философия и в медицине. Словом, во всякой не только науке, но и во всяком художестве надобно, чтоб были свои причины, и надобно, чтоб оные через философствование открывалися. Возьмем такое рукоделие, которое бы не похоже было ни на какое искусство. Например, дрова колоть. Сего рукоделия нет уже подлее, но и тому есть причина, для чего они колоться могут и для чего токмо клином или топором быть сие Должно. Силу клина и тех ударов, которыми он посы-

лается, легко можно математикою доказывать. Не сказал бы кто, что я знание сие на тех взыскиваю, которые простою работою питаются. Я только пример говорю. Почему можно видеть, что и сего столь подлого рукоделия есть познание философское и математическое, так что первое из последнего подлинное и совершенное свое известие имеет.

§ 40

Здравое рассуждение нам ясно представить может, что мы легче и способнее то можем употреблять в пользу нашу, что понимаем познанием философским. Напротиву того познание историческое, как я прежде показал (§18), часто нас к великой ошибке приводит, потому что мы тогда не рассуждаем о причинах, но смотрим только просто на вещь. Видит, например, кто, что ежели кол возьмешь осиновый и воткнешь в землю, то даст от себя корень и ростки пустит, да хотел бы то же сделать и с березовым и дубовым колом. Труд его подлинно будет напрасный. Ежели кто старается сыскать тому подлинную причину, для чего так делается с осиною и с другими тому подобными деревьями и травами и для чего же можно то же сделать с березою, тот, конечно, напрасно не станет трудиться над березою или дубом, для того что он уже ведает про ту особливость, которая в осине находится. [...] В нравоучительных и политических делах по сие время совсем оставлена еще философия. Я не хочу говорить о наших судных делах, которые иногда с правилами философскими не соединены, но особливую форму по способности народа и по нужде в обществе имеют. Мы видим из многих иностранных процессов, в которых хотя дело и прямою дорогою пошло, хотя умные люди и философствуют, однако ж всегда конец еще сомнителен бывает. От чего сие бывает? От того, что когда или по пристрастию, или по незнанию одно, что лживо будет рассуждено, то от того все заключение пойдет ложное. Так мы склонны бываем к милосердию, для чего? Для того, что к чувствию оная приводит бедного бедность. Напрасно бы убогие тем себя льстили, что всякому без разбору представлять и описывать свою бедность. Не у всякого столько есть понятия, чтоб мог тотчас чувствовать их бедность, и в сем случае философствовать. Ибо иногда милосердие в иных совсем находят, а иногда к посмеянию

и ругательству через представление своей бедности возбуждают. Тот, кто имеет философское познание, знает уже, что в том человеке милосердия быть не может, который любви не имеет к бедным, и для того и не покусится одним только представлением своей бедности склонить того к милосердию, или по последней мере буде начал, то надежды не имеет пользу из того видеть.

§ 41

Ежели мы какой вещи имеем познание философское, то оное можем и в других вещах с таким же добрым успехом в жизни нашей употреблять, и хотя не всегда, однако ж, по меньшей мере, больше, нежели то знание, которое мы понимаем о какой вещи только по-исторически. Но сие в таком случае бывает, когда причина вида находится в роде. Положим, что род есть *животное,* а виды *разумное* и *неразумное;* разумным животным мы называем человека, который душу разумную имеет, а неразумным скотов, которые без разумной души пребывают. Такой человек, который только познание историческое имеет, ежели через свое историческое знание ведает, например, что животное неразумное говорить не может, то он не может далее и заключения своего производить, то есть от льва к слону, от слона к собаке, к птице, к рыбе и проч., ибо все сии суть одного вида животныя неразумные под своим родом *животное,* а к другому виду, то есть к человеку, так как к *животному разумному,* того заключения производить не может. Но человек, который познание философское в таком случае имеет, знает, что возможность говорить от того происходит, что род животных не всякий имеет те органы, или уды, которыми бы он говорить мог. Следовательно, он может заключить от одного вида и вообще к роду, то есть может сказать, что всякое животное, хотя разумное, хотя неразумное, хотя человек, хотя скот, да ежели удов к говорению не имеет, то и говорить не может, для того что мы видим многих и людей, которыя говорить не могут и с природы немы. Почему о животных вообще сказываем, что они или говорят, или не говорят. Кратко сказать, тот, кто историческое познание имеет только, ежели он одного человека увидел, что он имеет способность говорить, то и о всех людях генерально тотчас скажет, что все люди говорить могут, или, ежели птицу увидел, что не говорит,

то и все птицы, скажет, что не говорят. Но тот, кто философское познание имеет, знает подлинную причину, от чего то в животном вообще бывает, что иное говорит, а иное не говорит. То есть в одном уды приучены к движению, а в другом нет. И так он, знаючи и тому и другому причину, заключить может совсем противное. Он иногда скажет, что и человек говорить не может и птица говорит. Я в сем примере не инако принимаю говорение, как только выговаривание слов. Ежели о какой вещи познание имеем философское, то оное можем употреблять и в других вещах, буде того только вида в роде причину узнаем, от чего вообще животные говорят или не говорят, то и заключаем от одного животного к другому праведное мнение.

§42

От сего следует, что философское познание, как уже мы и прежде особливо о том показали, есть прямой путь к познанию вещей, ибо когда я ведаю что о скоте, дереве, камне и проч. вообще, то ведаю уже тоже и о всех сих вещах особно. Чего ради не только польза из того происходит, но и забава непосредственная. Как тот человек не пользу приносит в жизни себе, который зная вещам или случаям многим причины, легко может и к другим вещам праведное заключение сделать? Мы уже по натуре так сделаны, что всегда тем веселимся, когда нечто знаем, чего другой не знает; а философ, который всем вещам и их бытностям знать должен причины, в том наипаче перед другими незнающими преимущество имеет, что чувствовать может, сколь великая ему из философии есть утеха. Такую его забаву я не знаю, может ли кто иной понимать кроме того, кто сам несколько себя сей науке сделал уже участным. В сем случае мы можем видеть, что и между философами есть великая разница. Один больше причин вещам знает, другой меньше, и потому один больше философ, другой меньше. Да и быть тому инако не можно, для того что не всяк понять все может. Посмотрим же притом и на множество вещей, о которых философ рассуждать может. И не только то, но еще различные роды философской науки, которые суть части вообще всей философии. Один мыслит о телах чувствительных и делает заключения к телам нечувствительным и к таким, которые бы только быть могли; и что делает один вообще, то

другой о всякой вещи особно. Иной старается о духах, о страстях человеческих, разбирая все сие подробно, а иной предписывает законы натуральные, по которым человек сам с собою поступать должен и с ближним своим, какую должность он имеет к богу, государю и обществу в житии общем, домашнем, сыновнем, рабском и прочая. И так никто о себе не может сказать, как бы он ни учен был, что он совершенный философ. Когда он искусен в одной части философии, которая сама по себе бесконечна, то недостаточен будет и в другой.

§43

От сего разуметь должно, что философами хотя и называются ученые, которые рассуждают о причинах всех вещей вообще, однакож в таком разуме не можно принимать имени философа, чтоб он был всеведцем, и во всех частях философии равно был искусен. Довольно, когда он генеральное нечто о философии всей знает, и получивши некоторое вообще искусство, определит себя в некоторой части философии особно. Чтоб человек столько был искусен во всем познании вещей, в мире пребывающих, чтоб погрешить никогда не мог, того иметь невозможно; но и тот уже человек в философии искусный называется, который имеет познание вообще философии, имеет способность о всем том, о чем прежде не думал, праведно мыслить. Сие есть великое познание, к которому через великий труд и долгое время привыкать надлежит. Итак, кто только предложения философской науки знает наизусть, а доказать истинность оных не может, тот оную знает так, как историю, и потому он о философии не философское познание имеет, но историческое. Как же я могу такого назвать философом, который не зная правил и предложений философских истинность, никаким образом философии своей употреблять не может к изобретению новых вещей? [...]

§44

Не вовсе я откидаю такое философии и математики знание, которое называть должно историческим, но еще соединяю с оным великая пользы. Кто хочет в философии своими мнениями дале поступать, тому сие необходимо надобно, чтоб философский предложения крепко наизусть затвердил, дабы без дальнего труда обо всяком мог припамятовать в случае потребном. Историче-

ское философии познание чем тверже, тем больше оное можно употреблять в жизни человеческой. С философскою наукою равно случается, как с математическою. Кто у нас не видит, что многие арифметику практическую в разных случаях с наилучшим успехом употребляют, хотя доказательств тех всеконечно не знают, которыми истинность своих действий в потребном случае доказать должны. Мы видим, что многие архитекторы, геодезисты, инженеры и проч. наилучшим образом отправляют свою должность через одну только практику и решают свободно все практические им данные задачи, хотя их и не могут доказать. Однакож, чтоб всякое решение уметь доказать, сие пользу еще большую могло бы им приносить, но не всяк способность такую иметь может, чтоб получить познание в философии философское, а в математике математическое, хотя бы сие необходимо было потребно. Со всем тем я уповаю, что и такие люди, которые по-исторически научатся философии, могут причтены быть к числу непоследних ученых людей, для того что они, получа первый градус наук, сами могут распространяться своим разумом и разыскивать праведные причины своим предложениям и доказательства. С такими людьми, которые по-исторически желают быть научены, надобно особливым порядком в обучении их поступать. Невозможно им с самого начала всякое предложение с доказательствами показывать таким образом, как Вольф свою философию предложил, но всегда полезнее им будет, ежели сперва все предложения, правила, изъяснения, следствия и задачи историческим образом представлены будут, к которых именам и действиях должны они привыкнуть, а потом оныя ясным образом надлежит доказывать. В сем случае легче понять можно доказательства, а в доказательствах уже то разумеется, что ученик должен знать очень твердо предложение, то, которое ему доказывается. Кто прежде в том искусен, тот при доказательствах самых трудных великое облегчение чувствовать может, и в науке философской с лучшим успехом делать прогрессы.

§45

Признать мы еще должны, что тот, кто про философию или наслышкою знает, или способною памятию многие предложения наизусть затвердил и помнит оные

по-исторически, не может никогда быть судьею в делах философских. Кто спор какой в философии хочет развести, тот должен доказать, согласно ли сие заключение с прочими заключениями, и в чем оного состоит или согласие, или несогласие. Но такое знание мы же приписываем тому, кто познание о философии имеет историческое, и для того не может и судьею в философских делах быть. Однакож мы иногда противное видим, да и нередко. Кто же рассуждает у нас об ученых делах? Кто не диспутует, когда только малую самую частицу сия науки ухватил или наслышкою в компании, или по случаю из чтения? Ведаю, что для тех, кто в философии и вообще в науках мало или несколько искусен, сия наука не столь тяжела быть кажется, но и я говорю, чем глубочае в оную вникать, тем большия трудности окажутся.

§ 46

Есть еще между таким человеком, который по-исторически философию знает и таким, который знает по-философски, то есть всякого предложения уметь истинность доказать середнее некоторое знание, которое не может уже называться познанием историческим, а не доходит еще до философского. Я почитаю в таком градусе тех людей, которые знают философские предложения по-исторически. Знают их истинность, но не чрез доказательства, да чрез опыты, но и примечания. Ибо они доказательств самих, которые бы состояли в одном разуме нашем, понимать не могут. Что прямой философ знает доказать через заключения по разуму, то сей по опыту и примечанию. Я бы желал, чтоб те, которые столько способностей не имеют или времени им недостает, всякое философское мнение разумом понимали и доказывали и, желая получить некоторое знание философии, могли прийти хотя к сему градусу философскому. Многие оптические знания доказываются экспериментами, потому что их доказательства, состоящие в разуме одном, не столь легки, чтоб всяк мог или хотел понимать. Мне и самому рассуждается, что первый и самый лучший градус философствования, эксперименты или опыты физический, много можно в философии пользы найти, ежели оная предлагается добрым порядком и нетрудными словами. Таким образом, я старался служить охотником до наук философских. Однакож

о предприятии моем конец дела больше удостоверит. Надобно к тому и доброе частей философских разделение, чтоб всегда от легких правил и предложений к дальним и труднейшим поступать. Тот, кто память благополучную имеет, перво бы упражнялся в затверженин одних правил и предложений философских, не рассуждая еще о том, почему оныя, но верил бы слепо. **Потом** показать ему должно опыты философские и заставить его самого или ввести в него охоту, делать философские примечания, по которым бы он о истине философии уверен быть мог. Напоследок должно ему самую науку показывать, которая разумом одним только понимается, так всей философии порядок начинается от логики, **в** % которой правила показываются к философствованию. Переходит в физику, где эксперименты, а напоследок кончится моральною, или нравоучительную философиею. Первую часть в школах называют философиею инструментального, другую философиею теоретическою, а третью философиею практическую. [...]

Часть третья

О СРЕДСТВАХ НАДОБНЫХ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ РАЗУМА НАШЕГО В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТИН

Глава девятая

О БЫТИИ ВООБЩЕ И СУЩЕСТВЕ ВСЕХ ВЕЩЕЙ ОСОБЕННО

§79

В преждедоказанной первой части довольно **было-** исследовано, что к должности человека принадлежит,' который в какой-нибудь вещи философствовать хочет,^ то есть иметь ему надобно в непосредственном совер-1 шенстве три познания: историческое, философское *ш* математическое. Итак, в сей части покажем, каким об-if разом вещи бытие свое имеют. Сие не что иное **есть,",** как указание дороги, через которую душа наша начинает провидеть себя способность, каким образом во **всех** вещах разыскивать надлежит правду. То уже само **через** себя разумеется, что человек, который хочет быть прилежен, должен иметь талант особливый от бога в **поня-**

тии и распространении мыслей своих. Без сего таланта все его прилежание суетно. Философы обыкновенно понятия называют перцепциею. Перцепция, или понятие, есть самое первое дело во всей жизни человеческой. Все, что мы чувствуем, знаем, видим, делаем должны наперед разумом понимать. Не понявши же разумом, ни до чего коснуться не можем. Но понимать есть дело так малое в рассуждении всего последующего действия, что почти действие не почато, когда мы только одно простое понятие о бытии вещи имеем. Напротиву того, столько справедливость оного нужна, что оно-то есть первое основание во всех вещах искусства человеческого. Ежели первое понять худо учреждено или поставлено, то все последующее рассуждение, как бы ни остро было, так как на лживом основании положенное, не годно. [...] Рассудить надобно, не все ли прежних философов мнения о многих вещах, да и о самом божестве иногда смеха достойны были, как мы выше видели. И не от того ли то все происходило, что не основали они себе первого понятия доброго, например: одни говорили что земля стоит на четырех столпах, другие говорили, что души человеческий переходят из человека в скота, из скота в человека. Первые погрешили оттого, что они не имели ни через науку, ни собою никакого понятия о том, что земля кругла и что ей надобно быть в движении, которое бы нам производило леты и дни. Другие погрешали потому, что они не имели никакого учения философского, а паче христианского, которое утверждает закон наш и наиболее приводит познании откровений божиих. Так, мы видим, сколь нужно первое понятие, чтобы оно было праведно; хотя понятия есть такое знание, которое не требует от нас еще никакого рассуждения. Ибо когда я вещь какую понял, то еще не рассуждаю какова она, к чему, для чего. Одним словом, еще не почал об ней думать, только что узнал ее бытность просто. И прежде, нежели мы приступили к способам, чрез которые должны разум наш в познание и разыскивание правды приводить, я рассудил предложить свойства и тонкости, которыя к бытию всякой вещи или к ея пребыванию принадлежат и которые только в душе нашей мы себе представить можем. Такие свойства называются у философов отделенныя, о которых я часто в тройственном познании выше упоминал. [...]

§80

Все вещи, хотя нам известный, хотя неизвестный, то общее между собою имеют, что они пребывают. Итак, все то, что пребывает, назваться должно *бытие.* Философам обыкновенное слово Ens. И как всякая вещь начало свое должна иметь от другой ей подобной или неподобной, то напоследок поступая заключениями нашими вдаль, должны мы будем придти *до* вещи всех вещей i превосходящей и высочайшей, то есть всех творца и бога нашего, который не сотворен и не *создан* ни от кого, но собою предвечно пребывает и потому бесконечно. Познание богословское натуральное есть часть науки немалая, которая к философии же принадлежит. Однако ж посмотря при сем случае на пребывание и существо божие, которое всем другим вещам видимым и невидимым, знаемым и незнаемым есть сущее начало, поступим к рассуждению вещей временных, которые в нас наибольше утвердят существо божие и пребывание его вечное. Итак, у нас теперь понятие о *бытии* весьма отделено от всех вещей, которое так тонко взято, что мы не касаемся никаким рассуждением ни до какой вещи, но только то себе представляем и понимаем, что она есть, она пребывает и равно как одна, так и другая, какая бы она ни была. Мы не рассуждаем о том, что к ней принадлежит и что с нею соединено для ее всецелого пребывания. [...]

И таким образом, ежели я о всякой вещи, о которой подумаю или на которую взгляну, буду рассуждать, то я понимаю, что значит *бытие* и что бытие есть понятие такое, которое о всех вещах в свете вообще иметь можно.

§81

Философы через слово *бытие,* или что у них Ens называется, не только то разумеют, что действительно пребывает, хотя оно нам знакомо, хотя нет. Да и то, *что* пребывать может, хотя его нет. Например, все циркуляры, градусы и прочия разделения астрономические на небе. Их нет, однако ж их так понимают, будто как бы они действительно быть могли. Для того буде не вообразишь таких себе понятий, то не можно будет понять и тех вещей, которые действительно пребывают на воздухе, и которые сами по себе натуральны. Рассуждая таким-то образом о вещах, увидим, что все вещи, которые в све-

те пребывают, имеют какую ни есть между собою разницу, так что вещь одну от другой всегда отличить можно и потому заключить должно, что всякая вещь имеет в себе нечто особливое для своего всецелого пребывания. То самое есть *существо вещи,* которое у философов называется Essentia. Философы говорят про существо, что *оно* де *делает вещь тем, что она есть.* [...] Итак, существо вещей всегда вечно, по коих пор свет на своем основании стоять будет. Чтоб существо перемениться когда могло и вещь в то же самое время всецело пребывала, то сие так невозможно, как то, чтобы в одно время быть и не быть, сии два понятия такие, которыя одно от другого разрушаются и уничтожаются вовсе. И сие равным образом такого же безразумно сказаться может, как то, что бог свет сотворил и не сотворил. Что сотворил, то видим и разумом чувствуем, что же будто бы не сотворил, того никаким остроумием понять не можем, для того что сии два понятия такия, что одно другое уничтожает. И когда о первом ясное понятие имеем, то о другом никакого иметь понятия не можем. Кто когда может об одном человеке праведно вдруг сказать, что он велик ростом против всех людей и что он мал против всех же. Надобно, чтоб конечно одно тут было праведное, а другое неправедное. И когда видим, что существо тоже, что вещь самая, для того что она бытие вещи делает такое, какое она имеет, то и вещь тоже, что существо; для того что вещь не была, бы вещь собственно та, ежели бы своего собственного, из которого она так, а не инако состоит, существа не имела. Итак, существо вещей конечно, непременно навеки. Теперь мы довольно кажется показали, что Ens или *бытие* у философов называется вообще, и что *существо* всякой вещи особно.

О КАЧЕСТВАХ СТИХОТВОРЦА РАССУЖДЕНИЕ [2]

В словесных науках упражняющимся довольно известно, что с упадком Римской империи науки претерпели немалый урон и почти совсем было истребилися чрез нашествие варваров в Европу. Но когда паки пришли прошлыми немногими веками в цветущее состояние, то настоящее заставляет опасаться, чтоб число умножив-

шихся ныне в свете авторов не завело в таковую же темноту разум человеческий, в каковой он находился от недостатку писателей разумных. Опасность сия отвергается одним тем только способом, когда помогать нам будут особливые писатели, которые различать станут добрых авторов от худых и покажут путь к забвению одних, а к припамятованию других. Нужда такового разбору видима теми наипаче, которые знают, каковой важности есть прямое руководство в науках и в чтении многих книг во время столь краткое жития нашего, которое нам бог на сем свете быть определил. Разбор писателей есть наилучший и безопаснейший способ быть ученым человеком, и он потребен для всякой особно в свете науки и для всякого склонность имеющего человека к наукам. Сие самое есть светилом в чтении и предводителем к снисканию кратчайшего пути, как обрести то, чего в книгах ищем. Но прежде, нежели мы можем сами собою доброту авторов разобрать, прежде нежели дойдем до такой способности, жизнь наша проходит, и тогда в состоянии починаем себя видеть способными прямо учиться, когда на конце оныя уже стоим. Разум наш открывается после многого иногда заблуждения, ежели не имеет прежде доброго руководителя, и люди отворяют глаза, когда ночь уже приближалася, то есть зрелость оного при конце жития нашего. Дополним еще к тому, что и различные нужды житейские и болезни укорочают немало времени, в которое могли бы мы научиться, как писателей добрых от худых отличать. Кто бы как доброго намерения ни был, кто бы как ни прилежен к наукам был, несчастие он может то иметь над собою, что после многого в школах обучения, после многого питания книг, ежели придет в зрелый разум и станет писателей разбирать, увидит, что все то, что он ни выучил, не делает его еще ученейшим перед тем состоянием, как он, разбирая авторов, учиться начал прямо. Часто видим, сноснее быть в беседе с неученым, по природе разумным, нежели ученым, который мнит только быть себя таковым и которого прямо назвать можно ученым невежею. Да и самой первой степени люди ученые, которые немало труда приложили и почти, так сказать, кровавый пот пролили или состарелися над книгами, когда узнают себя, **что** они достигли уже до того, что различать могут писателей и не всему верят, что кто смело и дерзновенно пишет, выдая себя за человека ученого, то при окончании наук

безмерно сожалеют, что они при начале оных и при начале чтения книг не познали истинного пути, по которому разум и труд свой повести. Они признаваются, что, протекая долгий век, поздно уже открыли многие стези, которые бы их избавили дальнего пути. Каковое бы тогда для рода человеческого было просвещение, ежели бы с самого вступления в чтение книг могли бы понимать доброту всякого автора и осуждать его недостоинство или иногда и истовое незнание? К сему потребны люди престарелые и верховной самой степени учительные, которые бы при издании всякой в свет книги во всяком роде судили писателя. Но где таковых свет покажет!

В российском народе между похвальными ко многим наукам склонностьми перед недавными годами оказалася склонность к стихотворству; и многие, имеющие природное дарование, с похвалою в том и предуспевают. Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности оная есть наука. Другие, напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся оная не дале простирается, как их знание постигло. Таковое неправое мнение, от единого самолюбия происходящее, подало случай предложить рассуждение о том, сколь трудна наука стихотворческая и сколь велико знание во всем тому человеку надлежит, который стихотворцем быть хочет, а при том дарование от бога особливое к изобретению новых мыслей и быстроту разума природную, то самое, что стихотворцы называют *огонь стихотворческий.* [...]

Сие подлинно, что стихотворство должно почитаемо быть за самую труднейшую науку между многими другими. Многих наук совершенство имеет свои пределы, но стихотворство иметь их не может. Чтобы быть совершенным стихотворцем, надобно обо всех науках иметь довольное понятие, а во многом совершенное знание и искусство. Не довольно того, что стихотворец усладить желает, когда он ничего научить не может. [...]

Следовательно, все науки, говорит Цицерон *, столь тесное между собой имеют взаимство и соединение, что по справедливости за одну и неразделимую фамилию их почитать надлежит. Примечание сего великого человека поверяется опытом очевидным. Представим себе человека острого разума, памяти и проницательства;

* Цицер, за Архию стихотворца, в речи.

дадим ему склонность натуральную, чтоб он паче всех других наук любил физику, в ней свою забаву и упражнение находил. Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в математике, в химии, истории натуральной, не знает правил механических, гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании натуры, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из этого заключать силы и действия элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления? Другой желает быть медиком, не зная совершенно анатомии, ботаники, фармацевтики и проч.: как может врачевать болящего, различать травы, составлять лекарства? Или желал бы кто в числе астрономов себя видеть, а не имел понятия о плоской и сферической навигации, не искусен был бы в оптике и неведущий генеральных понятий о физике; всеконечно никакой помощи иметь он не может от одних телескопов, ниже делать астрономические наблюдения, тем меньше рассуждать об удаленных от нашего зрения небесных.телах. Ни физик, ни медик, ни астроном именем сим назваться не похотят, хотя бы они и прямые любители сих наук были. [...]

Ежели хочешь быть в публике автором, поступи дале во все словесные и во все свободные науки, которых, может быть, не только важность и польза к стихотворству, но и имена тебе известны. Вместо того, что не различаешь еще в грамматике осьми частей слова и что ее знание, которое педантством называешь, и церковных славенских книг чтение весьма потребны к доброму слогу и правописанию, будь не только знаток, но и критик и учитель в том языке, на котором пишешь. Когда хочешь быть автором, будь неотменно в некоторых случаях и педант. Потом познай, что период простой, что сложный, и употребление частиц, соединяющих речь человеческую. Познай, что есть еще правила, которые речь и мысль твою украшают. Изучись отделять понятия и силлогистически представлять твои мысли. Положи основание по правилам философии практической и благонравию. Пробеги все прочие науки и не кажись в них пришельцем. Научись тем языкам, в которых библиотеку найдешь тебе учителей. Поступи во глубину чтения книг, найдешь науку баснословия, которая тебя вразумит к понятию

мыслей старинных стихотворцев. Мы писателей греческих имеем от двух тысяч и пятисот лет назад, которые свои веки услаждали. Их старайся знать, и что другими подражателями в них не открыто, того сам доискивайся, последуя самому себе. Когда Сафо, когда Анакреонт, в сластолюбиях утопленны, мысли свои писали не закрыто, когда Люкреций в натуре дерзновенен, когда Люциан в баснях бесстыден, Петроний соблазняет, оставь то веку их, тому привычному, а сам угождай своему в нежности и в словах благопристойных. Ежели из правил политических знаешь уже должность гражданина, должность друга и должность в доме хозяина и все статьи, которых практика в философии поучает, то стихами богатство мыслей нетрудно уже украшать, был бы только дух в тебе стихотворческий.

Материю о сем у Сократа найдешь,
К материи слова нетрудно приберешь *.

Сими снабден, загляни в историю древнюю, загляни в новую политическую и либеральную. В чем силен Демостен, в чем велик Цицерон или слаб Квинтилиан, чем друг к другу как ораторы ревнуют, было бы тебе известно. Чем чтит Гораций Виргилия, в чем Виргилий велик, а Овидий нежен, почерпни то в самом языке латинском. Прочти французских великих стихотворцев в собственной их красоте, а не в переводе. Под сим малым числом я без числа тебе учителей разумею старых и новых. Рассуди, что все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей много между собой разнствуют. И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле латинском, французском или немецком, смеху достойно иногда бывает в русском. Не вовсе себя порабощай, однакож, употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оное исправить. Не будь притом и дерзостен сочинитель новых. Хотя и свой собственный составишь стиль, однакож был бы он чист в правописании и этимологии, плодоносен в изобретении слов и речей приличных, исправен в точности их разума, в ясном мыслей изображении, в непринужденной краткости, в удалении от пустого велеречия, в падении по прозодии,

* Rem tibi Socraticae poturent ostendere chartae,
Verbaque provisam rem non invita sequentur.
Hor. De arte poet., V. 310.

в периодах, не заплетенных союзами, наречиями и междометиями, мысль твою затемняющими.

И хотя ты изобилуешь слогом грамматическим, красноречием по правилам риторики, матернею из истории ц* наук, благонравиями из философии, богатством мыслей? и примеров из чтения всякого рода книг исторических и критических и всем тем знанием, которое приобрел,, в юности, то и все сие исполнив, не дерзай еще писат^ учительных поэм. Оратором можно сделаться, хотя бы кто природного таланта к тому и не имел, потому чтс риторическая наука может недостаток природный несколько наградить. Но стихотворцем без природного таланта который французы называют genie, или без природног духа стихотворческого никак сделаться не можно, и недо статка таковой природы никакая наука наградить не мс жет. [...]

Ежели уже испытал в твоем разуме, что имееш' дух стихотворческий, то пусти прежде в свет под именем» неизвестным нечто малое и не спеши сам себя хвалить^ а паче берегись ласкателей и не льсти себя хвалам тех людей, которые сами не знают, за что тебя хваля' или хулят, но старайся наведывать стороною, что люд искусные о тебе говорят, что публика рассуждает. От нее а не от себя самого честь себе приемли и похвалу. П сем предуспевши, пиши учительные поэмы и веселие когда уже приобрел стихотворства талант.

Знание одних только языков весьма недовольно, чтс мы людям могли показывать себя учеными, тем меньв когда еще и в них дальнего совершенства не имеем. Н однако ж многие нашего народа люди, имея больш: нашего в языках искусство, не могут еще своим разум ным примером отвратить нас от того, чтоб стихов не п сали. Маленькая песня или станс, которая и без наукя в худых рифмах может иногда мысль удачную заключит" так нас вредит иногда, что мы и автора и учителя им на себя смело и тщеславно приемлем, вместо того чт разумные люди искусство свое в языках в действител* ную пользу себе обращают и тем справедливо берут на. нами поверхность. Они прилежно всякого рода читай книги и, час от часу большее получая просвещени делают себя полигисторами, так что о всех науках гене ральное напоследок понятие имеют. Сие средство возвы^ шает их в достоинство то, что они делаются судьям" скороспешных и незрелых авторов. Они тотчас скажут,

свое ли автор написал или тайно взял от какого ни есть стихотворца; знают, что слогу лирическому прилично, что эпическому; геройских слов и мыслей в песне не терпят; сатиру от бранных и грубых слов различить умеют и видят прямо, что трагедия, что комедия, что пасторал, опера французская или итальянская. Одним словом, они довольствуются тем, когда мнимых ученых видят посмеянием разумным людям. [...]

Итак, чтобы автором быть, должно ученическим порядком от младых ногтей всему перво учиться и в науках пребыть до возрастных лет, а потом, ежели нужда, а не тщеславие позовет издать что-либо в свет учительное, готовым быть самому себе и ей во всем дать отчет. Отчего бывает, что новый автор, написавши малое число поэм, станет тотчас ослабевать? Не оттого ли, что сочинения его от одного чтения и подражания украшаются. Он сам себе хотя и рождает мысли, но ежели бы не имел оригинала, то бы целого составить не мог. Сие то самое есть, что я говорю; без наук человеку две или три пиесы сочинить удается, потому что никто или не знает, или не поверяет, кого автор за оригинал себе представляет. Но ежели бы таковый счастливый разум исполнен был литературы, то бы не подражанием только, но и своим собственным вымыслом всегда нечто новое и небывалое рождать мог. Невозможно себе не представлять за образец славных людей в свете, но еще то почитать надобно за наилучшее вспоможение, без которого и обойтись стихотворцам невозможно, однако ж при подражании одном оставаться не должно. Ежели бы Цицерон не представлял себе Демостена, Демостен Исократа, Платона, Эшила и других, Виргилий Гомера, Расин Эшила, Софокла и Еврипида, Молиэр Терентия и Плавта, Гораций Пиндара, Боало Горация и Ювенала, одним словом, греки, как думают ученые, египтян, латинщики греков, французы и немцы латинщиков, то бы и приращения в словесных науках мы не видели; но когда великие великим людям подражают, тогда разум и дух их, науками и примерами обогащенный, всегда нечто рождает новое и, как я выше сказал, небывалое. По сим рассуждениям мы видим, что правила одни стихотворческой науки не делают стихотворца, но мысль его рождается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого. Ибо кто знает, что стопа, что Цезура, что женская, что мужеская рифма, и с сим бедным

запасом в стихотворцах себя хочет числить, тот равно как бы хотел воевать, имев в руках огнестрельное оружие, не имея ни пуль, ни пороху. Цицерон о стихотворце говорит: В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки *.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное название книги: Знания, касающиеся вообще до философии^ для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать;! не могут. Собраны и изъяснены Григорием Тепловым. Книга **пер-а** вая. СПб.: Б. и., 1751. Печатается в отрывках по этому изданию,! С. 122—254.

[2] Анонимно было опубликовано в майской книжке журнала **«Ежеме^|** сячные сочинения» в 1755 г. Это рассуждение долгие годы **приписывалось** М. В. Ломоносову. В 1961 г. было убедительно доказаноД что оно принадлежит Г. Н. Теплову. Публикуется с сокращениями по кн.: *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения М.: Госполитиздат, 1950. С. 517—532.

* Poctam non audio in nudis, in vitae societate
audiam civem digitis peccata diementientem sua.
Цицерон. **Парадокса»!**

Раздел 111

ЩЕРБАТОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

М. М. Щербатов родился в Москве в 1733 г. в старинной княжеской семье Рюриковичей. Его отец был архангельским губернатором, сподвижником Петра I. Блестящие знания истории, философии, языков, отличавшие его от многих современников, он получил в семье.

Как и другие дворянские дети, М. М. Щербатов в раннем возрасте был записан в Семеновский полк. Дослужившись до чина капитана, в 1761 г. после объявления манифеста «О вольности дворянской» он вышел в отставку.

В одном из документов, датированных 1746 г.— «Донесении о масонах» статс-секретаря Олсуфьева, Щербатов назван членом масонского кружка. Это, видимо, было мимолетное увлечение, поскольку в дальнейшем никаких свидительств о его связях с масонами не обнаружилось.

Первые литературные опыты М. М. Щербатова относятся к 1759—1760 гг., когда в «Ежемесячных сочинениях» он помещает переводы и переложения ряда произведений европейских писателей нравоучительного характера. Оригинальные его работы этого периода («Разговор двух приятелей о любви к Отечеству», «О разуме законов» и др.) не были при жизни писателя опубликованы. В них он развивает идеи естественного права. Уже здесь проявляется усиливающаяся с годами аристократическая критика самодержавия.

После выхода в отставку М. М. Щербатов занимается изучением истории и приступает к

написанию фундаментальной «Истории Российской от древнейших времен» (вышло 18 книг). Помимо этой «Истории» перу М. М. Щербатова принадлежит еще несколько значительных трудов по русской истории, в том числе «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (1774).

В 1767 г. М. М. Щербатов поступает на службу в Коммерц-коллегию. К этому времени относятся его выступления в Вольном экономическом обществе по крестьянскому вопросу. В том же 1767 г. Щербатова избирают депутатом для работы в Комиссии для сочинения проекта нового Уложения; он становится ее деятельным членом, лидером дворянской партии, создает ряд документов.

После роспуска комиссии М. М. Щербатов занимает последовательно ряд должностей: герольдмейстера, камергера, президента Камер-коллегии. В 1779 г. он получает чин сенатора. В работах, написанных в 70-е годы, мыслитель, как и прежде, ищет средства для социально-экономического и политического укрепления дворянства. Расцвет литературной деятельности М. М. Щербатова падает на 80-е годы, когда он создает наиболее известные свои работы — «О повреждении нравов в России» и социально-утопический роман «Путешествие в Землю Офирскую». Политические взгляды мыслителя нашли отражение в «Размышлении о законодательстве вообще» (1785—1789). В этих произведениях он обличает пороки екатерининского правительства, русской государственной жизни вообще. До последних дней своей жизни Щербатов продолжал работать над «Историей Российской».

Умер М. М. Щербаков в Москве в 1790 г., похоронен в селе Михайловском близ Ярославля.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Щербатов М. М.* Сочинения. Т. 1—2. СПб.: Б. и., 1896—1898
2. *Щербатов М. М.* Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. XXXI 250 с.

3. «Разговор между двух друзей о любви к Отечеству» (Неизданное произведение М. М. Щербатова) // Учен. зап. ЛГУ. 1968. №339. С. 203—207.
4. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. XIV, 342. 179 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рустам-Заде З.* «Умный разговор» М. М. Щербатова в свете его социально-политических взглядов // Рус. лит. 1966. № 3. С. 79—81.
2 *Федосов И. А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М.: Изд-во МГУ, 1967. 259 с.
3. *Пештич С. Л.* Общественно-политические взгляды и исторические труды М. М. Щербатова // Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Ч. 3. С. 5—48.
4. *Солодкий Б. С.* Русская утопия **XVIII** в. и нравственный идеал человека // Филос. науки. 1975. №5. С. 92—101.

О СПОСОБАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РАЗНЫЯ НАУКИ

О философических науках

Весьма несовершенное будет данное поучение юноше, если ему не дадут довольного понятия о философических науках; они располагают разум наш прямые делать заключения, они дают нам познание о разных чудесных свойствах природы, возвышают великим и малым нас к познанию всевышнего естества, толь мудро устроившего мир; а потому не токмо служат для украшения нашего разума, для помощи нам во многих случающихся делах, но и к поправлению самих наших нравов.

Итак, показав нужду в сих знаниях, приступаю изъяснить первое, с которого времени должно начинать сии науки и каким образом их должно учить. Первое, надлежит юношу несколько уже изготовить, дабы в оное ему вступить, дабы, начав в самой молодости, не учинить ему сии науки не иное что, как втверженне пустых слов, и, не имея некоторых предшественных сведений, яко грамматики и начал математики, также бы ему многое непонятно не показалось. И для того

я думаю, что если юноша уже вышеописанные сведения имеет, то можно двенадцати или тринадцати лет начать ему учить философические науки.

Логика, с которой всегда начинаю учить сии науки, хотя несколько равно как в грамматике должна изъясняться, так и в самих выводах и заключениях о решениях математических задач, однако в сем случае, яко такая наука, которая научает человека право мыслить и право свои заключения делать, должна быть с особливым тщанием истолкована.

Не можем мы пожаловаться на недостаток писателей, которые о сей науке писали: писатели Порройяля [2], Круз, Вольф, Стравесан, Бел, Реми и множество других казалися долженствовать истощить сию науку и в совершенную ясность привести. Но либо кинулись они в метафизику, или... наблюдая школьный порядок, со удивлением вижу, что хотя толико изящно учением своим о ней писали, однако она все трудной молодым людям кажется.

Я с трепетом осмеливаюсь, не согласиться с расположениями логики сих почитаемых мною людей, но не могу удержаться, чтобы не последовать всегдашнему моему мнению, что науки не составляют разум, а его вычищают, и потому надлежит на общих понятиях человеческих и от той главности логику производить.

Обыкновенно начинают логику, по показанию общего расположения, объяснением, а потом предложении и аргументации методические, после же приступают к силогизмам, антитемам, соритам, софизмам и параложизмам [3];. а потом говорят о понятии человеческом и прочее, и, наконец, о методе.

Дабы войти в рассмотрение такого расположения, объяснение слов совершенно нужно, ибо, пока точный разум слов не дашь, по тех мест всякая речь темна и непонятна будет. Но, чтобы следовали ему предложения, сие мне кажется от естества понятия человеческого отдаляется, ибо предложения происходят от того соображения разных чувствований, которые производят воображения,, то хотя сие и составляет часть метафизики, о которой-ниже упомяну, подлежит однако в логике учинить чувствительно юноше, как чрез чувства мы примечаем разные вещи и как в нас чинятся воображения. Тогда, получа о чувствиях понятия, само собою представится юноше, как должно предложение сочинить, которое не ;

что иное есть, как изъяснение того начертания, которое мы чрез чувства получаем, и как оно внутри нас воображается; тогда должны за сим следовать силогизмы, как оные располагать, соображая сие с самыми понятиями математическими; изъяснить их правила, в чем они будут справедливы и в чем можно погрешность сделать, и тако продолжим о антитемах, соритах, софизмах и параложизмах; все разные правила, основываясь на самых вышеописанных основаниях о... изъяснить, подтверждая все сие многими примерами.

Когда юноша уже достигнет до сего довольного познания, то легко уже ему тогда о аргументации методической изъяснить, ибо сие не иное что, как токмо силогизмы распространенные, а потому, познавши правила силогизмов, легко оные и к аргументации методической приложить.

За сим следует в логике метода — весьма нужная наука человеку, дабы во всяких делах мог по правилам оные располагать и исполнять свои дела. Сего ради наивящее и внушение оной должно учинить, и не только преподавая правила, но и самые делая задачи, каким образом, в науке ли, во изысканиях ли каких, или в каком бы ни было деле, по правилу методы должен поступить; требуя на разные сии задачи от юноши письменного решения и исправляя оные по правилам метода. Не бесполезно я притом считаю, чтобы при самой науке методы в логических писателях приложить науку методы от Домлами, вмещенной в его Elements de mathematique.

Таким образом оконча мои мнения о том, что прямо должно логикою назваться, не бесполезнее юноше сделать внушение и о метафизике, дабы он, елико возможно, имел понятие о действиях чувственных вещей над своею душой. Все те писатели, о которых я выше упомянул, писавшие о логике, входили и в сию нужную человеку метафизику, но, колико суждение мое достигает, мне кажется, яснее прочих о сем писал господин аббат Гвинот, в книге Lecons philosophiques, которой и советую держаться, с тою токмо осторожностью, чтоб не учить сию науку, яко учат вокаболы, давая... их выучить наизусть. Но прежде, нежели приступить к чтению какого наставления, надлежит с юношею долго разговаривать о той причине. Например, спросить его, как он вещи примечает, как они ему чувствительны становятся, которые

чувства могут его обмануть, и которые вернее, и как, наконец, изо всего сего делается в нем воображение, имел ли он его прежде, или чрез чувства получил, и прочее, и во всем стараться исправлять его понятие, дабы, можно сказать, он сам собою до познания своих чувств и как сочиняются его воображения, достигнул; а тогда уже в писаниях показать яснейшее ему и истолкование тому, что он сам собою ощущает. Я тем более утверждаюсь в лучшестве сей методы, что наилучший метафизик — господин Локк — не иные средства употребил ко изысканиям своим, преданным нам в его сочинении Essay sur l'entendement humain[4], и что таким образом якобы сами им учиненные откровения навсегда в памяти остаются со всеми следствиями, которые должно извлекать.

Не могу я окончить сию статью о метафизике, чтоб не сделать единого, по мнению моему, нужного примечания; то есть, что надлежит для метафизики выбрать какую книгу из лучших и прилежать на основании оной научать юношу, из коих, по мнению моему, лучшей почитаю Lecons philosophiques par ГаЬЬё Guinot. Не позволяя, впрочем, ему других книг читать, яко Малебранша и Локка, ибо, не взирая на весь пространный разум сих великих мужей, не можно сказать, чтобы в иных местах они не впали в заблуждение, о коих господин Гинот точно упоминает. Толь есть трудно и великим людям действие своих чувств над душою разбирать.

О ПОЛЬЗЕ НАУКИ[5]

Взглянув в неищетное число тварей, окружающих нас, на разные их сношения между собой, на непрерывную цепь пребывания оных, и обратя свой взор на род человеческий, приметя разные установленные правления, тысячи искусств, изобретенных для нашего спокойствия и, наконец, взглянув на самого себя, человек зрит себя быть естество слабое, лишенное одеяния, не могущее само собою ни пропитания себе сыскать, ни защититься от нападающих на него диких зверей, ни бегством спастися от опасности.

Колико в нем величества и подлости!

Видит, однако, себя пребывающего со многими спокойствиями на свете, знает себя быть рожденного от родителей, подобных ему, но цепь началу рода его теря-

ется, так как равно сокрыты от него начала всех изобретений, которые из слабейшия на свете твари учинили его сильнейшею, и свойства вещей.

Такое единое размышление о окружающих нас вещах и о самих себе не есть ли довольно сильная причина для побуждения нас к любопытству, дабы могли мы сами собою узнать о действующих над нами причинах и, оставя род скотского естественного побуждения, могли бы, рассудком направляемы, учреждать наши дела и с вящею способностью приобретать себе и другим, с кем имеем обязательства, пользу.

Тщетно бы человек, одаренный острейшим понятием, своим единым размышлением старался достигнуть до познания вещей — слабый его рассудок на каждой ступени будет спотыкаться, а вещи в уме его совсем противный истине вид будут иметь, так что, преходя из заблуждения в заблуждение, рассудок его в них будет потоплен. Раскроем историю света, и в ней мы узрим сему примеры. Единые народы, взирая на блистание дневного светила и чувствуя действие его благодетельных лучей, почли его быть образом божества или и самим божеством; вскоре к сему, невежеством их сотворенному божеству другое тело... и получающее свою светлость от лучей первого, то есть луну, божеством же почли, а потом и звезды в синклит богов присоединили — и сие произвело веру сабинов (сабеистов?) [6], толь распространенную в древние времена по лицу земному. Не буду я уже говорить о введенном теми же заблуждениями многобожия, и что в прочем просвещенные народы имя богов не токмо небесным светилам, но людям, жившим между ими, и коих могилы им знаемы были, скотам презрительным, яко кошкам, крокодилам и другим, но и самим растениям имя и свойства божества приписали и дрожали пред тем, что или в хлевах их находится, или сад их рождает. Но воззрим на самих греческих мудрецов, коих быстрый разум, стараясь проникнуть в таинства природы, казался бы должен был их предохранить от всякого заблуждения.

Фалес Милетский приписывал начало всех вещей воде, и что наконец они в воду обратятся. Гераклит же огонь первой главностию всех вещей полагал. Анаксимен то же приписывал воздуху, которого движение вечным почитал, и полагал землю быть плоску, солнце же считал быть равно величиною Пелопонесу. Анаксимандр говорил, что есть неищетное множество светов, которые из неис-

поведимости вышли, что звезды суть составленные из воздуха и огня, которые их сферами увлекаются в течении их, и что сии сферы суть боги, а земля поставлена посреди вселенной. Епикур, говоря, что вся вселенная составлена из материи и пустоты, приписывал материи движение и составление всех вещей на нечаянность возлагал. Наконец, общее мнение почти всех философов и многих народов в почитании бога душою света, и якобы божество во всех вещах находится, чему последовал и Спиноза,— которое мнение толь искусно в смехе было обращено господином... Pierre Bayle?) в его словаре критическом и историческом — доказует, колико все древние малое понятие как о первом составе вселенной, так и о других физических мудрствованиях имели.

Я с некоторым прискорбием нахожу себя принужденна упомянуть по причине слабости человеческого разума в его изысканиях, о муже достойном всегдашнего почтения; о муже, который первой силою своего рассудка дерзнул школьную философию испровергнуть; который, науча нас сомневаться и искать доказательств, открыл нам путь к истине; по сему единому описанию каждый, думаю, узнает, что я о Декарте хочу говорить. Сей самой силою своего рассудка не мог предвидеть неудобность изобретенных им вихрей, которые, если бы они в существе были, единой против другого действия, самим бы сим движением своим все паки в беспорядок привели.

Толикая есть слабость человеческого рассудка, что, если хотя мало отдалится от вещей, им осязаемых, из заблуждения в заблуждение ввергается; то как возможно человеку льстить себя достигнуть единою силою своего рассудка до понятия вышних вещей. Правда, предлагаемые мною примеры лишь токмо ошибки тех мудрецов доказывают, но, следуя стезям природы по испытаниям и имея себе в проводники преданное нам Декартом правило: всему недоверять и всему искать доказательства математического — науки самой всей на истине и доказательствах основанной,— сами ошибки тех именитых мужей могут нам послужить к снисканию истины. Ибо не должны мы, видя сии их заблуждения в вышних вещах, иметь презрение к сим в прочем достойным почтения мужиям, потому что начала наук есть всегда трудны, и первые изобретенные проблемы математические Пифагором и Фалесом, которым ныне при первых основаниях сия науки юношей учат, конечно, им много труда

стоили: «...пути, которые мы легчайшим находим, были высечены из дикого камня, и первые удары для просечения, конечно, не без труда были» (Истор. крит. филос. Т. II. С. 141) [8]. И подлинно: «...есть некоторый рок в шествии наук, которые еще толь тихо шествуют; надлежит, чтобы все лживое, все несовместное, все ненужное истощилось прежде, нежели достигнут до чего подлинного и на правилах основанного; надлежит, чтоб неищетное число людей ошиблись, дабы другие престали ошибаться» (Истор. Крит, филос. Т. II. С. 4).

Посему извиняем древних в учиненных ими ошибках, яко происходящих от самого существа науки и которыми самыми воспользовались новые мудрецы. Рожер Бакон еще прежде возобновления в Европе наук приметил уже о многих вещах, которые должно искать (Analyse de la Philos. de Bacon), и которые без изыскания остаются; согражданин его Невтон, просвещен введенною в философию математикою, вскоре великие откровения учинил — он определил течение светил, положил пределы тягости тел; Галилей показал строение вселенной, Торичелли, его ученик, изъяснил давление атмосферы, Кеплер дал правило исчислять расстояния, обращения и величину небесных тел, Гюгенс разные силы движений доказал, Мариот — силу воды и Бойль — силу и упругость воздуха. Все сии ученые, учинившие толь великие откровения, не единым своим размышлением до сего достигнули; младость их была посвящена к наукам, чтение их древних и новых писателей сообщено было с глубоким размышлением, взирание их на все окружающие их вещи сопрягалось с недоверчивостию и с любопытным изысканием, стопы их в трудных таких изысканиях были направляемы или математикою, или чрез разные ими же изобретенные орудия испытания, мысли их по учиненным вмале опытам добирались до великого; познали, где разум человеческий может достигнуть и где должен остановиться, и Невтон сказал, что он видит притяжение тел, но причину сему доказать не может.

Все сии великие мужи и множество других как древних, так и новых, не сократилися, изыскивая причины Действий оныя на общий состав вселенной обращать, но мудрость, руководствующая их, отвлекши их от зрелища небесных тел, учинила, что те же их изыскания и испытания, учиненные для великих причин, обратились на малые, но полезные обществу человеческому. Оттуда произо-

шло изобретение и приведение в совершенство толь великого числа полезных искусств; единое, нечаянным случаем найденное, свойство песку претворяться в стекло старалися в искусство, основанное на правилах, обратить, и собакою нечаянно замаранная кровию единыя рыбы пасть подает случай к сысканию драгоценнейшей краски, чем прославились и обогатились Финикийские города. Железо, толь полезное и вредное роду человеческому, которое по необходимой нужде в близкие времена от начала оного было в работу употребляемо, уж с вящею легостию из недр земли вынимается, а вскоре и другие металлы открываются и предаются в руки смертных, познается, что сложение многих ниток, переплетенное другими, может спокойную одежду составить, и орудия к тому изобретаются, которые, час от часу приходя в совершенство, даже до роскоши поткание довели. По познанию упругости тел новые бранные орудия вымышляют, которые вместе с великими громадами бросая страх и смерть, принуждают храбрых сопротивников искусству и науке уступать. Архимед защищает свое отечество, и он единый с помощию науки стоит противу непобедимых римских войск. Другие самые преграды, естеством положенные, то есть моря, делают служить к соединению народов света. На легком и умеренном по жидкости воде здании, в коем единая доска пловца от смерти отделяет, научают преплывать пространства морей, искусно расположенными ветрилами разные дыхания ветров в пользу употребляют, и самые противные — для доведения корабля к желаемому пристанищу. Изобретение потом свойств магнита более просвещения сей науке придало и более а совершенство науку мореплавания привело. Тогда же **для** строения огромных зданий, для подъятия тяжелых **тел,** другие искусство свое употребили, и творения рук человеческих почти превзошли природу...

Но в силах ли единый человек исчислить все польз которые нам искусства, направляемые наукою, приобр ли? Единое каждого воззрение на себя, окружающих е вещей, покажет ему, коликое число рук работало **дл** одежды, пропитания, а все сие должно было некоим и"* кусством соделываться, каждое же искусство должен ствовало долгим временем и частым повторяемым исп*' танием и наукою доведено быть до той степени, в котор" мы его зрим. Теряется ум наш в едином соглядени сем, и не возможем мы их ни исчислить, ни орудий

наименовать, то как же можем единым своим размышлением достигнуть до познания много? Как же должны мы употреблять младые и средние наши лета к прочитанию и размышлению о всем том, что древними и новыми изобретено, и, побуждаясь любопытством, пристойным существу человеческому, не должны ли мы равное старание приложить, о изобретении чего нового или о проведении в лучшее совершенство того, что уже изобретено? Ибо не будем льстить себя: хотя много веков протекло, хотя много труда, бдения и попечения достойными, прежде нас жившими мужиями было употреблено, много еще осталось не откровенно, и все почти может в лучшее совершенство быть приведено.

Оставя искусства, которые нам толикую внешнюю пользу приносят, рассмотрим то, что касается до направления в поступках наших и во всяких делах общежития человеческого.

Пределы жизни нашей суть кратки, и редко мы видим, чтобы человек до ста лет доживал, да и из сего времени должно исключить лета его младенчества, которые без примечания видит случающиеся дела, то может ли он достигнуть собственным своим испытанием до познаний разных превращений человеческих сердец, проникнуть причин движения их, и потому направить свои поступки как к приобретению добра, так и к отвращению зла? Коль трудно почитается проникнуть глубину сердца единого человека в расположении его привычных дел, то коль наипаче труднее сие есть в сложенных обстоятельствах дел сообщества, где многие причины стекаются вместе, разные виды делам делают и разными образами действовать людей понуждают. Несть, не токмо обыкновенный век человеческий недостаточен для сего, но ниже бы век Мафусаила доволен был! Приложим еще, что малый круг, который его окружает,— почему и малое число дел до него может достигнуть — стесняет некоторым образом самое течение его жизни и испытаний.

Но если человек, последуя существу своей природы, восхочет жизнь свою учинить длиннее, нежели природою она^ ему положена, если хочет расширить круг, стесняющий его, и разумом своим пренестися во все времена и во все страны — да соответствует прилежание его его Маниям. Творец наш дал все к тому... нам остается им воспользоваться.

Откроем истории света — в них мы узрим начала

народов, как они доходили до вышней степени силы и могущества и какие были причины падения их; увидим мужей, пожертвовавших все, что есть человеку драгоценнее, для славы отечества своего иль для сохранения безвредну свою добродетель. Фемистокл, Александр и множество других научат нас искусству, как народы побеждать и как побежденных сохранять под властию своею. Аристид — как жертвовать честолюбие свое пользе отечества. Декий и Фабий пример нам подадут истинной гражданской любви к стране, в которой родились. Цицерон — искусно до конца доводить труднейшие дела. Катон — как с неколебимою твердостию стоять против упорствующих на пагубу отечества... Титус, Троян и Марк Аврелий представят стечения многих достойных подражания добродетелей.

Мне должно ли в сем случае помянуть о вас, содевающих стыд природе человеческой, о вас, властители народов, которые не пастырями его, но волками быть самовольно восхотели, которые, похитя вольность народную, первое свое преступление множеством других утвердить хотели? Упомяну о вас, но то для предания в вечное омерзение ваши имена, и дабы, видя ваши душевные беспокойствия, каждый чтущий сие мог понять, что ни вышняя власть, ни успехи в делах не могут без истинной добродетели благополучия человеческого устроить. Денис, тиран Сиракузский, представляет нам пример всех беспокойств, коликие мучитель должен претерпевать,— он сам признался, что его состояние было такое, что он почитал себя всегда, сидящего посреди пиршеств и веселий, под висящим над его главою на едином тонком власу мечом. Другие злобные мучители, истребляя всех, которь им сомнительны казались, не могли, однако, избежать о: достойного наказания их бесчеловечность.

Тако узри из истории разные примеры удовол* ствий, которые приобретают добродетель, и беспокойст навлекаемых пороками, и соразмерив начало и следств* единых и других, не будет ли тот, который со внимани сие читал и делал размышления, гораздо более привяз к добродетели и отдален от пороку, нежели тот, котор:. единым своим умствованием желает до всего достигн5 Не более ли из тысячи примеров, представленных в ис" рии, может каждый и посредственных рассудков научи ся, как управлять разные народы, нежели и быстр". разум имеющий человек, но единственно по тому и пос

пающий, не имея в прочем ни примеров, ни науки? Не лучше ли любящий и знающий войну, сделавший размышления о древних и новых обращениях оной, будет поступать, нежели тот, который, зная токмо строй и разные движения воинств, все захочет от собственного своего разума почерпнуть? Нет, конечно, подражатель Епаминондаса, Александра... и Евгения будет иметь преимущество, и презритель науки, обще с вредом отечества своего, достойный себе стыд во веки заслужит.

Чтоб более не продолжаться, я тоже скажу о всех частях правительства государственного, что несчастлива та страна, где невеждам оное препоручено; ибо несть ни единой части оного, которая бы не требовала особливого внимания и рассмотрения, основанного на расположении сердца человеческого и на прежде бывших примерах. Но что я говорю о толь важной причине, которая замыкает в себе благополучие или несчастие бесчисленного числа людей,— поступок каждого, касающийся до собственного его лица, может ли без познания прежде бывших приключений и многих наук хорошо направлен быть? Не входя в вышние степени, воззрим на тех людей, которые менее от природы удалились, то есть на земледельцев: если бы прежде жившими их людьми не изобретен был способ землю обрабатывать, если бы не выдуманы были орудия для оного, если бы ткание не было приведено в то совершенство, в котором оно есть, то мог ли бы земледелец сыскать себе пищу и пропитать других, мог ли бы он приобрести себе одежду? Однако воззрим на самое сие нужнейшее искусство роду человеческому и с удивлением узрим, колико оно, быв предано в руки невежд, до малого совершенства дошло; слепо последуя токмо тому, что погруженные в невежество же отцы их исполняли,— по сю пору в большей части света без всякого размышления удобряют землю, пашут и хлеб собирают, не рассматривая ни разности времен и воздуха растворения, ни свойства земли и не изыскивая себе лучших способов для облегчения работы и умножения плодородия. Нынешний век знатен будет в истории света тем, [чт]о наимудрейшие мужья, оставя внимание и мудрствования, к полезному роду человеческому свои мысли обратили; ни знатность рода, ни именитость в свете чинами [и] науками не возбранили достойным мужьям, любящим пользу рода человеческого, мысли свои на нужные искус[ств]у обратить... изъяснили нам пользу и удобность рас-

пахивания земель; ...о удобрении оных описал; Дюгамель[9] изыскательный разум свой ко множеству предметов обратил — земледелие и разные нужные искусства, описанные им, приобретут всегдашнюю пользу роду человеческому и учинят ему сравняться с тем, который только достойно имя друга людей заслужит; Ушаков[10], о умножении хлеба описав, дал понятия своим одноземцам, колико труд и прилежание могут изобилие земли приумножить; и еще единый из наших сограждан, среди множества дел, которыми он обременен, не презрил о птичьем дворе дать нам описание. Тако искусства и домостроительство, пришед от невежд к просвещенным людям, обещают всему человечеству достойные по трудам достойных сих мужей плоды. И к сему не могу я умолчать о едином обычае Филадельфии, английского в Америке селения, где повелено, чтобы каждый гражданин какому ни есть мастерству был изучен, дабы в случае нужды мог сам своими трудами пропитание себе сыскать, а к тому если все нужные искусства просвещенными и хорошо воспитанными людьми будут исполняемы, то до коликого совершенства они могут достигнуть. И тако из всего вышеописанного я вывожу, что человек есть рожден для взаимственной помощи другим, подобным себе, а притом жизнь его толь кратка и круг его испытания толь мал, что все то, что может он собственным своим испытанием или рассудком познать, есть атом в соравнении вселенной; то первое заставляет его употреблять все свои старания для сыскания способов быть наиполезнейшим в свете тварию, а второе — с размышлением стараться познавать все, что прежде его и в других краях света было изобретено, никогда не возгоржаясь, яко бы уже довольные познания приобрел; ибо должен он всегда то помнить, что наука пространна, а век короток.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в кн.: Сочинения князя М. М. Щербатова. СПб.: Б. и., 1898. Т. 2. Публикуется полностью по этому изданию та часть работы, которая называется «О философических науках». С. 569—574.

[2] Кроме названных, к кругу философов Порроляя (Пор-Руаля) относились Б. Паскаль, Ж. Расин и Р. Декарт.

[3] *Силлогизм* — форма дедуктивного заключения. *Антитема* — Противоположение. *Сорит* — вид сильного силлогизма. *Софизм* — Ложное заключение. *Параложизм* — логическая ошибка.

Локк Д. (1632—1704) —английский философ, автор «Опыта о человеческом разуме».

Впервые опубликовано в кн.: Сочинения князя М. М. Щербатова. Т. 2. Публикуется по этому изданию. С. 603—618.

Сабины (сабеисты?) — италийские племена, сыгравшие большую роль в образовании римской народности.

Пьер Бейль (1647—1706) — французский философ и публицист.

Имеется в виду пятитомная «История критической философии» И. И. Бруккера (1742—1744).

Дюамель А. Л. (1700—1781) —французский естествоиспытатель-любитель, агроном и лесовод.

[0] Имеется в виду Ушаков С. Ф. — русский естествоиспытатель.

Раздел IV

ИДЕАЛИСТИЧЕСКО-МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. МАСОНСТВО

РАССУЖДЕНИЕ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ [1]

Бессмертие души есть то преимущество, по которому она вечно будет продолжать свое бытие и по разрушении тела.

Для лучшего объяснения сей важной материи, во-первых, разделим мы бессмертие души на два рода. Первый из них назовем внутренним, а другой внешним. Существо внутренне бессмертное есть, когда оно по естеству своему не может быть разрушено другими сотворенными существами. Таково есть всякое простое и неделимое существо, ибо:

1. Сие простое существо, поелику не есть тело, не подвержено никакому телесному действию, требующему противодействия, которого не находится в простых существах. Да не противополагают нам здесь для опровержения силы нашего рассуждения системы о наваждении физическом, или о действии тела на душу или души на тело; ибо сие было бы не что иное, как сомнительное сомнительным доказывать. Итак, ежели душа есть существо простое и не подверженное действиям сотворенных существ, то она внутренно и по своему естеству будет неразрушимая, нетленная, или бессмертная.

2. Мы не знаем другого разрушения, кроме того, которое происходит от деления частей. Существо простое, какое есть душа, поелику оных не имеет, не будет подвержено сему разрушению и, следовательно, оно не может разрушиться, как токмо чрез уничтожение; но сие разрушение превосходит силы причин естественных. Посему душа по своему естеству есть неразрушима, и естественные причины сего не могут учинить; следовательно, она внутренно бессмертна.

Бессмертие внешнее есть то существа качество, которое делает его необходимо неразрушимым от всех, какого

бы они свойства ни были, подобных ему существ. Одно необходимо нужное существо есть внешне бессмертное; ибо оно не имеет никакого существа над собою высшего, которое бы могло его уничтожить, и разрушение его заключает в себе противоречие, да и не было бы оно иначе существо необходимо нужное. О сем-то втором роде *бессмертия* разуметь должно сказанное апостолом о боге, что он есть *един имеяй бессмертие.* 1 Тим., VI, стих. 16. Итак, когда спросят 1. Бессмертна ли человеческая душа? 2. Можно ли доказать бессмертие души из рассудка? Если дело идет о *бессмертии* внутреннем, то ответ готов, и ничего нет удобнее, как доказать доводом, взятым из простоты души, что она внутренно бессмертна. Но если говорится о *бессмертии* внешнем, то, поелику одному только богу существенно приличествует сие бессмертие, не можно оного приписать душе, не сделав ее из существа случайного необходимо нужным, что было бы несходно с разумом. Разум научает нас, что душа, как и всякое случайное существо, имеет начало; что некая всемогущая и совершенно свободная вина, извед ее единожды из ничтожества, содержит всегда в своей зависимости и может прекратить бытие ее, как скоро соблаговолит, так как и дало ей начало бытия, как скоро соблаговолило. Следственно, ее вечное сохранение зависит от благости сего высочайшего существа.

Следует теперь вопрос; окажет ли ей вечное существо сию благость? Откровение выводит нас из всякого сомнения. Но можно ли, не касаясь откровения, доказать сие естественным образом? Сего-то всякий знающий, что есть доказательство в собственном названии, доказывать не)смелится. Ибо здесь речь идет о познании воли божией. Разум довольно ясно открывает нам ее в рассуждении того, что мы должны делать; но он в рассуждении божиих определений не постигает оной: сие познание превышает всякое понятие, а сверх того и мало споспешествует нашему благополучию.

Единое откровение может нас совершенно удостоверить о сем *бессмертии;* ибо можно сказать, что оное Доставляет нам толикое множество сильных причин, кои вместе взятые столь важны, что удобно доводят нас к весьма утешительной известности.

Да и невероятно, чтоб существо, которое в состоянии познавать толикие истины, делать толикие изыскания,

рассуждать о бесчисленных вещах, чувствовать оных соразмерность, сходство и красоту, размышлять о делах создателя, постигать его самого, примечать его судьбы и проникать причины оных, восходить выше вещей чувственных и до познания вещей духовных и божественных, которое может действовать с свободою и рассуждением и которое способно к прекраснейшим добродетелям; нимало, говорю, невероятно, чтоб существо, украшенное толь изящными качествами и притом такими, которые несравненно превышают качества бессловесных, было создано на маловременность сея жизни. Древние чувствовали всю важность сего доказательства.

Впрочем, человеческий разум по своей природе может преуспевать и приводить в совершенство свои способности. Хотя познания наши заключены действительно в некоторых пределах, однако мы не видим границ ни в самом нашем познании, ни в вещах, нами познаваемых, ни в успехах нашего рассуждения, благоразумия и добродетели. Человек в рассуждении сего всегда способен к высшей некоторой степени совершенства и зрелости. Смерть постигает его прежде, нежели, так сказать, окончит он свои успехи и в самое то время, когда он в состоянии восходить гораздо выше.

Ничто не могло равняться с веселием и удовольствием, которое ощущали разумнейшие и мудрейшие между язычниками, веря, что душа по своей природе бессмертна. Сие мнение было твердейшею их подпорою среди утеснений, в которых они находились, а наипаче среди тех, в которые ввергали их добродетели. Оное подавало им великую надежду о будущей счастливой их жизни; и, наконец, служило им сильным побуждением прилепляться к упражнению во всяком роде нравственных добродетелей и содержать плоть свою навсегда в повиновении разуму.

Сие без сомнения происходит из естественного чувствования достоинства существа нашего и величества судьбины нашей, что мы по природе смотрим всегда на будущее, что печемся о том, что приключится после нас; что стараемся учинить имя наше и памятование об нас бессмертными и что мы хотим заслужить хорошее мнение у потомков наших. Сии чувствования не суть мечтание ни самолюбия, ни предрассуждения. Желание и надежда быть бессмертным есть природное впечатление. И сие желание есть само по себе толь благоразумно, толь по-

лезно и толь сходно с человечеством, что можно по крайней мере из оного вывесть весьма вероятное умозаключение о будущей жизни. Сколь ни велико и сильно по себе сие желание, но оное тем больше умножается, чем больше стараемся мы о просвещении своего разума и чем более успеваем в познании истины и в исполнении добродетели. Сие чувствование есть надежным началом благородных, великих и полезных обществу действий, и можно сказать, что без сего начала все человеческие намерения были б малы, подлы и весьма низки.

Следственно, не можно сомневаться о том, чтобы сия надежда тщетно от бога была влиянна человеку. Желания, которые не имеют никакого соответствующего им предмета, суть не что иное, как страх, происходящий от несуществующих вещей.

Итак, рассмотрев человека *физически,* рассмотрим теперь его *нравственно.* Мы видели, что человек есть существо разумное и свободное, которое отличает справедливое от честного, которое находит в себе глас совести, которое знает зависимость свою от творца и которое рождено для исполнения известных должностей. Прекраснейшее его украшение есть разум и добродетель. Первейшее его упражнение и старание состоит в том, чтоб успевать в предписанных добродетелях, употребляя в пользу все случаи, ведущие его к просвещению и благотворению. Чем более он упражняется и успевает в толь похвальных упражнениях, тем более исполняет намерения создателя и оказывает себя достойным полученного им бытия. Он чувствует, что может отдать отчет в своем поведении, почему и оправдает или осуждает сам себя, смотря по своим действиям.

Прибавим к сему рассуждению, что если душа человеческая умирает с телом, то состояние скотское есть во многом превосходнее пред человеческим. Удовольствия бессловесных, хотя состоят в одних чувствах, однако суть чище и действительнее, поелику оные не бывают ни прерываемы, ни уменьшаемы, ниже колеблемы каким-либо размышлением, и они совершенно ими наслаждаются; а если и не наслаждаются оными, то кажется, что менее имеют в них нужды, нежели человек, поелику об оных мало и думают. Недостатки их не бывают сопровождаемы размышлением. *Скоты,* говорит *весьма хорошо* Сенека, *убегают видимой ими погибели; избежав ее, бывают спокойны.* Скоты свободны от беспокойства, они не

пекутся о своем семействе, ниже о своих потомках; не беспокоятся тщетными изысканиями знания, которое должно с ними погибнуть; нет у них заботы в рассуждении будущей жизни и нет надежды, которая должна бы быть тщетна. В самое то время, когда они ниже помышляют о своей смертности, неожидаемый ими какой-либо удар, или непредвидимая боль прекращает их бытие.

Итак, из всех рассуждений видно, что человек не под физическим управлением находится, как скоты, но под нравственным. В самом деле, будучи свободен и одарен разумом, он находит в собственной своей внутренности начало свободы; он всегда действует чрез побуждения нравственные, ему единственно свойственные, наконец, здравый разум всегда предписывает ему закон, по которому должен он поступать. Итак, может и необходимо должен он отдать отчет во всех своих действиях. Да и, конечно, всякий человек, будучи одарен от природы волею, способною избирать, может и должен соображать все свои действия некоторому непременному правилу и дать отчет в своем поведении. И как все нравственные действия суть свободны, без принуждения и без естественной нужды, то и происходят или от доброго, или от худого побуждения; они бывают сообразны с здравым разумом, или несообразны с оным; достойны похвалы или похудения, награждения или наказания. Итак, поелику есть высочайшее существо, которому мы должны всеми нашими способностями, и как в добром или худом нашем употреблении сих способностей состоит все то, что есть доброго или худого в нравственных наших действиях, потому мы имеем довольные причины полагать, что начало побуждения и обстоятельства сих действий будут подвержены некогда испытанию, что мы будем судимы по наблюдению или преступлению правила, кое было нам предписано и что от того зависеть будет определение, которое изречет высочайший судия к нашему оправданию или осуждению. По сему основанию просвещеннейшие из язычников верили и научали, что после смерти дела всякого человека получат праведное и строгое испытание и что он будет правосудно и без лицемерия оправдан или осужден, смотря по добрым или злым его действиям, соделанным в сем свете. *Никто,* говорит Платон, *да не ласкает себя тем, чтоб мог он избавиться от суда. Ибо хотя бы вы сокрылись в недрах земли, или изошли на самую высоту небес, то и тогда не могли*

бы избегнуть праведного божеского суда, в жизни ли, или по смерти. О законах, книга 10.

Рассмотрев таким образом человеческую природу, возвратимся теперь к богу; мы в нем также найдем новык причины, кои уверят нас о награждении и мучении в будущей жизни.

Мы показали, что нет в сем свете довольного различия между состоянием добродетельных и порочных и что нет должного возмездия за добродетель по мере изящности оной, ниже мучения за порок, которое соответствовало бы великости оного; а поелику известно и несомнительно, что ежели есть бог, ежели он существо бесконечно благое и бесконечно правосудное, если смотрит он за поведением всякой твари, если одобряет он тех, кои исполняют его волю и подражают ему, если напротив того, осуждает тех, кои идут совсем противным путем; поелику, говорю, известно, что ежели все сие справедливо, то необходимо должно, чтоб высочайшее сие существо для удержания величества своих законов и своего правления, наконец, оказало некогда явные знаки своего благоволения или негодования и чтоб оно изъявило величайшую разность, которую полагает между повинующимися его законам и беззаконно попирающими оный. Кто не видит, что сие неизбежно приводит нас к одному или другому из сих заключений? Должно будет сказать, или все понятия, которые мы имеем о боге суть ложны, что нет провидения, что бог не видит того, что делают его творения; а ежели и видит, то нимало о том ни печется, что противно его нравственным свойствам и опровергает самое его бытие; или надлежит заключить, что необходимо должно быть после сей жизни состояние, в котором награждения и наказания будут определены каждому по делам его и в котором все сомнения, кои имеют о провидении, будут совершенно рушены правосудием, воздающим каждому по делам без лицемерия. Итак, уже неоспоримо доказано, что должно быть будущей жизни для награждения и наказания. Почему всяк опровергающий награждения и наказания будущей жизни, выводя заключение из заключений, наконец, впадает в совершенное безбожие.

Сверх того, ежели бог есть существо совершенное, то он не может, будучи таковым, сделать что-нибудь противного здравому и совершенному разуму. Следовательно, невозможно, чтоб он был виною существа, коего бытие противно бы было таковому рассудку, или, что то же

значит, чтоб он не поступал разумно с существами, зависящими от его могущества. Если же мы находимся в числе сих существ и если смертность нашей души противна здравому разуму, то сего довольно для удостоверения, что она бессмертна: но мы можем иметь о том такую неоспоримую известность, какую только можно нам снискать употреблением наших способностей; то есть, что нет ничего такого в природе, в чем бы мы более могли быть удостоверены, как в сей истине. Итак, теперь остается нам только рассмотреть, противна ли смертность души здравому разуму или нет? Не сие делает существо несчастливым, когда ему будет доставлено состояние постоянного, истинного и не подверженного в рассуждении перемены никакому опасению благоденствия, равно как и то не подвергает его несчастию, когда оно создано будет в состоянии благополучия смешанного, так, чтоб несчастие его всегда меньше было несчастия и чтоб существо сие не более претерпевало, как сколько само оно изберет претерпеть для получения благополучия, соединенного с его несчастием; ниже, наконец, и то не делает существа несчастным, если бы оно и было сотворено более подверженным злополучию, нежели счастию, когда оно может иметь в то же время возможность избежать несчастия или по крайней мере избежать оного столько, сколько нужно для воспрепятствования, чтоб все оное несчастие не превышало того, которое бы согласилось оно лучше снесть, нежели лишиться хотя части благополучия, сопряженного с сим несчастьем. Один случай, которым при сотворении человека можно сделать его несчастным, мог бы быть тот, если бы он сотворен был несчастным, то есть без пособия, без награждения и не положивши никакой замены его злосчастию; но сей случай сам по себе есть столько противен и несходен с разумом, что одна мысль об нем возмущает ум и по одному природному рассудку умствующего человека. Всякий теперь, проникнув таким образом в природу разума и справедливости, может довольно быть убежден, что предложения сии суть неоспоримая истина.

По сему почитавший душу смертною, должен согласиться на одно которое-нибудь из сих двух предложений: что если бог есть существо неразумное,, несправедливое и немилосердное, или что человек в жизни сей точно может найти помощь и замену своей бедности и злосчастью. Допускать первое из сих предложений

было бы противоречить истине, яснейшим образом доказанной; притом прибавить можно, что сие было бы писать столь недостойное и столь нелепое и нечестивое понятие о высочайшем существе, что никто не согласится дать в себе место оному, кроме изверга рода человеческого, и притом самый тот, который защищает сие мнение, точно уверен, что оное есть ложно.

Признавать же второе предложение, сие значило бы не познавать человечество и не иметь общего смыслу.

Итак, положим, хотя никак невозможно, чтоб бог, будучи существо бесконечное, премудрое, правосудное и благое, не имел другого намерения и не предполагал себе другого конца при сотворении тварей, одаренных разумом, каковы суть люди, коих он одарил столь благородными и изящными качествами и способностию всегда и на всяком месте отличать добро от зла, невозможно, говорю, чтоб в сем бог не предписал себе другого конца, как токмо того, чтоб вечно сохранить последование одною за другою столь маловременных тварей, находящихся в сем нечастнейшем состоянии побеждения, развратности и несчастья нынешнего в свете, в коем непременный закон в рассуждении добра и зла нимало не наблюдается, в коем необходимая разность вещей не производит почти никакого чувствительного действия; в коем порок от добродетели довольно не различается по своим плодам и в коем слава божия и величество его законов бывает весьма часто попираема ногами; добродетельные люди не получают им должного награждения, ниже беззаконннки заслуживаемого им наказания. Но что вместо вечного одного за другим последования новых существ, каковы оные ныне суть, должно необходимо, чтоб некогда вещи совсем переменили вид свой и чтоб те же самые люди, кои пребывают ныне, пребывали также и в другой будущей жизни, в которой бы мучения и награждения были распределяемы каждому соразмерно прежнему его поведению; в коем бы все беспорядки нынешнего света были исправлены; из коего бы всякое лицеприятие было изгнано, и в коем стези провидения, показывающиеся нам ныне по несовершенству нашего об оных понятия столь запутанными и непреходимыми, были б полным образом изъяснены, и мы бы нашли их достойными существа бесконечно благого, правосудного и премудрого. Без сея истины все прочие будут совершенно бесполезны; и если отвергнуть мучения и награждения

будущего состояния, то надобно уничтожить и правосудие, благость, порядок и разум, и не останется на свете ни одного начала, которое могло бы служить основанием доказательства во нравоучении.

Но хотя бы мы, отложив причины, взятые из нравственных свойств божества, устремили внимание к природным его совершенствам; однако истина, о которой мы говорим, все была неоспорима. А чтобы в том удостовериться, то надлежит только вникнуть в познание и премудрость творца, являющуюся в строении вселенныя. Ибо кого уверить можно, чтоб бог, создавши существа столь почти совершенные, каковы суть люди, и дав им превосходнейшие качества, определил им обитать на сем только земном шаре с столь отличными от других тварей знаками; поистине должно бы быть крайне слепу, чтоб не видеть, что по крайней мере сия низкая творения часть сотворена для них и относится единственно к их пользе; нельзя, говорю, никого уверить, чтоб сие было сотворено для таких существ, которые навсегда кратковременны и которым определено провождать малое число лет, составляющих жизнь их, в ужасном беспорядке и странном смущении, и потом навсегда быть уничтоженным. *«Ибо не безрассудно и не случайно мы сотворены и созданы, но точно была некая сила, которая, благодетельствуя человеческому роду, не произвела и не питает того, что бы, по принесении всех трудов, умерло навсегда. Цицерон. Тускулан. Запр.»* И что бы в сем последнем случае можно вообразить суетное, как сотворив света? Что гнуснее и противнее правилам премудрости, как такое сотворение человеческого рода? *«Если мы без всякой причины родимся; если в произведении* ***людей*** *нет провидения; если мы случайно для себя только и* ***для*** *своего сладострастия рождаемся и если мы по смерти преобращаемся в ничто, то что может быть так бесполезно, так тщетно и так суетно, как человечество и* ***как*** *самый мир? Лактанций, в книге 8».*

Но дабы лучше дать восчувствовать силу наших рассуждений, то сделаем сравнение двух систем, дабы увидеть, которая из них будет сообразнее с природою и с состоянием человека; одним словом, которое из **них** будет премудрее и достойнее бога. Положим, с одной стороны, что творец представлял себе совершенство и благополучие своих тварей, а наипаче добро человека и целого общества; что для сего, даровав человеку ра-

зумение и волю, учинив его способным знать свое определение, узнавать и следовать путем, который один может к оному его привести, наложил он на него строгое обязательство шествовать постоянным путем сим и не терять никогда из виду светильника разума, который должен освещать стези его; что для большего воспомоществования он вложил в него все чувствования и начала нужные, которые бы его руководствовали; что сие распоряжение и сии начала, поелику происходят от существа могущественного, премудрого и благого, то и имеют все свойства истинного закона; что сей закон влечет уже за собою всей жизни свое награждение и наказание; но как первое свое узаконение недовольно, то бог для придания расположению столь достойному его премудрости и благости всего совершенства и для доставления человеку во всех возможных случаях побуждений и нужной помощи, учредил еще узаконение, собственно так называемое, *закон естественный,* который окажется в будущей жизни, и что, .взирая на поведение людей, намерен он потребовать у них за оные отчета, наградить добродетель и наказать порок воздаянием, точно соразмерным заслуге и преступлению каждого.

Противоположите сей первой системе ту, которая утверждает, что человек создан для настоящей только жизни и что после оной нечего ни надеяться, ни опасаться; что бог, создавший человека и установивший общежитие, не принимает в оном никакого участия; что одаривший нас разумом и способностию различать добро от зла нимало не смотрит, как мы оную употребляем; но так все предал в нашу волю, что все наши действия совершенно от воли нашей зависят; что мы не отдадим никакого отчета нашему создателю и что невзирая на неравное и неправильное раздаяние добра и зла всей жизни, невзирая на все беспорядки, причиненные злобою или несправедливостию человеческою, мы не должны ожидать от бога ни наказания, ни награждения.

Можно ли сказать, чтоб последняя сия система сравниться могла с первою? Объясняет ли она столько совершенства божия? Равномерно ли она достойна его премудрости и правосудия? Столько ли она способна к отвращению от порока и подкреплению добродетели в поползновенных и опасных обстоятельствах? Делает ли здание общества столь твердым и дает ли законам естественным такую важность, какой требует слава вышнего

законодателя и благо человечества? Ежели бы из двух обществ, защищающих сии разные системы, надлежало избрать какое-нибудь одно, то кто бы из разумных не предпочел жить в первом из них? Нет, конечно, никакого сравнения между сими двумя системами в рассуждении изящности и сходства. Первая есть дело совершеннейшего разума; вторая же недостаточна и допускает многие нелепости. Следовательно, сие одно довольно ясно показывает, которая из них справедливее в рассуждении того, что должно здесь судить и размышлять о намерениях и делах бога, который делает все с величайшею премудростию.

Но сверх того, познание будущей жизни полагают ли они между познаниями вероятными или и совсем еще сомнительными? В сей неизвестности всегда лучше будет держаться о сем познании подтвердительного мнения. Ибо без сомнения, та надежнейшая сторона, которая менее подвержена опасности, и при всяком случае менее теряет, нежели выигрывает. Положим, что будущая жизнь сомнительна. Если же точно есть будущая жизнь, то уже не верить оной есть великая погрешность; а поступать так, будто бы оной не было, есть пагубное заблуждение; такая погрешность влечет за собою бедственные следствия; положим же, что будущей жизни совсем нет, то погрешность верить оной ничего другого, кроме хороших следствий, не производит. Из сея погрешности не произойдет в рассуждении будущей жизни никаких нелепостей, ниже в настоящей не подвергнет она нас великим беспокойствам. Итак, как бы то ни было, но мудрый человек и в самом противном для естественных законов случае не усомнится из сих двух систем одной последовать, а другую отвергать. Добродетель всегда восторжествует над пороком.

Но если сия сторона уже благоразумна в самой сомнительности и неизвестности сего положения, то благоразумнее еще будет она тогда, когда откроется (как то сему иначе и быть нельзя), что сие мнение по крайней мере достовернее другого. Первая степень правдоподобия есть простая вероятность, которая хотя и слаба, однако для любопытного и благоразумного человека бывает наилучшим побуждением к конечной решимости. И если в обыкновенности сея жизни делах благоразумно поступать по сему правилу, то сие самое благоразумие позволяет ли нам в важнейших и существенно

к нашему благополучию относящихся вещах отступать от сея стези?

Наконец, если, поступая в сие немного далее и приводя вещи к истинной их цели, согласятся, что мы имеем здесь в самом деле ежели не доказательство, собственно так названное (поелику оно в положении места не имеет), то по крайней мере вероятность, основанную на столь разумных догадках и на столь великом сходстве, что весьма близко подходит к известности, то еще более будут уверены, что в сем случае должны мы поступать сообразно с иным законом и что разум не позволяет нам поступать по иному правилу.

Поистине, нет ничего достойнее разумного существа, как искать во всем ясности и не основываться, как токмо на правилах достоверных и известных. Но как сие не всегда возможно, а удостовериться надобно, то что бы тогда делать, когда бы надлежало всегда ожидать для сего строгого доказательства? По недостатку высочайшей степени известности должно останавливаться на низких, и не великая вероятность делается довольным доказательность, когда нет столько же сильных противоположений. Если сия сторона сама по себе не очень известна, то по крайней мере то достоверно, что в сем случае должно ее предпочесть; и сие необходимо следует из нашей природы и состояния. Если бы при ограниченном нашем понятии и необходимости на что-нибудь решиться, нужно было нам иметь для сего совершенную известность, и мы бы не хотели принять вероятности за начало уверения, то надлежало бы или согласиться на менее вероятную и противную вероятию сторону, чего никто не захочет, или бы провождать жизнь свою в сомнениях и нерешимости, пребывать почти всегда в недоумении, не придерживаться никакой стороны и не иметь никакого твердого правила жизни, что совершенно разрушило бы систему человечества.

Отсюда происходит, что сия великая истина более или менее во все времена и у всех народов была принимаема, смотря по большему или меньшему их просвещению, то есть, когда народы более или менее познавали начала вещей.

ПРИМЕЧАНИЕ

Эта анонимная статья впервые была опубликована в русском масонском журнале «Вечерняя заря» (1782. Ч. 1), руководителем которого был известный масон И. Г. Шварц. Печатается полностью по кн.: Н. И. Новиков и его современники. С. 218—228.

ЛОПУХИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

И. В. Лопухин родился в 1756 г. в селе Воскресенском Орловской губернии. Его отец В. И. Лопухин — генерал-поручик и киевский губернатор — приходился племянником царице Евдокии Федоровне и был близок к придворным кругам. Это обстоятельство во многом повлияло на образ мыслей и дальнейшую судьбу Лопухина.

И. В. Лопухин по традиции дворянских семей был записан в гвардию унтер-офицером и в 1775 г. получил звание прапорщика Преображенского полка. Однако из-за болезни он ушел в отставку в 1782 г. в чине капитан-поручика. В конце того же года он становится советником, а затем председателем Московской уголовной палаты.

В 80-х годах XVIII в. Москва превращается в центр розенкрейцерского движения в России. И. В. Лопухин вместе с И. Е. Шварцем, Н. И. и А. И. Новиковыми, С. И. Гамалеей, А. М. Кутузовым и другими видными розенкрейцерами принимает самое активное участие в пропаганде и утверждении масонских идей в русской культуре. В 1783 г. члены «Дружеского общества» открыли одну из типографий на имя И. В. Лопухина, где печатались такие книги, как «О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания» Сен-Мартена, пользовавшуюся громадным успехом в масонских кругах, «Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть различного весьма важного содержания», которая почиталась розенкрейцерами за

одно из наиболее ценных руководств но алхимии, и целый ряд важных религиозно-нравственных произведений. В типографии И. В. Лопухина предпринималась попытка организовать два повременных издания: «Избранная библиотека для христианского чтения (вышло три части) и «Магазин свободнокаменьшицкий, содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях, песни, письма, разговоры и другие краткие писания стихами и прозой» (вышло две части). Публиковал Лопухин и свои произведения, в которых пропагандировал масонские взгляды, разрабатывал масонский ритуал и систему религиозной нравственности на основе Священного Писания. Философские, нравственные, религиозные, политические идеи И. В. Лопухина тесно переплетены друг с другом. Он восторженно относился к монархической форме правления в России, выступал в защиту крепостного права, отвергал революционные идеи французских просветителей. Весьма характерно следующее его высказывание: «И здравый рассудок, и свидетельства мудрейших, и опыт многих веков доказывают, что единоначалие или монархическое правление есть лучший образ правления в области обширной. Республика истинно хороша быть может там, где бы большая часть составляющих общество были здравомыслящие и любящие добродетель... Где же такое общество на земле?..»

В мае 1786 г. И. В. Лопухин был уволен из Московской уголовной палаты. Основной причиной послужило недовольство московского главнокомандующего графа Я. А. Брюса снисходительностью приговоров уголовной палаты и принадлежностью Лопухина И. В. к масонским кругам. Спустя несколько лет он в связи с делом Н. И. Новикова попадает под подозрение Екатерины II. После подписания приговора о заключении Н. И. Новикова в Шлиссельбургскую крепость И. В. Лопухин был допрошен, однако на основании полученных ответов был освобожден от неминуемой ссылки. В 1796 г. он был вызван Павлом I в Петер-

бург и получил чин действительного статского советника с повелением находиться при императоре. В следующем году он был произведен в тайные советники и сенаторы в Московские департаменты. В Сенате И. В. Лопухин, вел уголовные дела. При Александре I продолжал свою служебную деятельность. Активно сотрудничал с журналом «Друг юношества» (1807—1815), издателем которого был М. И. Невзоров — друг и ученик И. В. Лопухина. После Отечественной войны 1812 г. он ушел в отставку и поселился в своем родовом имении, где и умер в 1816 г.

СОЧИНЕНИЯ

Лопухин И. В. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями, сочиненное Россиянином. М.: Б. и., 1780. 20 с.
Масонские труды И. В. Лопухина: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. М.: Б. и., 1913. VI. 134 с.
Лопухин И. В. Излияние сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенствами буйной свободы, с присовокуплением нескольких изображений душевной слепоты тех, которые не там, где должно, ищут причин своих бедствий. Писано Россиянином, сочинившим Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и проч., напечатанное в 1780 году. М.: Б. и., 1794.
Лопухин И. В. Замечание на известную книгу Руссову du Contrat Social. М.: Б. и., 1805.
Лопухин И. В. Нечто для размышления о молитве и сущности христианства. Орел: Б. и., 1814.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А. И. И. В. Лопухин // Архив исторических сведений, относительно до России. 1860—1861. Кн. 1. С. 1—60.
Барское Я. И. В. Лопухин//Русский биографический словарь. СПб.: Б. и., 1914. Том: Лабзина—Лященко. С. 65U — 682.
Пиксанов Н. К. И. В. Лопухин // Масонство в прошлом и настоящем. Спб.: Б. и., 1914. Т. 1. С. 227—255.
Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // **Собр.** соч. Т. 22. С. 242—287.
Суровцев А. Г. Иван Владимирович Лопухин: Его масонская в государственная деятельность. Спб.: Б. и., 1901.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ О ВНУТРЕННЕЙ ЦЕРКВИ, О ЕДИНОМ ПУТИ ИСТИНЫ И О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЯХ ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ГИБЕЛИ

Глава I

О НАЧАЛЕ И ПРОДОЛЖЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ ЦЕРКВИ

Христос возлюби церковь, и себе предаде за ню: да освятит ю, очистив банею водною в глаголе, да представит ю себе славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых: но да будет свята и непорочна

Ефес. V. 25. 27.

§ 1

Блаженство твари единый есть предмет попечения о ней всемогущего творца.

§ 2

Он сотворил человека бессмертно блаженствовать в неописанном раю сладости. Дабы паче его возвеличить, одарил его свободною волею. Дух божий царствовал в духе Адамове, проникал светом своим все свойства души его, все его чувства — и одевал его сиянием оного, яко ризою.

§ 3

Повиновение духу божескому, владычествовавшему Адамом, единое было служение; чистый пламень любви ко творцу своему фимиам его был.

§ 4

Злоупотребление воли, преслушание Адамово, изгнало его из рая, погасило в уме его светильник небесной премудрости и низринуло его и в нем весь человеческий род в царство болезней, труда и смерти — на землю, покрытую тернием и волчцами.

§ 5

Вечная любовь наказует для спасения, и самыя страдания посылать для врачевания.

Она попустила человеку низвергнуться в тление, в которое он сам облек себя своевольным искажением своего естества; заточила его в жилище скорби, свойственное поврежденному сему естеству, коему обитель света уже несносна была: но во всем том устроила таинственныя пути очищения и прехождения чрез страдание в веселие, чрез смерть в бесконечную жизнь, чрез бедственную временность в блаженство вечное и вящее прежнего.

И, конечно, беспредельная оная любовь, в самое то мгновение ока, в которое пал Адам, уже промышляла о его восстановлении; и премудростию своею уготовляла средство возжечь в душе его искру того светильника, который освещал его до падения.

§ 6

Отец, подвизая неиссякаемый источник могуществ своего и благоутробия, всегда, везде, и всем влече к сыну, который есть един истинный путь, едина истинная жизнь и дверь райская, и егоже есть,; взыскуя тварь заблудшую от вечного блага, паки водворять действием любви своея в бездну оного, сущую в лоне-' отчих.

Слово, изрекшее свет, всегда речет — и свет бывает

§ 7

Первый вздох покаяния Адамова был, можно сказат первый луч воссияния в нем оного света и перва точка основания внутренней церкви божией на земл"

Последовавшие патриархи, праведники, душ благочестивые, жившия в страхе господни, веро в них рожденном, и добротою непорочности Авелево украшенныя, все вкупе составляли единую церковь оную в которой бог творил великое дело обновления.

А воспаленные темным духом Каиновым, размножа злонравный мир неправды, вражды, убийств, нечести и заблуждений, созидали на земле церковь антш христову.

§ 8

Церковь святая, божественная наипаче укреп»; лась, возвысилась, распространилась, новый свет дух прияла вочеловечением Христа бога нашего.

Г *Бог слово, имже вся быша, плоть бысть, и вселися в ны.*

Сей бог и человек воплощением своим, жизнию, страданием и смертию сотворил возможность и отвеоз путь всем человекам, кои верою и любовию объемлют его, паки чадами божиими быти; быти таковыми не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от бога родившися.

§ 9

Он совершил сие великое дело на кресте, таинственно окропив все души драгою своею кровию, яко тинктурою к божественному превращению.

О! дабы хотя в общей купели последнего крещения все очистилися и усыновилися единому истинному отцу!

§ Ю

Так! Вочеловечение Иисус Христово утвердило воссоздание церкви его, коей не одолеют врата адовы.

Он не только мертвых воскрешал в жизнь естественную: но и попрал смерть и адскими узами связанных разрешил в живот вечный. Не токмо претворил воду в вино, но растворил и тот состав духовныя телесности, из коего, сокрушенным стихиям всем, родятся земля и небо новыя. Единый будучи источник чистого учения, пролил он новый свет премудрости, воспалял души животворным огнем веры и воображался в них.

S 11

Апостолы его и ученики, от самого исполнения его приявшие благодать и силу, им же рождали небесных чад света и творили духовныя превращения в новую жизнь. В один день до 3000 таковых учинил Петр вседействующим словом живота. Деян. Апост. Н. 41.

§ 12

Тако разнасаждался виноград внутренней церкви господней. Тако размножался и размножается духовный елей возрождения, коим чрез воплощение Христа бога вся исполнится: небо же, и земля, и преисподн-

няя. Нетления источник сей дождит на девственную > землю богоносия, невидимо разливается и сокрушает оплоты видимого, греховного, преходящего. Ефес. V. 26.

§ 13

Непрестанно творится и растет тело таинственного человечества Христова, коего члены суть в разных степенях и различных дарованиях, одушевленные духом любви давшего новый любви закон. Матф. V. Сии члены имеют разные дарования, разные служения, разные действия. Одним дается явление духа на пользу, другим слово премудрости; иным слово разума, другим вера; иным дарование исцелений, другим действия сил; иным пророчество, иным рассуждения духовом (различения духов) иным роди языков. Вся же сия действует един и тойжде дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет. I. Кор. XII. Сей дух водит и возрождает их, наполняя собою по мере совлечения ветхости Адамовой.

§ 14

Тако размножается и устрояется невидимая цер- ? ковь святая, царство небесного царя, ему же подобает царствовати, дондеже положить вся враги под ногама своима. I. Кор. XV. Сим совершит он все дело творения, и тогда предаст царство богу и отцу. *Егдаже покорит ему всяческая, тогда и сам сын покорится покоршему ему всяческая, да будет бог всяческая во всех.*

Глава 11

ОПИСАНИЕ ЦЕРКВИ ВО ОБРАЗЕ ХРАМА

§ 1

Изображая всю церковь, помещенную во храме, коего пределы от единого токмо всеведущего измеряются* крестом, можно себе представить следующее храма сего *j* разделение.

§ 2

Во *внутреннейшем* святилища, при райских источни- f ках спасения, блаженствуют священники храма обновле- :

ния всеобщего, дарами благодати и натуры преизобилующие и сияющие в полноте света истины и живота.

Сказывай ученикам своим: *Се аз с вами до скончания века,* по воскресениям явивыйся им дверем затворенным, и *мир* глаголавыи, ядший с ними от части рыбы печены и от пчел сот, может быть и всегда является сему малому Эдемскому собору избранных, благословляет их и ходит с ними, учаще их творити особо вверенное им дело обновления.

§ 3

*) Прочая *святая святых* населяется совершенно созревшими в возрождении, с которых последняя степень крестного огня таинственно совлекла уже самое гнездо греха.

Сии суть сосуды совсем очищенные и преисполненные духа и жизни Иисусовой. Ощущение вся во всех их действующия благодати есть единое чувство их бытия; и они суть то по ея действию, что Иисус по естеству своему.

§ 4

3 /*Святая* содержит в себе во первых внутренно пригвожденных уже со Христом ко кресту, не предавших еще духа своего в руце отчия, но не подверженных уже падению. Гал. V, 24, 25. I Иоан. III. 9.

Сии пред завесою *святая святых* стоящие праведники, равно как и населяющие внутренность ея, суть удобнейшие„к .апостольству на земли, для воображения Христа в души человеческия.

§ 5

Ц)Потом следуют все идущие путем возрождения, от самого начала его во Христе: преходящие крестный путь его в разных степенях и возрастах, но не совсем еще совлеченные ветхого естества, долженствующего умереть на кресте самоотвержения и истлеть в огне очищения.

В сем числе могут быть и орудия апостольства, и пророки, и чудотворцы, и богопросвещенные писатели по распределению дарований. Но когда не совершились еще они в обновлении внутреннего человека, то по мере недозрения в чистоте крестныя жизни может естество, еще ко кресту не пригвожденное, со впечатлениями, к коим оно удобно, вмешиваться в их дела, слова и писа-

ния и открываемую им и ими истину затмевать лжею и заблуждениями *. Того ради весьма полезна осторожность и испытание при смотрении на дела и при чтении писаний и самых просвещенных.

§ 6

Притвор наполняется подвигнутыми влечением отчим. Уверовав евангельскому откровению, идут они на путь возрождения тщанием исполнять закон благодати.

Между сими могут считаться и те, которые, не ведая закона, но влечению благодати следуя, законное творят. Когда ж таковою добродетельной жизнию уготовится в сердцах их путь Иисусу, тогда глас его внутренне благовествует им евангелие, и он причисляет их ко стаду своему.

§ 7

В *преддвериях* храма суть ощущающие нужду в вечном спасении, мыслящие о искании истины и начинающие видеть суету мира сего. Чем более кто из таковых ощутил и познал оное, тем ближе находится ко вратам храма, которыя отворяются покаянным отвращением от самолюбия и стремлением искренним к добру.

Из числа обретающихся в *преддвериях* составляются по большей части разныя мудрования и расколы, основанные на блуждении разума человека душевного, не постигающего чистыя цели духовной, божественной и пути к не не ведающего.

Несчастнейшие между сими суть те, которые, подвигнуты будучи корыстною любовию ко спасению своему, то есть ищущие рая для сладости его, а не для того, что в райской токмо чистоте благоугождается бог, и по ложному понятию о путях спасения суеверием во зло употребляют уставы религии; предаются воспалению вообра*»; жения, бесполезному и безвременному умерщвлению?, плоти, незаконным мучениям; пригвождают себя ко внешности и впадают в идолопоклонство, мня приносит!»* службу истинному богу.

Случается однакож, что и при таковых весьма ложны* упражнениях действием везде и всегда о спасении всех пекущиеся благодати могут иногда являться лучи света,

* Примером сему служат писания Шведенборговы[2] и многих других.

просвещающаго всякого человека грядущаго в мир. оле-женны те из оных/лжетрудников духовны?С)которые при сем освещении, познав истину, обратятся к ней! Но по большей части подвержены они восхищению ложного света.

§ 8

Здесь прилично сказать нечто о символах и обрядах религии, которые ныне большею частию или оставляются без внимания, или употребляются во зло. Но они достойны уважения по своему происхождению и предмету.

Многие из обрядов и символов древней иудейской и нынешней христианской религии внешней образуют божественныя таинства, будучи заимствованы от образа сокровенных действий божиих в человеческой душе, в духовном теле церкви христовой и в самой натуре, и могут на оныя указывать имеющим очи видети. Многие уставы и формы религии, наипаче греческой, которая более сохранила почтенное установление свое, принося пользу наблюдающим их, могут и должны приготовлять к правильнейшему и действительнейшему устроению духовных упражнений внутреннего богослужения.

§ 9

Итак, отправление внешния религии есть средство ко внутреннему истинному христианству.

И несмотря на то, что отторглась она от своего источника и правление света учредившего ее сокрылось от нея, всегда, однако, весьма нужна оная религия, яко средство; и ныне много ею пользоваться могут благонамеренные, утверждаясь на откровении евангельском.

~,\ § [10]

/Рабы заблуждений, страстей, пороков и не желающие свободиться от ига их, влачимые суетою мира и похотию плоти и охотно влещи себя дающие, составляют самую большую толпу, окружающую храм, нами представленный. Не ищут они стезей к нему, не ведают о нем или и ведая отвращаются.

Сих последних назвать можно поклонниками идолам плоти и мира. Внемлюще толканиям все на небо влекущего, могут они оглашены быть в церковь христову, равно как отторгающим им от себя десницу спасающего, могут они от обходящего, аки лев, и ищущего кого поглотить,

уловлены быть посредственно или непосредственно, в сети церкви антихристовой.

Глава ///
О ЦЕРКВИ АНТИХРИСТОВОЙ

§ 1

Из кого же составляется церковь антихристова? — Главные члены мерзкого собора ее суть ложные чудодеи, ^лжег1Г£авед?шки^писатели откровений духа тьмы, облеченныхв блеск ложного света; наипаче же те между ими, которые дары благодати чрез самолюбие обратили на собственность, силы веры употребили во зло, свет являющийся им хотели учинить пищею духовного своего сладострастия и плоти и крови, не могущих входить в царствие божье.

Из числа таковых *восстанут лжех^исш и лжегщу, ооки, и дадут знамения и чудеса велия, якоже' прельстити, аще возможно, и избранные*. Матф. XXIV. 24. Таковы глаголющим некогда господу Иисусу: не во твое ли имя мы пророчествовали, бесов изгоняли и разные творили чудеса? — скажет он: *не вем вас.*

§ 2

Удобнейшие к восхищению на сии высочайшие степени зла суть: духовные сластолюбцы, прилежащие к тайным наукам не по любви к истине, но для удовлетворения самолюбию своему, в число которых должно полагать любопытством, корыстию и себялюбием прилепленных к познаниям, к златоделанию и к исканию средств искусством продолжить греховную свою жизнь, к упражнениям в буквах теософии, Кабалы, алхимии, тайной медицины и в магнетизме оном, который может учиниться наилучшим рассадником и приготовлением для действий темных сил.

Из числа духовных сил сластолюбцев также бывают учредители сект, основанных на ложном свете естественного разума, и бродящих по буквам, имеющим вид таинственности, подобно явившейся недавно в Англии секте под именем Новой Церкви Иерусалимской.

§ 3

Великие орудия в антихристовой церкви суть духовные те фарисеи, уподобленные гробам повапленным, которых самолюбие, гордость, духовное сладострастие, лукавство, властолюбие облекают в одежды смирения, воздержания, целомудрия и благотворения. Таковые удобные к основанию сект злонамеренных под благовидными покровами, ч только искусное зрение может открыть сии заразительные трупы, жизни не имеющие.

§ 4

Действительнейшие орудия посредственные и проводники богопротивной сей церкви суть оные модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна, что самолюбие должно быть основанием всех действий человеческих, что христианство фанатизм; и сие утверждают они для невежд примерами фанатиков, называющихся христианами, или примерами злоупотребления видов (образов) христианства.

§ 5

Самые заразительные из таких лжемудрых суть те, которые отрицают или вочеловечение Иисус Христова, или божество его. Некоторые из них, боже отпусти им! даже стараются убеждать в том, что и бога нет.

Сии-то вредные пустословы прелестными для плоти писаниями своими много содействовали порождению буйного стремления ко мнимому равенству и своеволию в противность порядка небесного и земного благоустройства и в противность божественному велению, царя чтить и повиноваться властям предержащим. Римл. VIII. Сей дух кружения воцарился в погибающей Франции.

§ 6

Самая нижняя жатва злобному духу антихристову суть упражняющиеся в гнусной вражде и гаданиях, убийцы, обагряющие руки свои в крови ближних, и еще те несчастнейшие из рабов плоти, которые отменно преисполняют чашу плотских беззаконий, яко то пьянство, блуд и проч. Сии отменно подвержены внезапному уловлению от невидимых орудий царства темного.

§ 7

Бог Господь наш и Иисус Христос, вочеловечевыйся спасения нашего ради, искупивший кровью своей весь род человеческий, смертью смерть поправыи, снишедыи во ад и врата его затворивый, обещавый вся с собой привлещи на небо, да искоренит всяк сам, егоже не насади отец его небесный, и да будет едино стадо и един пастырь. Аминь!!!

Глава /V

О ЗНАКАХ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ БОЖИЕЙ И ИСТИННЫХ ЧЛЕНОВ ГЛАВЫ ЕЯ ИИСУСА ХРИСТА

Кто взыдеть на гору господню
и станет на месте святом его?
Не повинен рукама и чист сердцем

Псалм XXIU 3 4

Беседовали мы о внутренней церкви божьей на земле и о церкви антихристовой, о идолопоклонстве плоти и миру; также и о том, как подвержены пагубному обману не токмо вовсе уже духовно заблудившие, не токмо ложным светом разума водимые, не токмо во внешноет и бродящие, мня быти духовными по памотованию букв, о духовном гласящих, но и те самые, которые существенно узрев истинный свет, совратятся с пути правого, тем глубже и паче всех низринулись во тьму.

§ 1

Скажем теперь, какие суть знаки отличия истинныя церкви божией и истинных членов главы ея и учителя, или истинных христиан.

Где Иисус не есть краеугольный камень, основание, цель, А и О, первый и последний всего здания; где неищут *прежде всего царствия божия и правды его;* где с Павлом ради Иисуса не вменяют *уметы быти вся.,* Фил. III. 8; где не дух распятого, главы и учителя церкви, все оживляет, все начинает, все продолжает, все совершает — там нет истинной церкви божьей.

§ 2

Какие же суть знаки истинных членов церкви сея, или истинных христиан?

Вера? — Но и *бесы веруют и трепещут.*

Сила молитвы? — *Имеяй всю веру, яко и горы преставляти,* может не существовать (быть ничто) во истине.

Пост, воздержание, умерщвление плоти? — Хотя правильное их употребление необходимо нужно ученикам Христовым, но в них упражняться могут и суеверие, и лицемерие; и самые злейшие орудия царства тьмы употребляют оныя в пособие к своим мрачным действиям.

Ведение ли тайн и разумение? — Но что есть око, смотрящее на дивные вещи и от одной пылинки могущее лишиться зрения?

Видения ли? — Но могут быть и обманчивыя; а хотя бы то были и чистые, то что ж есть слепец, болезнью и оковами удручаемый, видавший во сне райския красоты и свободу?

Дар ли пророчества? — Но что есть стекло, приближающее отдаленнейшие предметы?

Таинственные ли слова и ангельские языки? — Но глаголяй ими может быть, яко медь звенящая, или кимвал звяцаяй.

Чудотворения ли? — Но и лжепророки и лжехристи дадят знамения и чудеса велия.

Раздаяние ли имения? — Но сие может твориться и от преизбытка духовного самолюбия, которое для услаждения своего не только не страшится телесной нищеты, но ниже самой смерти.

Ревностное ли искание вечного спасения и страдание его ради? — Но, познав возможность спасения и вечного блаженства, весьма естественно стремиться к оному; и сколько фанатиков в религии, во мнимой добродетели и в ложном патриотизме с радостию предавали себя на сожжение из идолопоклонства ими самими изваянным истуканом и для блаженствования в будущем!

Даже смирение, чрез долговременный навык в корыстном терпении, может натура так подделать, что не только неискусные примечатели, но и сам смиряющийся будет обманывать себя, мня, что оное происходит от божественного источника.

Самое противоборствование собственной своей воле, даже обуздание ея на покорение не только может делаться для питания духовной гордости, но иногда может быть употребляемо, яко сильнейшее орудие к исполнению собственных желаний. Пример сему видим особливо ныне в искуснейших производителях магнетизма. Они го-

ворят, что лучший способ действовать состоит в покорении собственного желания или в бездействии его в действующем, но здесь приметить должно, что сие бездействие желания стараются они употреблять для лучшего успеха в начальном своем желании, побуждающем их приступать к действованию мнимым оным бездействием

Итак, все рассмотренные здесь свойства, долженствующие быть свойствами истинной натуры христианской, могут являться и без нея.

§ 3

наменует воистину члена Христова?

бовь!Ч1. *Кор.* XII. Любовь есть сущность животворящего^Тела Иисусова. Любовь есть явление духа его. В ней единой пребывать и действовать могущего. Сим токмо духом действуемое есть благо, истинно и огню искушения не подвержено. Любовь одна есть неразрывный узел, со Иисусом соединяющий. *Бог любы есть, и пребывай в любви, в бозе пребывает, и бог в нем.* Иоан. IV. 16.

Николе же отпадающая любовь сия, не ищущая своих — си, т. е. отвергнувшая всякую собственность и стремящаяся к богу единственно для него; *любовь совершенная, в ней же несть страха* (I. Иоан. IV. 18), которая ненавидит грех и бежит от него не из страха наказания, но для того, что он противен источнику ея; сия любовь есть верный знак возрождещг£ во Христе.j7lrorIoBb~ecW', (Чяупггг1йового, во^рождакТщегос1Гглутр«н#егб тела, по мере) возраста его являющаяся. Тело же сие может соблюдать- (ся и возрастать только в совлекающемся ветхого наруж- | ного человека. К таинственному умерщвлению сего гре- I ховного человека коренное средство есть глубокое само- / отвержение, которому наконец, пособием духа любви,) долженствует последовать отведжение, так с ^_^щго__он^г^^самоодъерженид< Я не только" должно не действовать, но и не видеть своего бездействия, кольми паче услаждаться им. Ибо чрез сие самоуслаждение может Люцифер мгновенно воздвигнуть в сердце престол свой. Собственность гнездо греха, магнит, привлекающий родившего ее и главное его орудие.

Итак, любовь есть начальное свойство божественной натуры возрождения, знаменующей существенных членов христовых и чад божьих.

Глава V

О ВОЗРОЖДЕНИИ, О МОГУЩИХ В ОНОМ БЫТЬ ПАДЕНИЯХ, ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И О ЛОЖНОЙ ДУХОВНОСТИ

Аще кто не родится свыше,
не может видети царство божие
Иоанн. 111. 3

§ 1

(Возрождение, или ^бновление^ро Иисусе Христе, есть главный предмет и единое на потребу. (Гал. VI. 15) К сему находится возможность во всех драгою его кровью искупленных, как в долженствующих идти путем чрезвычайным, путем силы просвещения, так и в тех, которые (для лучшего объяснения так скажу) не должны иметь премудрости и отличных сил Иисусовых, а только благость натуры его и освобождение от рабства греховного, чему надлежит быть общим знамением и основанием возрождения, в котором все могут блаженствовать; но в разных степенях, в различном сиянии света и славы божественной, сообразно определенной каждому обители в дому отца небесного и месту в ней назначенному.

§2

Истинное возрождение в чадство божие творится в духовном всепроницающем теле Христове. Сему телу возродиться должно. В сем токмо теле есть подобие и образ божий, и в нем одном может жить и действовать дух Иисуса.

Богообразное свойство оного небесного рождения сокрыто внутрь нас и долженствует возродиться духом и силою заченшагося в человечестве во чреве пречистой Девы Марии.

§3

Таким образом, в смиренной крестом натуре, таинственно зачатый новый небесный человек не должен быть обезображен от носящего его, впечатлениями ее самолюбия.

Рожденный да сокроется в крестную пустыню удаления от сует мира сего да не погублен будет князем тьмы, в оном владычествующем.

И тако возрастая в жизни Иисусовой, должен он, по мере преспеяния в жизни сей, быть точным подражате-

лем ему. Да не ищет он воли своей, но воли отца его небесного, его же царствия и правды прежде всего искать должно.

Опытным лишением света оставленный в пустыне искушений, да отражает оные, держась крепко за нить веры и любви к отцу и богу своему, и да не внемлет прельщениям дьявольским.

Да сносит в любви презрения, поругания, оплевания, заушения от мира. И хотя бы мог он призвать силы ангельские на освобождение свое, однако ж да терпит охотно все страдания, когда они потребны к совершению в нем дела божия, и да борется с плотью своею до пота кровавого.

Ежели слабое человечество его содрогнется, видя приближение лютейших мучений очистительных, и он пожелает, да мимо идет, аще возможно есть, чаша сия, то да спешит со Христом, преданностью всего существа своего, сказать: *Отче, не моя воля, но Твоя да будет!*

И тогда, ежели плоть и кровь его в томлении от последнего степени крестного огня, возопиют: боже, боже мой, всякую мя оставил еси!— то сие не возбранит уже обновленному его внутреннему человеку, совлекшуся самого гнезда греха наследственного, неразрывно соединиться с отцом небесным на всю вечность.

Се тень таинств исполненного образа возрождения и пути Христова на нем! Правильное совершение пути сего водворяет в царство божье.

§4

Не только однакож можно понять ложное понятие О; возрождении, принимать то за обновление, что отнюдь не-, есть оно, но даже и самое дело возрождения может быть- воспрепятствовано, искажено собственностью возрождаемого, которая не допустит восстановиться в нем образу божию, и дело благодати помрачит собственным сво-." им образом.

Рассмотрим, как все сие бывает.

Один просвещенный муж сказал: «Ни о чем столько, не прилежи, как чтоб быть в духе, в душе и теле совер-: шенно без Я. Потом помни, что *ясли и крест* две суть монеты,':, коими покупается царствие божие. Еще N8 потребна крайняя бдительность, дабы на сих монетах вытиснен был образ Христов; ибо я видел и не лгу, что многие исплеваны были и будут с фальшивыми сими монетами, на коих

вьшечатан был собственный их образ, а не Христов и которые много и много имели -)——ной жизни во время свое, и дела смирения были, кажется, всегдашними их делами».— Краткие, простые, но претаинственные изречения!

§5

Мы говорили уже несколько о том, как может быть ложное, на собственности основывающееся крестоношение, и как вид благочестия обманывать может; скажем теперь, как на *яслях,* или на самом возрождении, может псчатлеться образ самости и как оное может быть воспящаемо и ложно понимаемо.

Бездна благоутробия отчего влечет всех ко спасению в любви его. Вседержащая и везде действующая его рука непрестанно толцет во внутреннейшем человеков. Глас совести есть эхо, или отзыв сего толкания, раздающийся в душе громче или слабее, по мере густоты и пространства ее сферы, которую в падении сооружают и расширяют страсти ее, помыслы и деяния плоти и крови.

Тайное вещание гласа сего в человеке при согрешениях угрызает его; в болезнях и бедах дает ему ощущать бренность его и бессилие; в печалях лишает утешности от видимого и внешнего, и среди самого веселья плотского наполняет его унынием.

Ежели человек, внемля спасительному гласу оному, отвлечет себя от заглушающего волнения страстей и обратится, яко сын блудный, к отцу чадолюбивому, то во глубине внутреннейшего его живущая сила божия зачнет в нем возрождение, отверзет путь к явлению внутри его царства божия.

§6

Царство сие *подобно зерну горушну.* Луки. XIII. 19. Оно должно возрасти в древо велие, однако не только может быть воспрепятствовано его растение, но в недрах еще нивы семя может быть подавлено тернием и совсем не дать плода (не прозябнуть). Марк. IV.7.

Христос уподобляет еще царствие божие квасу, *его же приимши жена скры в триех сатех муки, дондеже веки се все.* Луки. XIII. 21. Мат. XIII. 33.

Для центрального и полного откровения царствия божьего в человеке сила, в которой состоит царство сие, Должна излиться в недра божеского и, очищая нечи-

стоту ветхости греховной, исполнить собою всего внутреннего человека. Сею силою света должны воскиснуть в обновление все три принципа: дух, душа и тело, которое в свободу славы чад божьих озарится прозрачною светлостью бессмертных тел. I. Сол. V. 23.

§7

Страдательное самоотвержение, смирение и преданность должны содействовать сему возрождающемуся творению; на самолюбии же обновляемого основанное самодействие воспящает распространению оного света —. и свет сей сокрывается.

Между тем, самолюбие, противоборствуя таким образом в себе царствию божию, может обращать свет его на самоуслаждение, ощущенную силу его употреблять на самодействие и чрез то паки затмить внутреннее просветле ние, исказить в себе дело возрождения; и, сгладив печат! благодати, запечатлеть дело сие образом собственности.!

§ 8

Прежде сеяния ниву приготовляют к принятию семе< ни. Подобно сему, для духовного осеменения к небесном возрождению нива душевная раздирается крестом скор ного ощущения грехов своих и увлажняется слезами П1 каяния.

Во время сие милосердие божие, уготовляя душу началу в ней дела возрождения, провозвещает ей **бля** женство приближения своего сладкими ощущениями, сторгами, тайно знаменательными явлениями во сне, в» ренними гласами, видениями, просвещением разумели

Все сие делается для ее убеждения, поощрения, шения и наставления. Все же сие производится еще средственно и теми силами, которых полки подвиза всемощная десница на служение свое. Все сие проися дит в окрестностях духовных, куда могут входить деЯ вия и нечистых духов, преображающихся в ангелов ев лых.

И того ради искусные мистики советуют остерега ся от сладостей внутренних, особливо тех, которые внешние изливаются чувства; советую и *духи исг, вать: аще от бога суть?*

Все вышесказанное творится вне того центра, **где** крывается царствие божие в истинной своей силе и не может николи вмешиваться нечистое.

§ 9

Гордость духовная, самолюбие и невежество могут сделать, что человек примет оные предвещания о приближении царствия божия за явления уже оного, за непосредственное присутствие Иисусово, за ощущение самыя силы его, в которой состоит царствие небесное.

Духовные картины, для возбуждения и наставления ему показанные, начнет употреблять на удовлетворение похоти умных очес; ощущениями внутренних сладостей, одну тень существенного присутствия божия являющих, станет питать похоть духовного сладострастия; начнет тайно превозноситься открывшимися в нем силами.

Ложно понятые нечистотою его уроки таинственных образований почтет за ясныя откровения божественныя; и, мня последовать оным, будет блуждать, водимый собственностию. Находясь в таковом ослеплении и познав о действии силы имени божия, побуждаемый корыстолюбием собственности, во зло будет употреблять святое имя сие для вспомоществования самодействию своему.

Чрез все сие отгонит приближавшееся к нему царствие божие, паче затруднит в себе возможность к возрождению и все следы начинавшегося в нем дела благодати запечатлеет образом собственности.

Вот как может быть искажено самое дело возрождения!

§ 10

Как же можно иметь ложное понятие о возрождении и правила его употреблять во зло?

Ведущие о правилах жизни Христовой, но не по духу жизни сея, а по самолюбию духовному или другим естественным причинам не удовлетворяющие многим страстям своим, могут чрез долговременное в том упражнение соделанный навык в нижней натуре почитать обновлением; в самое то время, когда их дух, собственностию только Дышущий и мертвыми буквами облекающийся в образ ризы Христовой, управляется посредством оной собственности Духом Антихристовым, и в трон ему приготовляется.

§ П

Человек, имеющий от природы дух сильный, высоко [и] тонко самолюбивый, гордостию духовной и сладострастием движимый, достигая до искомого NB собственностию [ер]о верха величества и славы, может пересказывать сло-

ва Христовы, творить внешность дел его для того именно, что оныя суть высочайшия в добродетели, но добродетели сей ищет он в пищу и прославление своей собственности.

И так для самоудовольствия творя дела по правилам, из Христовой жизни почерпнутым, и не духом Христовым творя их, печатлеет на них самого себя, а не Христа. Самолюбцу сему хочется отличиться или превзойти в, воинстве духовном. Ведая же, что примеры и правила Христовы суть лучшие ко преуспеянию в том, пользуется он л ими, яко лучшею тактикою для одержания победы, которыя ищет для того, чтобы плодами ея наслаждать свою. собственность.

§ 12

Таковые герои ложного христианства мнят деятельностию своею распространять царство божие, но, основывая оную на самости, суть они похитители славы божией и распространители царства собственности, носящей на себе образ Антихристов. *Всяк сад, его же не насади отец небесный, искоренится,* и всякое дело,, не Христовым духом начатое и совершенное, есть мерзость* в очах божиих и не устоит в огне всеискусительном.

§ 13

Намерения, слова и дела суть благи или злы по духу. от коего источаются и коим печатлеются в происхождении своем.

Кающийся мытарь близ есть царствия божия; и весь ма далек от него фарисей, мнящий творить дела оног Плотоугодница, в блудилище ощущающая иногда ме" зость свою и трепещущая от страха совести, гораздо бл„, же к истине, нежели стоик, веселящийся во пламени со;"[5] жения, на которое предал он тело свое для служен самолюбием его изваянному истукану добродетели.

§ 14

Для врага же Христова и душеубийцы, конечно, вес". ма приятны суть те, которые делаются христами без ду~ Христова. Сии могут быть любимейшими орудиями А тихристовыми; и он не будет отнимать у них веры, а толь" стараться будет вяще вводить ее в действия собствС ности.

Верующие без любви суть наипаче подвержены сему страшному блужданию, или, лучше сказать, они одни; ибо не можно во зло употреблять вещь, которой и не постигаешь.

§ 15

На сем же пагубном пути, особливо безвременным и неправильным напряжением духовных сил может раскрыться удобность к непосредственным влияниям нечистых духов, которые, облекаясь в светлыя одежды, под ложноблистательными покровами обманы сообщают за истины и уловленных ими переводят из одной в другую ложную светлость ослепляющего нечистотою своею света.

§ 16

Здесь прилично нечто сказать о духовности, толико пленительной для познавших грубость плотской жизни; хотя я, впрочем, думаю, что в последней может скорее возгореться искра влечения на путь истинный, нежели в духовности злонравственной.

Неверное сведение о духовности, о различии духовности стихийно-астральной, духовности ангельской и духовности божественной затмевает понятие о истинном просвещении и познания наиболее от него удаляющия представляет познанием о вещах божественных.

§ 17

Астрально-духовные (разумные) мнят себя быть просвещенными потому, что их астральное остроумие, украшаясь внешностию букв, составило в их воображении образа вещей духовных и божественных, часто не имеющих ни малого сходства и с тенью подлинных.

Все сие происходит в душевном человеке, не могущем ведать божественного, которое для него юродство есть.

§ 18

Другие, гораздо еще бедственнейшие, находясь на [в]нутреннем пути, особливо жаждущие просвещения, зло-Употребленным напряжением естественной духовности [с]воей подлинно отверзли себе путь к общению с духами, [но], не возмужав в премудрости, не укрепясь в натуре, спо-

собной ко брани противу злых духов, и не имея вся испы тующия в себе силы, не могут испытывать: *аще духи от бога суть?* И потому предаются обманам тех духов, кото»; рые развращают их и не допускают до центрального разумения божественной истины.

§ 19

Центральное сие разумение даруется духом Иисусовым, который един составляет спасительную, чистую,: неложную духовность.

Глава VI

О ПУТИ ХРИСТОВОМ В ДУШЕ

§ 1

На истинном пути возраждения сам дух Иисусов, по мер своего в душе откровения и возраста таинственного тел; своего, совершает путь свой в возрождаемом. Иисус, та' сказать, воплотивыйся в части, ведет ее во след полно" ты своей, в божием вочеловечении явившейся на земле, ведет ее, возрастая в жизни своей, и образует часть си: по ея способностям и определению в те виды и состояни блаженства и славы, в которых должна она в нем сущ" ствовать бесконечно в царстве обновленного творения!

§2

Сия таинственная работа Иисусова тогда начнете в душе, когда откроется в ней обновительное действ силы божией, когда оплодится семя натуры Христов и ощутительно воздействует дух его, несомненно свид" тельствующий присутствие свое и дающий вкушати видети благость господню. Тогда сие творится в душ;[2] когда в ней возродится жизнь Иисуса Христа.

§ 3

Но дабы вступить на истинный путь возрождениГ дабы прийти ко Иисусу и с ним ему же последовать, на. лежит прежде трудиться в п^ти^ к живому пути оному дущем. И сей путг^1пр£дварительный есть также путь п[л] ражания Христу.

Глава VI/
О ПОДРАЖАНИИ ИИСУСУ ХРИСТУ

Рече Иисус: Аз есмь свет миру, ходяй по мне не имать ходити во тьме, но имать свет животный.

Иоан. VIII 12.

§ 1

Желающий соделаться во духе Иисусове существенным последователем ему и для того даже, чтобы дух сей оживотворил его, должен последовать образу и учению Иисусову, которыя открыты в Евангелии.

На сем пути должно упражнять волю в насиловании всех естественных свойств и сил своих ^Ц11^юлнение заповедец_2^ривтовых, на подражание внутренно и внешне его примеру!^^*тлоъатъ^^^л^яопат^щ^з^х^,* для которой нет ничУкГ"тольвозгкгут1г^^ и учение спасителевы; ибо они умерщвляют ее.

§2

Совершающий путь ко Христу должен искренно любить добро и непосредственно иметь в виду Христа Иисуса, ища его единого, и того распята.

Таковое токмо расположение знаменует истинное влечение, без которого не можно и двигнуться ко Христу; и тот, кто не имеет сего расположения, конечно, не идет путем, ведущим к истинному возраждению, что бы он ни делал.

§3

Идущий сим путем должен повседневно, смотря в зерцало Евангельское, качествовать себя в нравах и добродетелях Иисусовых не для того, чтобы естественными силами уподобиться Иисусу — чего и от части не возможно без божественного превращения в жизнь сверхъестественную; и да не дерзают плоть и кровь даже и помыслить о том!

Но естественное сие натуральных сил упражнение по примеру божественному нужно для того, чтобы сколько-нибудь сходнее с волею творчею поступать в естественной жизни; и еще для того, что таковым упражнением готовится удобность к зачатию внутренней жизни, сверхъестественной, небесной.

§ 4

Наипаче должно упражняться в люблении ближнего^ ибо сим упражнением особливо образуется натура челск" веческая в удобность воздвигнутися в ней обители трц#,!« единого, который есть любовь. Все сие ищущий Христа должен делать, наблюдая в самой простоте слова Еван-^ гельския, скрывая, сколь возможно, добрыя дела им тв- римыя и весьма храня себя от того, чтоб не обращать на собственную честь и на собственное удовольств не только пред людьми, но и в самом себе. При всех добр~ делах и намерениях должен он стараться наиглубоча ше соблюдать таинственный смысл сих слов спасител вых: *да не у весть шуйца твоя, еже творит десница тво* Матф. VI. 3.

§ 5

Непрестанное насилование себя и тихая деятельност* потребны на сем подвиге к возрождению, прежде неж дух, совершающий его, ощутительно воздействует. Се" надлежит продолжаться во все то время, когда еще вер ко Иисусу не оживится его духом и когда действует ток неутвержденное, колеблющееся,'мрачное, неживое вер>, вание.

Верование же сие происходит от непостижимаго п* буждения из бездны могущества отчего, который при уд ном наклонении свободной человеческой воли влива в нее влечение свое к сыну, постепенно распростран щееся и усиливающееся по мере содействия влекома

§6

Царствие божие нудится до самого стяжания его и: щими, но нуждение сие разных есть родов и образ

Действующу Иисусу в душе возраждаемого, весь'-: подвиг должен состоять в бездействии, в предание духу действующего или в непокорности закону ветх, человека, противоборствующему закону ума Христ"

Но когда небесная жизнь Иисусова не явилась в ищущем его, то сей, водим будучи тусклым светом е„ возгарающегося светильника рождающаяся веры, *Щ* жен естественными силами, внутренне и внешно дейст вать по учению и примеру Христову для возделания в способного к восприятию креста, которого правиль в любви ношение постепенно есть истинный жизнен: путь последования Иисусу. Марк. VIII. 34.

Например, богоугодное поклонение есть поклонение духом и истиною (Иоан. IV. 23). Сие поклонение свойственно пребывающему во истине и тому, у кого во внутреннем человеке обновился дух правый. Сие есть поклонение возрожденных, в которых, яко в живых храмах божиих, сам дух Иисусов приносит жертву поклонения, жертвенники же духовные, на коих она приносится, токмо созерцают величие и ощущают сладость совершаемого на них богослужения. Также на пути к возрождению, и особливо в тех, которые находятся во влечении отчем, *сам дух часто молится воздыханиями неизглаголенными.* Рим. VIII. 26.

§7

Когда же дух молитвы еще не возбудился, то и естественныя способности надлежит употреблять на поклонение и молитву.

Свойства разумения должно употреблять на познание душеполезного.

Силу желания, стремящуюся к земному и к суетности мира сего, отвлекая от оных, обращать на небесное, богоугодное.

Свойство памяти употреблять на сохранение в ней заповедей божиих и образа жизни Иисусовой для последывания им во всех случаях жизни своей.

Мысль свою занимать надлежит предметами, побуждающими ко благоговению и страху господню, как то: помышлением о всемогуществе, вездесущии и всеведении его; о его правосудии и благости, и страданиях его в человечестве нашего ради спасения; о нашем недостоинстве, падении, смерти и проч., и проч.

§8

Все сии мысленный представления надобно делать для остерегательного напоминовения и дабы подвигнуть себя к покаянному сокрушению, к преданности, к почтению, к любви ко творцу. Все сие стараться производить в простоте, и сколь можно больше в сердце, посвящая самое внутреннейшее на поклонение.

Но весьма опасаться надлежит давать волю своему воображению, и составляя образа, вперяться в них: какие бы сии мысленные образа ни были, чрез все могут вредный впечатления сделаться на воображение.

Тако располагаяся ко служению и поклонению отцу

небесному, надлежит сколь можно чаще всею мыслию, и наипаче в самой тайной глубине сердца своего, упражняться в молитве, в тишине внутренней; отвращаяся от внешности, и входя внутрь себя, обращаться к богу.

§ 9

Здесь заметить нужно, что не должно оного делать для искания той субботы духовной, которыя непременное состояние свойственно верховнейшей степени новыя божественныя жизни и которыя временное ощущение бывает токмо на пути возрождения для утешения, укрепления и ободрения возрождаемого.

Сего не только должно не делать, но и страшиться, как равно и того, чтоб напрягать себя собственными силами проникнуть во внутреннее царство божие. Ужасны следствия таковых покушений! Тьма не может иметь общения со светом. Токмо духовныя чувства нового человека могут наслаждаться божественною жизнию. Иисус есть единая дверь. Сею дверию и его духом входити должно во двор райский.

§ Ю

Рече Иисус: Дух, идеже хощет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуду приходить, и камо идет: тако есть всяк человек, рожденный от духа. Иоан. III. 8.

Но прежде, нежели явится жизнь сего рождения, должно, не стремясь к дарам оного, прилежать токмо естественными своими силами, во-первых, к отвращению себя , от того, что противно воле божией, и насиловать себя к,, исполнению того, чего требует она, стараясь соблюдать.' сие внутренно и внешно и познавать святую оную волю = господню из написанного его слова, из писаний святых! отцов, богомудрых мужей, и из учения церковных наставников своих.

Хотя все творимое нами без духа Иисусова пожрется^ огнем искушения, но сия работа сил естественных нужна1 для приведения натуры нашей в удобность к произведению в ней божественного небесного рождения. *Бли есть господь боящихся его и уповающих на милостьЩ его!* Псал. CXIIV. 18.CXIVI.II. Когда верное и прилежноеЦ деление по откровенному слову божию возделает душу»! тогда сотворится в ней обитель живого слова его, которое.^ воплотится и возцарствует в ней.

Глава *VIII*

О ГЛАВНЫХ СРЕДСТВАХ НА ПУТИ К БОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

§ 1

На пути к божественной жизни, или на пути к началу возрождения во Христе, главныя статьи упражнения идущих сим путем должно составлять: A) насилование своея воли; B) молитва; C) воздержание; D) дела любви; E) поучение в познании натуры и себя самого.

Во всех сих упражняться должны находящиеся и на самом пути возрождения, но на нем сам Христос, по мере воплощения своего в душе, действует в натуре и видах, свойственных обновлению, и светом благодати освещает упражнения сии в правилах и степенях сверхъестественных. А на пути, ведущем еще к божественной жизни, свободное произволение идущего должно принуждать натуру его к оным упражнениям. Рассмотрим вкратце свойства сих упражнений.

§ 2

A. НАСИЛОВАНИЕ ВОЛИ

Возрожденный, в котором слышимо ему глаголет вечное слово и воля божественная ясно являет себя, должен токмо последовать велениям слова сего и собственную свою волю покорять небесной его воле.

Но на пути еще к возрождению, прежде нежели оживотворится в душе оное слово, надлежит собственную свою волю насиловать к исполнению воли божественной. Волю же сию должно стараться познавать из посредственного ея откровения в Библии и в прочих писаниях, благодатию освященных, и правила ея соблюдать наистрожайше.

§3

Насилование развращенной воли падшего естества нашего, совсем противоположной святой воле божией, есть главное дело при совлечении ветхого человека; и сим насилованием нудится в душе царствие божие.

§4

Полезно и нужно часто переламывать собственную свою волю и не следовать ей, даже в самых мелочах, все

то делая в стремлении ко Христу распяту. Таковое противоборствие воле своей, в добром намерении чинимое, весьма приготовляет к истинному самоотвержению и привлекает дух благодати.

§5

Должно последовать и гласу совести или внутреннейшим побуждениям сердца, но великая потребна осторожность при исследовании сих вешаний; ибо они весьма искажаются, проходя из святилища совести чрез прегустую ограду греховную, облежащую внутреннеишее сердца нашего.

§6

Итак, насиловать должно волю свою к исполнению воли божественной. Например, воля падшего человека стремится единственно к самоугодию, а он обращать ее должен на богоугодие и с оскорблением самого себя. Иисус велит любить врагов — прискорбный долг для самолюбивыя плоти, растворенной гордостию диавольскою! — И не может душевный человек без духа Иисусова исполнить сию заповедь его.

Но что ж он может и должен делать? Он должен и может себя насиловать ко внутреннему борению в себе со враждою на ближнего; принуждать себя молиться за него, смиряться пред ним, оказывать ему услуги, благословлять его и проч.

§7

Подобным образом поступать надлежит для исполнения всех должностей, богом наложенных, постоянно стараясь насиловать свою волю и производя работу сию наипаче над внутреннейшими движениями души.

Тако работающий поступает сходнее с намерениями божиими, поколику то возможно душевному человеку, и качествует волю свою в удобность непосредственно покориться воле вышнего и поглощенной, так сказать, быти ею, пришедшей божественной воле сей воплощением, своим обитать в душу.

§8

В. МОЛИТВА

Молитва растворяет душу к восприятию духа благодати и влечет к нему. Она есть пища, укрепляющая на подвиге духовном.

Молитва должна быть основана на преданности. Смиренное предание себя в волю божию есть лучший образ молитвы.

Когда же молящийся не может всею силою желания своего предаться безусловно в оную волю, внутренно и внешно взывая ко господу: *Да будет воля твояХ* то по крайней мере да просит он в молитвах своих о том только, что угодно воле божией. При сем, однако, должно принуждать себя всегда прошения свои запечатлевать преданием в волю отчюю; и при случающихся искушениях и отвращениях во время молитвы упорно пребывать в ней, аондеже одолеть сила ея, подвизаяся до поту кроваваго. Луки XXII. 42.44.

§ 9

Не надлежит молиться ни о чем, кроме того, что споспешествует ко священию имени божия, к распространению царствия его и к совершению воли его. Молитва, заповеданная Иисусом у Матф. VI. 9—13, должна быть основанием и правилом молитвы.

§ Ю

Молиться должно во имя Иисуса, устремляясь всею мыслию и всем сердцем к триединому вездесущему.

Должно творить молитву, как возможно внутреннее, в сердце, подвизая к тому самыя сокровенныя чувствования его.

Чаще надобно стараться упражнять себя в молитве, производя ее втайне во глубине души своея и затворив отверстие чувств грехолюбивых.

Посреди рассеяния и при самом утопании в тварях мгновенныя даже во глубине души обращения к Иисусу приготовляют дух ко благодатному помазанию и премного пользуют.

§ 11

Сверх вышереченного образа внутренния молитвы, которую на всяком месте и при всяком деле творить мож-

но, сверх моления с христианскою братиею своею во храмах, которое много может споспешествовать к созиданию благочестия, нужно и должно один раз или более в день (чем чаще, тем лучше) молиться в уединенном и невидимом месте, сообразно велению Христову: молиться в клети затворенной. Матф. VI. 6.

В таковом уединении да молитися втайне наипаче от самого себя, т. е. от самолюбия и самоугождения, могущих искажать наичистейшую молитву исканием в ней собственного услаждения.

Самое телоположение, согласно расположению души, в чувственном человеке должно и может способствовать к творению молитвы. Богочеловек Иисус, спаситель мира, для спасения рода человеческаго приявый на себя совершенно человеческую натуру, *сам, пад на лице своем и поклонь колена, молися; и бысть тот его яко капли крове каплющия на землю.* Матф. XXVI. 39. Луки XXII. 41—44.

§ 12

С. ВОЗДЕРЖАНИЕ

Тройственное должно быть воздержание: воздержание духа, воздержание разума и воздержание чувств.

Когда вечное слово воплотится в душе возрождаемого, и дух Иисусов откровенно, ощутительно восцарст-? вует над духом его, то он должен совершенно покорять-ся управлению оного божественного духа и воздерживать дух свой от всего того, что не есть в нем движение духа Иисусова.

§ 13

На пути же к божественной жизни, т. е. прежде еще,^ нежели явится в душе свет благодати и прежде нежели во истину услышит она в себе вещание вечного слова, должно воздерживать стремление духа своего ко всему тому, что может воспрепятствовать откровению божест-' венныя жизни в душе или началу возрождения во Христе.

Должно воздерживать страстныя стремления похот' плоти, похоти очес и гордости житейской; наипаче нужн^ противоборствовать в сердце своем движениям, против ным чистой любви. Свойства злобы и гнева всемерно укрощать должно, яко совсем противныя смирению и любв..

Любовь же есть первое явление, начало и конец царства Иисусова в душе, а смирение престол ему быть долженствует.

И в самом добром стремлении духа нашего должно наблюдать воздержание, дабы неумеренным и безвременным напряжением его не удалиться от цели и паче не погрязнуть во блате мрака и пороков.

§ 14

Разум должно воздерживать не только от упражнения в том, что явно вредно; но и от всяких размышлений бесполезных, и от изучения того, что токмо служит к удовлетворению любопытства, а не нужно для преспеяния в жизни христианской и для отправления должностей человека, живущего в обществе, гражданина, или подданного.

При самых полезных упражнениях разума часто потребно ему воздержательное отдохновение, дабы не истощились силы его.

Еще весьма надобно воздерживать разум от стремления проникнуть собою в существо таинств, принадлежащих области того царствия, в которое плоть и кровь не могут проникать и который открываются единым духом царя и господа Иисуса, открывающего тайны своего царства любящим его, по мере их возраста в новой его жизни и по своему распределению дарований.

§ 15

Чувства содержа в пределах назначенного им употребления в здешней очистительной жизни изгнания, должно воздерживать от всего пленяющего их и могущего чрез них паче заражать душу и умножать ея греховныя узы, которым надлежит разрешиться до самыя тончайшия нити для совершенного очищения души и для полного соединения ея с Иисусом — что есть цель возрождения.

Говоря о воздержании чувств, прилично сказать о пользе поста в пище и питии.

Пост сей весьма полезен для обуздания греховных возмущений плоти, которую должно содержать в пределах покорности духу для потребного управления ею и в умеренности, дабы тучность ея не учинилась престолом большего еще владычества вражия. Злая похоть плоти яко сильнейшее орудие вражие не только укроще-

на, но и в самых семенах своих умерщвлена быть должна при совлечении ветхого человека.

И хотя пост сей должен состоять больше в количестве, нежели в качестве пищи и пития, но весьма полезно церковное утверждение оного яко указующее на истинное намерение его и приуготовляющее к правильному его употреблению.

§ 16

D. ДЕЛА ЛЮБВИ

Любовь, для спасения мира во плоти в мир пришедшая, заповедала ученикам своим: *Любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы;* творите милостыни, и проч., как то описано у Матф. в V, VI и VII главах, содержащих божественныя правила жизни христианской.

Се суть дела любви, в которых необходимо должны упражняться ищущие царства божия и правды его в новой жизни во Христе Иисусе!

§ 17

Когда Иисус, когда сама любовь откровенно царствует в душе и совершает возрождение человека, то она в нем сама духом своим творит дела оныя по мере совлечения ветхого естества; и тогда, можно сказать, древо жизни приносит чистые, живые плоды.

Но на пути еще к жизни божественной, прежде нежели любовь, Иисус начнет ощутительно в душе действовать, должно принуждать естественныя силы свои к исполнению сих дел любви по правилам Евангельским, таковым образом, как сказано в §§ 6 и 7 главы сей.

Должно стараться творить дела сии единственно для Иисуса, соблюдая при творении всех их внутренний смысл сея заповеди о милостыне: *Да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя.* Матф. VI. 3.

§ 18

Токмо Иисусовым духом, без всякой примеси собственности нашей, токмо чистою любовию производимый дела любви истинны суть; ибо единым духом сим творимое благо и чисто есть.

Бог, созидающий спасение и блаженство твари своея, требует от нас чистой и бескорыстной любви для того, что таковая токмо любовь, яко воздействие единого духа его, соединять с ним может; а в соединении с ним состоит все блаженство. Блаженство ж есть непрерывное вкушение блага; а благо только то, что произведено духом божиим, и для сего богу — любви угодно в нас только то, что есть действие духа его.

§ 19

При насильственном творении дел любви силами естественными не может конечно быть чистое побуждение, и всегда собственнолюбие вмешается в таковое творение оных; но при сем должно как можно скорее покаянным созерцанием греховныя, мерзкия собственности своея отвергать ее и обращением ко Иисусу очищать оную нечистоту побуждения.

Должно принуждать и уста и желание свое взывать ко господу: *Сердце чисто созижди во мне, боже, и дух прав обнови во утробе моей*\

И насильственное упражнение в делах любви сердцем ветхим, нечистым необходимо потребно, дабы в душе отверсть путь духу Иисусову, духу правому, созидающему сердце чистое, новое и действующему в нем по мере созидания его.

§ 20

Е. ПОУЧЕНИЕ СЕБЯ В ПОЗНАНИИ НАТУРЫ И САМОГО СЕБЯ

Вся сотворшая премудрость, конечно, открыта любящим ее избранным тайну своего творения, являющую внутреннейший состав его и различныя действия глубоко сокровенного духа натуры, движимого духом божиим в первом веществе, в той нетленной персти, из коея все сотворено (Быт. II. 7), и которая после падения тварей облекается грубою одеждою стихий до того блаженного конца времен, как воссияют из нея небо и земля новыя. Апок. XXI.

Что таковое откровение воистину существует, сему видим пример в Соломоне кн. Прем. VII. и в других, которым бог, соразмерно намерению строения своего распределяющий дарования, премудростию своею даровал

оное откровение. Возможность же сего откровения и существование его на земле не можно опровергать, не отвергая любви и всемогущества божия.

§21

Истинное, живое познание тайны творения и созерцание света натуры, или зрение действия духа ея в нетленной оной персти, яко в самом первом его облачении (вегикуле), открывается токмо при свете благодати, озаряющем душу в новой жизни возрождения.

Но теория оного познания открыта, поскольку возможно, в буквах писаниями богомудрых мужей, которых вся сотворшая премудрость одарила светом сего познания, яко избранных ею для сообщения света сего в мире тем токмо, которые к нему званы по превечному расположению божественного ея строения.

Ибо многим, и святым и угодникам божиим, не определено было созерцать сияние оного света в натуре.

Многие избраннейшия, самыя очищенныя души, на высочайшие степени возрождения достигшия, имели познание о сокровеннейшем действии Иисуса в душах, о тайнах будущия жизни и описывали оныя; имели даже апостольское дарование воображать Христа в души других, но не имели ясного познания о внутреннем составе творения, о неточном существе натуры и о действиях духа ея в тварях.

Непостижимы многоразличные пути премудрости господней: но все спасительны, все дивны, все таинственны, все пресветлы! Неисчетны лучи неприступного солнца правды, но каждый из них море света и истины.

§22

Для самого совершающего уже путь возрождения во Христе полезно оное живое познание натуры, яко служащее укреплением, открывая обширнейшее понятие о величистве и благости возраждающего; наипаче же при случающихся и на самом пути возрождения падениях и совращениях полезно такое познание натуры, яко средство к возбуждению и поддержанию веры, которую враг рода человеческаго особливо старается поколебать в душах, приближающихся уже к соединению со Христом спасителем.

§23

Колико же полезно при таковых случаях должно быть познание, открывающее в самой последней твари, в самом бренном растении образ воплощенного слова и всего того, что сотворило оно для спасения нашего; образ всех его таинств, зачатия его во чреве пречистый девы, рождения его и всего хождения его в мире до самого совершения сего искупительнаго его пришествия на землю — образ, все черты сего представляющий!

Колико полезно то искусство, которым просвещенные соединяют, разделяют, разрушают существа, развивают их состав и возращают в источныя их стихии; и при сем действии собственными своими очами созерцают таинства Иисуса Христа, последствия страдания его и в сокращении и в химических явлениях видят все происшествие и следствия его воплощения!

Се плоды познания, открываемого истионною теософиею и просвещенным созерцанием натуры!

И таковым-то действием премудрость обратила нескольких неверующих, которые, узрев своими очами, осязав руками своими самое сокровенное натуры, подвигнуты убеждением, обращались от неверия к вере во Христа и к ея тайнам.

§24

Для тех же, которые еще только стремятся вступить на путь возрождения, со Христом соединяющий, полезна весьма и теория оного коренного познания натуры, в писаниях истинных божественных философов откровенная.

Наипаче полезна сия теория потому, что она представляет понятие о действиях вездесущего.

Понятие же о вездесущии божием служит к возбуждению спасительного о нем памятования, а памятование сие есть средство к рождению в душе страха господня, который есть начало премудрости и путь к живому ощущению присутствия божия.

§25

Ежели познание только самых, так сказать, наружных нитей грубой, стихийной одежды натуры, составляющее математику, физику, химию и проч., в обыкновенных школах преподаваемое (и весьма нужное в своем определении), ежели сие познание, которым мудрые мира

сего толико кичатся, приносит ту пользу, что из числа упражняющихся в нем мудрых сих нет ни единого, который бы сомневался о бытии божиим и действиях его в творении, то колико уже полезно для ищущих царствия божия должно быть изучение теории внутреннего познания натуры, происходящего из училища небесного?

Колико просветительна быть должна теория сего познания, развивающего, так сказать, грубые нити одежды тварей и открывающего источники и начала их; являющего во всех существах образ пресвятыя троицы в учрежденной ею троице в натуре; открывающего внутреннее, коренное в творении действие божие, производимое вся сотворшею премудростию, словом его, спасения нашего ради воплотившимся Иисусом Христом? Который есть путь истина и живот, и к которому *непосредственно* любовь и вера составляют истинного христианина; а соединение человека с ним на веки веков есть цель искупительного воплощения его и блаженства твари.

NB. Прилично здесь сказать, что тот, кто никогда живо не ощутил в сердце своем веры и любви *непосредственно* к Иисусу Христу, не может иметь и понятия о истинном христианстве.

§26

Не всем для искания царствия божия определено — следовательно и не всем должно — упражняться в изучении таинств натуры.

Но упражняющиеся в учении сем да упражняются в нем, яко в средстве токмо к пути в царствие божие, для любви царя в царстве сем царствующего, и для исполнения воли его!

Да страшатся естественными силами далее пределов их проникать в сие тайное учение и обращать его на нечистые виды собственности!

Да страшатся даже и для удовлетворения только любопытству своему или для забавы, упражняться в таинственном сем учении! Осмелюсь сказать, что лучше забавляться играми, охотами и проч., нежели для забавы только или из любопытства упражняться в познании тайн божиих; ибо чем священнейшую кто вещь суетно употребляет, тем вящий грех творит.

§27

Итак, хотя всем отверст милосердием спасителя путь в его царствие, но не всем определено для сего упражняться в познании творения и натуры.

Не можно довольно часто повторять, что любовь ко Христу Иисусу есть единый необходимый, непреложный и общий для всех путь в царствие божие. Единое есть на потребу. Блажен, кто благую изберет часть!

Ищите прежде царствия божия и правды его, и вся (что потребно) *приложаться вам.* Матф. VI. 33.

§ 28

Истинное познание *самого себя* постепенно открывается человеку при совлечении ^етхого Адама в новой жизни божественной. Еф. IV. *22.2ЪЗА7^^* "***

Свет благодати, освещая возрождаемого по мере возраста его, отверзает внутренния его очи и прогоняет пред ним мрак греха, сокрывающий его от самого себя.

Тогда раздирается завеса ослепления, и человек видит глубину падения своего, живо ощущает греховную свою мерзость и все бедство, приключенное себе отвращением своим от любви божией.

Крест внутренний спасительный мучением очищает всю тину грехов и изгоняет мерзкое их соборище, порожденное работою греха наследственному; сокрушает густую ограду нечистого плотяного сердца для освобождения пути к рождению сердца духовного, нового, чистого; развивает до последния нити ветхую одежду душевную, покрывающую гнездо греха, и Я, сей корень греха, обнажается и ужасается самого себя.

Спасительный крест внутренний для совершения дела своего растопляет в огне очищения все существо возрождаемого и до последней точки изглаждает нечистоту ветхого человека, ибо хотя малейшее пятно нечистоты сея останется, то не может во всей полноте своей явиться в душе царствие божие, и не может в ней сотвориться обитель триединому.

Крестный огонь, или огненное крещение (Матф. III. П) долженствует наконец совлечь гнездо греха и стереть до единыя пылинки корень всего зла, оного Я, и истребить его.

Сие последнее действие внутреннего креста открывает человеку высочайшее познание самого себя, ибо оно дает ему живо во всем пространстве ощутить всю

гнусность его и ничтожество. Действие мучительнейшее и сладчайшее для грешника, совершенно познавшего свое преступление пред богом, кающегося и чистою любовию стремящегося соединиться с ним неразрывно.

О болезнь лютейшая и спасительнейшая! Смерть воскрешающая в истинную жизнь! Предтеча блаженства нерушимого и бесконечного! Колос. III. 1.3.4.

§ 29

Но тем, которые идут еще к началу внутренней, божественной жизни, полезно изучаться познанию самого себя в писаниях истинных философов, содержащих теорию сего познания, почерпнутого из света небесного училища.

Поучаясь таким образом в теории истинного самопознания, должно, по правилам ее рассматривая, испытывать себя, наблюдать движения своего сердца, побуждения его и коренные причины своих действий.

И таковое упражнение много нас просветит в самопознании. Часто увидим себя весьма слабыми, глупыми, бесчестными, презрения достойными и проч. там, где мечтали себя быть сильными, разумными, честными, славными и достойными почтения.

Познаем, как мы, производя и самыя лучшие, по мнению нашему, дела и во мнимой правде и любви своей жертвуем только гнустному идолу мерзкия корысти и собственнолюбия нашего; и сколь далеко удалились мы от бескорыстной, чистой любви, которая есть всего блага начало и конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые опубликовано в 1798 г. «с присовокуплением краткого изображения качеств и должностей истинного христианина». Трижды переиздавалось. Публикуется полностью по кн.: Масонские труды И. В. Лопухина. С. 5—57.

[2] *Сведенборг Э.* (1688—1772) — шведский теософ-мистик.

ЩВАРЦ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

Иоганн Георг Шварц, или, как его называли в России, Иван Григорьевич, родился в

Трансильваниив 1751 г. О жизни Шварца до его приезда в Россию практически ничего не известно. Во время заграничного путешествия князь И. С. Гагарин познакомился в 1776 г. со Шварцем и предложил молодому немцу быть гувернером у детей А. М. Рахманова. Тот принял предложение и летом того же года прибыл в г. Могилев. Во время поездок в Москву он вошел в круг русских масонов и организовал с разрешения И. П. Елагина в Могилеве масонскую ложу. После смерти Рахманова в 1779 г. Шварц переезжает в Москву и получает должность профессора немецкого языка Московского университета. В конце того же года Шварц участвует в организации при Московском университете Педагогической семинарии, куда его назначают инспектором.

В России шли активные поиски истинной формы масонства. Системы Елагина и Рейхеля не удовлетворяли умы российских масонов. Эти поиски привели И. Г. Шварца, Н. И. Новикова, А. М. Кутузова, И. П. Тургенева, М. Хераскова и ряда других «братьев» различных лож к основанию эклектической ложи «Гармония». Почти все члены этой ложи, включая Шварца, принимали участие в деятельности новиковского «Дружеского ученого *m/* общества».

В 1780 г. Шварц получает должность ординарного профессора философии. По его инициативе весной 1781 г. образовалось Собрание университетских питомцев, задачей которого было просвещение молодежи. Важным событием в истории русского масонства стала поездка Шварца в 1781—1782 гг. к берлинским масонам. Основной целью ее было обретение независимости русского масонства от шведской системы масонства и основание самостоятельной российской провинции. Благодаря усилиям Шварца на Вильгельмсбадском конвенте было объявлено, что Россия является VIII свободной и независимой провинцией масонского мира.

Вернувшись в 1782 г. в Москву, Шварц продолжает читать университетские лекции, а также приватные лекции по философии у себя дома. Однако куратор Московского университета Мелиссино изменил свое отношение к ученому и вынудил его уйти в конце 1782 г. из университета. Но Шварц продолжает читать лекции у себя дома. В 1782—1783 гг. были прочитаны лекции о «Трех познаниях». В 1784 г. И. Е. Шварц скоропостижно скончался в подмосковном имении кн. Н. И. Трубецкого Очакове. Там он и похоронен.

СОЧИНЕНИЯ

1. Отрывки из лекций покойного профессора И. Г. Шварца // Друг юношества. 1813. Январь. С. 85—101.
2. Речи, говоренные покойным Шварцем (Хранится в РО ГПБ. ОСРК. О Ш. 175).
3. *Шварц И. Г.* О трех познаниях: любопытном, полезном и приятном (Хранится в РО ГПБ. ОСРК. Q III. 40).
4. Различные замечания покойного Шварца (Хранится в РО ГПБ. ОСРК- О III. 112).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тукалевскчй В. Н.* Н. И. Новиков и И. Г. Шварц // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгуиова и Н. П. Сидорова. Т. 1. Спб.: Б. и., 1914. С. 175—226.
2. И. Г. Шварц // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского имп. университета. Ч. 2. М.: Б. и., 1885. С. 574—599.

ОТРЫВКИ ИЗ ЛЕКЦИЙ ПОКОЙНОГО ПРОФЕССОРА И. Г. ШВАРЦА

Три силы составляют, так сказать, нравственное существо человека: 1. *Деяние.* 2. *Способность.* 3. *Навык.* К навыкам отношу я науки, например: искусство говорить, искусство писать, танцевать, петь и пр., принадлежащее к телу. Но кто предается навыку, тот кроме внешних украшений ничего не приобретает, а потерять все может. Разум наш, будучи изощрен бесполезными науками и подкрепляем самолюбием или надеянием на свои способ-

мости, увеличивает воображение, которое удобно приводит человека и к совершенному добру, и к совершенному злу.

По навыку к внешности, воображение представляет человеку все приятности мира сего; оно льстит слабостям человеческим: зарождает гордость, самолюбие, зависть, злобу, сладострастие, и бывает источником многих пороков. Кто привыкнет наслаждаться воображением и дает ему властвовать над собою, тот уже падает в порок; ибо первый встретившийся случай доканчивает то, что разгоряченное воображение начинает. Навык отнимает внутренние способности и, угождая внешнему человеку, погубляет внутреннего и пресекает дорогу к будущей вечной жизни.

Но воля наша есть наше добро, которое от нас зависит употребить в пользу и в вечное благо для себя, удаляйся гнева, зависти, клеветы и проч. Воля наша получает силу над воображением и, не допуская его льстить своим страстям, обращает его на полезное, например, представляет величество Божие, Его благость, премудрость и милосердие к человеческому роду. Сие размышление раскрывает сердце и возбуждает в нем чувство благодарности и любви к Богу и учиняет, что действия человека основываются на доброжелательстве и соболезновании к людям. Но как всякого человека целию есть вечное благополучие, то и должно помнить каждому, что он был, что есть, и что будет.

Человек в порядке просвещения своего должен уподобляться архитектору, который приготовляяся строить какое ни есть здание, наперед делает план, потом заготовляет материалы, расчищает место, проводит глубокие рвы и, вырывая оные до твердой земли, полагает основание, дабы здание было твердо и непоколебимо. Человек во временной своей жизни должен устраивать для себя к будущей жизни на твердом и незыблемом основании дом, или вечную жизнь.

Но как мы будущего не знаем и не можем начертать порядочного плана для вечного жилища, то Бог, по милосердию Своему, показывает человеку в Библии самое покойное и верное расположение вечного дома. В ней начертан весь план к устроению будущей жизни; читая оную, получаем мы вкус и неизреченную сладость чувствуем, которая обратится после в нашу пользу и вечную чищу. Но нужны вера и любовь к Богу, любовь к ближ-

нему и умерщвление плоти. Уподобляясь архитектору, не землю должны мы расчищать, но очищать душу и сердце и во глубине его положить основанием веру и любовь. На сем-то твердом основании утверждается вечная наша жизнь.

* # #

Человеческое состояние есть тройственное: 1. *До обращения. 2. В обращении.* 3. *По обращении.* В первом человек обращается от света к мрачности и отвращается от Божией воли; во втором, т. е. в обращении, кается и страдает, воспоминая прегрешения свои; и время от времени раскрывая более сердце свое, он видит внутренними очами беззаконные свои деяния. Возбуждается в нем совесть и угрызением своим обращает более его к покаянию. В третьем, т. е. по обращении своем, человек уже идет к вечной жизни и к соединению с Богом. Но когда человек умрет без обращения, то душа его соединится с вечною тьмою.

Нынешние философы смеются и не верят тому, что грешник, всегда раскаявшись, получит равное от **Бога** прощение с тем, который согрешая в жизни своей, беспрестанно раскаивался и оплакивал свои прегрешения. Но может ли умствование человеческое проникнуть милосердие и суд Божий? Один вздох и одна капля слез из глубины сердца могут действительнее быть многих слез и воздыханий. Разбойник, распятый со Христом, служит нам верным сему примером.

Впрочем, мы не должны отметать упование на милость Божию нигде. Христос сказал: *У Отца Моего многий обители суть.* Но да не отлагает никто покаяния своего ни на минуту и для того, что никто не уверен в каждую, не последняя ли она его жизни? И всяк ли при смерти своей будет иметь силу веры и раскаяния оного **разбойника** на кресте?

Проходя историю жизни человеческой, можно приметить, что преподаваемые науки без Христианства во зло. и в смертный яд обращаются. От одного семечка зла часто возрождается великое и непреодолимое зло. Человек, живучи в уединении или между дикими и непросвещенными, ежели имеет пороки, то не открыты, и таковой не. умеет прикрывать оных. Но живучи в большом свете,' чрез ложную науку просвещения человек преображается, но во что ж? Ложные науки открывают ему хитрости,.

чрез которые он тайно злодействует, например: *Ришелье*[2] и *Мазарини*[3] с полмиллиона людей погубили, прикрывая себя снаружи честностью.

Грубого и открытого грешника всегда можно предпочесть лицемеру. Хотя они равны в беззаконии оба, однако первый будучи открыт, вреден для себя, но не может уловить в сети свои других; лицемер для того и сам себя обманывает, чтоб удобнее ему было обмануть других. Должно заметить, что таковые открывают себя: 1. В мыслях. 2. В видах. 3. В словах. 4. В деяниях.

Первое: худые мысли зарождают худые желания, ибо воображение есть первое семя нашего греха. Те, которые оскверняют помышления свои, обыкновенно бывают робки, стыдятся там, где нет причин к стыду; они сами чувствуют гнусность свою, и сие-то самое причиняет ложный стыд. Описание того мы видим у Св. Евангелиста Матфея гл. 15. ст. 19. *От сердца бо исходит помышления злая* и проч. ...Следовательно, кто любит чистоту сердца своего, тот бережется этого воображения. Сам Христос сказал: *Аще око твое соблазняет тя, изми е, и верзи от себя.*

Второе: в видах своих грубый грешник бывает дерзок, бесстыден, нагл, легкомыслен, груб, соблазнителен. Он явно отметает закон Божий. Таковых Апостол Павел описывает в послании к Галатам, гл. 5. ст. 15. *Блюдитеся да не друг от друга истреблени будете.*

Третие: в словах таковой обыкновенно клевещет всех, хвастает, смеется и ругается над ближним своим; лжет, клянется и призывает без страха и ужаса имя Божие во свидетельство; он делает всякия кощунства для того только, чтоб других рассмешить. Пророк Исайя в 3 главе стихе 8 о таковых говорит: *Иудеа паде, и язык их со беззаконием не покоряется Господеви.*

Четвертое: в деяниях таковой бывает необуздан и делает все то, к чему влечет его желание. Он думает о настоящем времени, им наслаждается и никогда не мыслит о Боге и о вечности. Таковые *изнемогут и погибнут от лица Господня,* Псал. 9. ст. 4.

* * #

Источник несовершенств наших есть несовершенство мыслей; и как мысли суть источник всех совершенств и несовершенств наших, то для приведения их помощию воображения в порядок, или гармонию, нужно, кажется,

молодых людей упражнять в словесных науках, в музыке,, живописи и занимать их гармониею Природы, которая, красотами своими привлекая чувства человеческие, делает их нежнее, удобнее к чистой любви и приводя в приятное восхищение, заставляет примечать на действия Природы, приводит их в удивление о порядке оной, возвышает их мысли до источника Природы, и, наконец, воспламеняет в них чистую любовь к Богу. Замечатель действия Природы имеет средство от одного листочка или травки расчищать свои понятия и о прочих натуры действиях, ибо коренные ее законы суть одинаковы, хотя и в разнообразных действиях нам представляются.

Занимаясь упоминаемыми мною познаниями, человек расширяет радиус своих совершенств, чистит воображение и мысли свои. Ибо не допускает вкореняться в них злым источникам падения и несовершенств наших, как то: сластолюбию, сребролюбию и гордости или неправильному самолюбию, а наполняет оныя чувствами чистой любви и приучает взирать со удивлением на совершенства Природы и ее источника. Стремление к совершенству есть коренное побуждение всех человеческих деяний и пружина, побуждающая их к своему совершенствованию; почему, зная сию истину, и надлежит при воспитании юношества употреблять ее в пользу.

Надлежит при этом ведать, что исключая гордости, самственности и сладострастия, все другие коренные побуждения служат к истинному благу рода человеческого. Но мы ими не пользуемся и сами з себе их заглушаем, заботясь более в воспитании нашем о приведении организации в совершенство, нежели о совершенствовании вышних и внутренних сил или чувств наших, кои суть: воля, разум и вкус. Мы их без примечания оставляем, а их бы как причину счастия и несчастия нашего наипаче воспитывать надлежало.

Сие-то воспитание производит нужную стыдливость, лучшее украшение человечества, и наипаче женскаго пола. Оно научает нас обширному познанию наших должностей и вкореняет в сердце наше семя временного и вечного блага, т. е. Религию.

* * *

Воображение дает нам некоторый луч света. Подобно как засвещенная свеча в закрытом фонаре показывает вперед дорогу, так и воспламененное воображение открывает

или указывает нам путь к истине, а иногда дает нам еще и в сей жизни ощутить благо, ожидающее чистые сердца в будущей жизни. Но к сему потребно воображение чистое и никакими мерзкими сладостями и пороками не замаранное. Ибо луч, ведущий нас к блаженству, должен быть ясен и воспален огнем любви к Богу.

Итак, следует из всего сказанного, что надлежит употреблять самой юности коренное наше побуждение к расширению совершенств своих в пользу и что причиною по большей части зла, находящегося в мире, есть небрежение о том. Лучшее же к тому средство есть, чтобы, начиная с организации, возвышать совершенство зрения и слуха нашего, *Матф.* гл. 6. ст. 21, 22, 23; гл. 5. ст. 27, 28, 29, которые суть первые источники доброго вкуса. Вкус же, приведен будучи в совершенство, возрождает благородную стыдливость в чувствах, которая есть наилучший друг наш, остерегающий или отвращающий от всякого зла, и не допускающий замарать наше воображение и мысли и приводящий нас к познанию должностей наших в рассуждеднии Бога и ближнего и к восчувствованию истинной Религии в сердце, которая единая есть истинный ключ, отверзающий нам двери рая и дающий ощутить и насладиться Богом и тем самым распространить радиус совершенств наших внешних или внутренних и бессмертных чувствований.

Воображение есть источник всех добродетелей и всех пороков. Оно удобно привести человека к свету, удобно возвысить его, но в противном случае, если оно не очищено, может ввести человека во тьму и его унизить. Все наши нравственные совершенства зависят от употребления нашего воображения. Должно его беспрестанно питать, возвышая чувства зрения и слуха. Оно есть коренная наша сила; оно есть уста души нашей, чрез которыя мы вкушаем познания духовные и нравственные.

Воображение двойственно: одно *вкушающее,* другое *зрительное.* Если мы с прилежностью разбирать будем следствия, происходящие от вкушающего и зрительного воображения, то увидим великую разность между ними; *вкушающее* ненасытимо и чем более удовлетворяется, тем более алчет, например: *зрительное* воображение, взирая на цветущие луга, на чистые источники и на зеленеющиеся рощи, услаждается зрением и, удивляясь совершенству и стройности Природы, величает и прославляет тем Творца вселенной; но *вкушающее* воображение,

смотря на самые те же луга, источники и рощи, не может-, чувствовать иначе услаждение, как присвоением всего оного к себе; оно беспрестанно желает и приводит человека к несчастию. Древние называли зрительное воображение *платоническим,* а вкушающее *скотским.*

Священное Писание сказывает нам, что человек есть существо, поставленное между двух кругов, т. е. между света и тьмы, и от него зависело быть в том или другом круге. Сотворя первого человека, Бог запретил ему вкушать от древа добра и зла, но не запретил одного: зреть ему во всю природу или в оба круга. Итак, ежели первый человек не предался (по прельщению злого духа) *вкушающему воображению* и не вкусил бы от запрещенного древа, то бы он не пал, но, довольствуясь зрительным воображением, насыщался бы всем тем, что Бог по милосердию Своему и по неизреченной любви к человеку ему представил.

Главная должность человеческая узнать самому в себе разность воображения. Ежели оно обращается в духовных познаниях, стремится к Богу и в Нем живет, то душа чрез Него и в здешней временной жизни наслаждается истинным благом и время от времени более и более расширяет в себе зрительное воображение. Ежели же душа чрез воображение стремится к элементам и в них живет, то тогда уже вкушающее воображение усиливается; оно зарождает в душе желания, которые время от времени умножаются, и чем более удовлетворяет их, тем более они алкают.

Кто себя почувствует в каком элементе, то и запрещать себе должен, например: в *огненном* элементе человек бывает властолюбив, желает приобретать чины и все то, что власть его увеличивает; в *водяном* и *воздушном* человек бывает склонен к сладострастию и ко всему тому, что услаждает его внешнее чувствование; *земляном* он скуп и любостяжателен. Итак, должность человека состоит в том, чтобы удерживать себя в главных своих страстях и отнимать тем силу у вкушающе воображения, ибо оно жадностью своею приводит к вершенной погибели.

Лекции сии говорены в 1783 ю<

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Впервые опубликовано в январском номере журнала «Друг юношества» (1813. С. 85—101). Печатается по этому изданию.

[2] *Ришелье Арман Жан дю Плесси* (1585—1642), кардинал (с 1622 г.), подавлял феодальные мятежи и народные восстания. Вовлек Францию в Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг.

[3] *Мазарини Джулио* (1602—1661), кардинал (с 1641 г.), вел борьбу с Фрондой. Добился политического господства Франции в Европе.

Раздел V

СТИХИЙНЫЙ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ВОЛЬФ КАСПАР ФРИДРИХ

К. Ф. Вольф родился в 1734 г. в Берлине в семье портного. Окончив гимназию, он в 1753 г. поступает в Берлинскую медико-хирургическую коллегию. Проучившись в ней два года, К. Вольф переводится в Галле, где и заканчивает медицинское образование в университете.

Там же, в Галле, он защищает 28 ноября 1759 г. свою знаменитую диссертацию «Теория зарождения», в которой разрабатывает учение о метаморфозе растений и принципах зародышевого развития животных. Диссертацию отличала универсальность и глубина постановки проблем. Вскоре К. Ф. Вольф возвращается в Берлин, но, не имея возможности получить кафедру, он в 1761 г. вербуется в качестве врача в прусскую армию, воевавшую в это время против России. Спустя два года, когда Пруссия заключила мир с Россией, а затем с Францией и Австрией, лазареты, в которых работал К. Вольф, были расформированы, и он вернулся в Берлин.

Попытки К. Вольфа занять кафедру в Берлинской медико-хирургической коллегии снова не увенчалась успехом, и он был вынужден некоторое время читать приватные лекции. В 1764 г. ученый переработал свою диссертацию и выпустил популярное ее изложение на немецком языке в виде памфлета, в котором подверг критике противников теории эпигенеза. Это вызвало нападки на учение К. Вольфа в кругах немецкой профессуры.

Научная и преподавательская деятельность в Германии оказалась для него закрытой.

В 1766 г. К- Вольф принял приглашение Петербургской Академии наук занять кафедру анатомии и в следующем году, когда он приехал в Петербург, начался новый этап его научной деятельности. Итогом ее явился пересмотр ученым некоторых положений диссертации, освобождение ее от схоластических идей, усложненной методологии. Уже через год К- Вольф начинает публиковать в «Комментариях» Академии наук свой основной труд «Об образовании кишечника у цыпленка» (1768—1769).

Много времени К. Вольф уделяет работе в анатомическом кабинете Кунсткамеры, некоторое время заведует Академическим ботаническим садом, в 1770—1773 гг. ведет занятия в Академической гимназии, читает курсы химии, анатомии и ботаники. В 1789 г. ученый публикует трактат «О своеобразии и существенной силе как растительной, так и животной субстанции». Хотя после этого он опубликовал две анатомические работы, именно этот труд характеризует К. Вольфа как глубокого мыслителя, стихийного, хотя и непоследовательного, материалиста.

Скончался К. Вольф в 1794 г. от кровоизлияния в мозг.

СОЧИНЕНИЯ

1. *Вольф К. Ф.* Теория зарождения. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 630 с.
2. *Вольф К. Ф.* Предметы размышлений в связи с теорией уродов. Л.: Наука, 1973. 315 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Житков Б. М.* Каспар Фридрих Вольф // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1934. Т. 43. С. 52—68.
2. *Райков Б. Е.* Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 46—94.
3. *Гайсинович А. Е.* К. Ф. Вольф и его учение о развитии // Вольф К. Теория зарождения. С. 363—482.